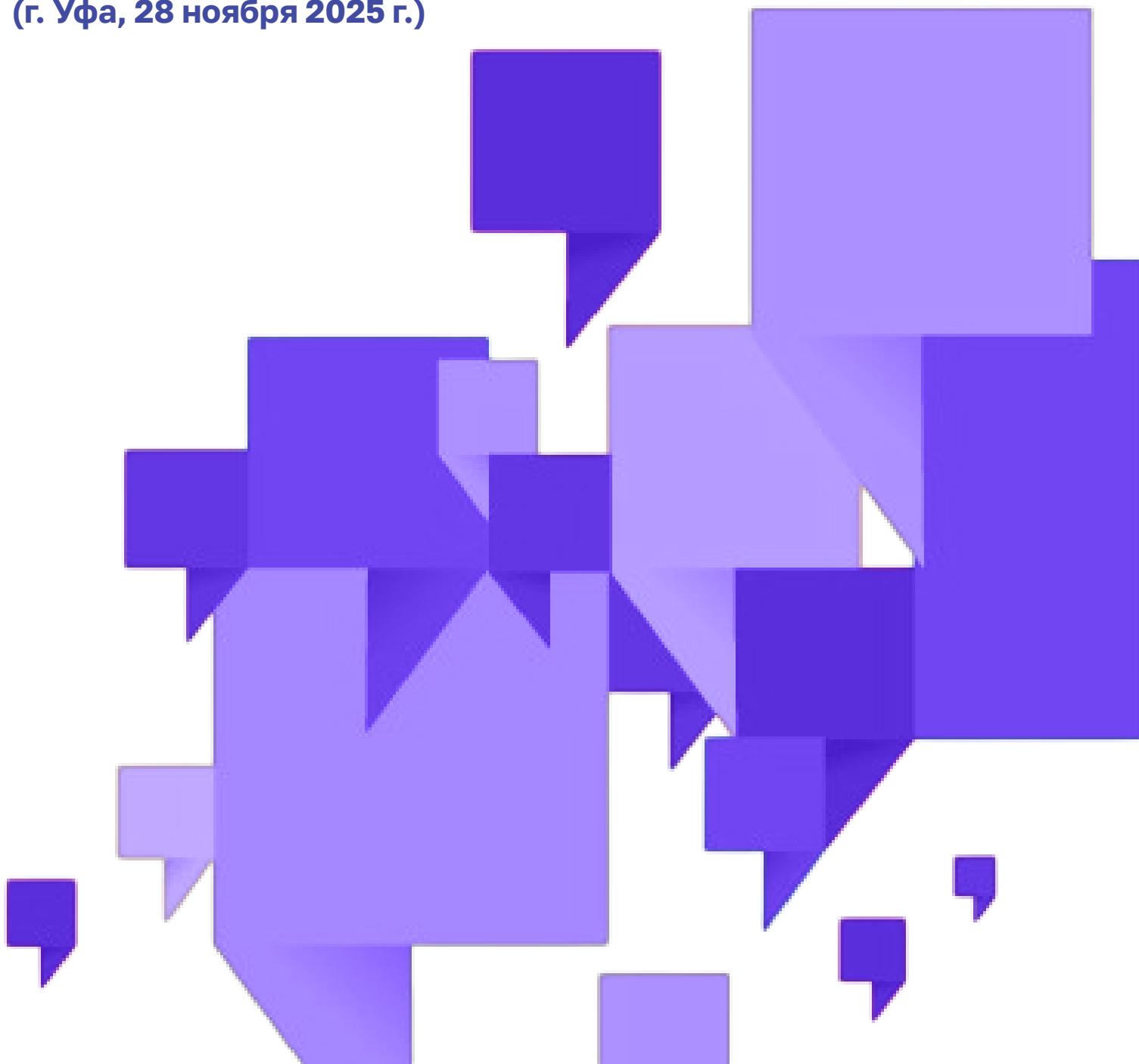

ЯЗЫКИ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР: ПРОБЛЕМЫ МНОГОЯЗЫЧИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Материалы

**VII Всероссийской научно-практической конференции
(г. Уфа, 28 ноября 2025 г.)**

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский университет науки и технологий»

**ЯЗЫКИ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР: ПРОБЛЕМЫ
МНОГОЯЗЫЧИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

*Материалы
VII Всероссийской научно-практической конференции
(г. Уфа, 28 ноября 2025 г.)*

Научное электронное издание сетевого доступа

Уфа
Уфимский университет
2025

УДК 81*1

ББК 81

Я41

Публикуется по решению кафедры зарубежной лингвистики

ВШ ЗФЛП ИГСН УУНиТ.

Протокол № 3 от 05.12.2025 г.

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, профессор **А.С. Самигуллина** (*отв. редактор*);

д-р филол. наук, профессор **Р.А. Газизов**;

д-р филол. наук, профессор **Р.З. Мурясов**;

д-р филол. наук, профессор **С.Ж. Нухов**;

д-р филол. наук, профессор **Н.П. Пешкова**;

д.филол. наук, профессор **О.И. Таюпова**;

д-р филол. наук, профессор **А.В. Уразметова**;

д-р филол. наук, профессор **С.Г. Шафикова**;

канд. социол. наук, доцент **Н.М. Лавренюк-Исаева**;

канд. филол. наук **К.Д. Войцех** (*отв. секретарь*);

канд. филол. наук **Д.Д. Старикова**

Языки в диалоге культур: проблемы многоязычия в полиглоссическом

Я41 пространстве: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 28 ноября 2025 г.) / отв. ред. А.С. Самигуллина [Электронный ресурс] / Уфимск. ун-т науки и технологий. – Уфа: Уфимский университет, 2025. – 209 с. – URL: <https://uust.ru/media/documents/digital-publications/2025/379.pdf> – Загл. с титула экрана.

ISBN 978-5-7477-6306-7

В сборник включены научные статьи, объединенные общей тематикой исследования языковых явлений в диалоге культур. Авторы рассматривают широкий круг актуальных проблем, отражающих языковые аспекты указанной проблематики в широкой междисциплинарной перспективе. Эмпирический материал представлен славянскими, германскими, романскими и тюркскими языками, отражающими ситуацию многоязычия в образовательном поле полиглоссического пространства современного мира.

Сборник адресован широкому кругу лингвистов, лингво-культурологам, психолингвистам, страноведам, методистам, а также представителям других гуманитарных профессий.

УДК 81*1

ББК 81

ISBN 978-5-7477-6306-7

© Уфимский университет, 2025

Л.В. Аминова

З.А. Латыпова

УУНиТ, Уфа, Россия

aminova.liana@yandex.ru

zulfia-manzullina@yandex.ru

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ ФЕМИННОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ АНЕКДОТЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию репрезентации автостереотипов и гетеростереотипов феминности в корпусе французских этнических анекдотов. Воплощением национальной феминности и центральным собирательным образом выступает парижанка. Этот доминирующий автостереотип структурирован вокруг трех основных характеристик: утонченность, рациональный расчет и привлекательность. Данный образ функционирует как эталон, на фоне которого конструируются гетеростереотипы женщин других национальностей (бельгиец, итальянок, немок).

Ключевые слова: французский этнический анекдот, автостереотип, гетеростереотип, феминность, гендерные стереотипы, национальная идентичность.

ETHNIC STEREOTYPES OF FEMININITY IN FRENCH HUMOR

Abstract. The article investigates the representation of auto-stereotypes and hetero-stereotypes of femininity in a corpus of French ethnic humour. The central collective image is the Parisian woman, portrayed as the quintessence of national femininity. The dominant auto-stereotype is structured around a triad of key characteristics: sophistication, rational calculation, and attractiveness. This image functions as a model against which hetero-stereotypes of women of other nationalities (Belgian, Italian, German) are constructed.

Key words: french ethnic humour, auto-stereotype, hetero-stereotype, femininity, gender stereotypes, national identity.

Этнический анекдот является одной из жанровых разновидностей анекдота. Согласно определению В.А.Буряковской, этнический анекдот – это короткий юмористический текст о представителях разных этносов и этнических меньшинств, широко распространенный в большинстве цивилизованных языковых обществ [2, с. 21].

Этнический анекдот представляет собой значительный интерес для лингвистических и социокультурных исследований, поскольку аккумулирует национальные стереотипы и культурные коды. Для французской юмористической традиции характерны анекдоты о национальностях, с которыми французы исторически взаимодействуют - бельгийцах, немцах, итальянцах, испанцах. В настоящей статье предпринимается попытка анализа

этого пласта юмористических текстов с культурологической и гендерологической точек зрения. Иными словами, попытка ответить на вопрос, каковы стереотипные представления французов о женщинах одной с ними национальности и представительницах других этносов. Это тем более актуально, что этнический анекдот, будучи формой фольклорного творчества, отражает не только явные, но и латентные культурные установки, связанные с гендерными и этническими стереотипами.

Напомним, что в типологии этнических стереотипов принято различать автостереотипы, иными словами, то, что думают люди о своей этнической группе, и гетеростереотипы, представляющие совокупность оценочных суждений о других народах. Как правило, автостереотипы чаще позитивны, в то время как гетеростереотипы могут быть как позитивными, так и отрицательными. Поэтому, предположительно, образ женщины-француженки будет более привлекательным и позитивным по сравнению с образами представительниц других национальностей. Проанализировав французские анекдоты, критериями отбора которых послужили наличие этнической маркированности и гендерная ориентированность сюжета, мы пришли к следующим выводам.

Собирательным образом француженки, автостереотипа, является парижанка. Анализ эмпирического материала подтверждает преобладание в французском анекдоте образа парижанки как квинтэссенции национальной феминности. В то же время, данный образ не однозначен и складывается из нескольких взаимосвязанных компонентов.

Доминирующий автостереотип француженки – это образ утонченной, стильной, уверенной в себе и обладающей врожденным чувством превосходства женщины. Отчасти это можно объяснить тем фактом, что этот миф активно тиражируется глобальной культурной индустрией, от модных журналов до кинематографа. В анекдотах этот стереотип часто служит точкой отсчета, на фоне которой строится комический контраст. Француженка изображается как эталон, чье суждение о других (особенно о женщинах-соперницах) представлено как непреложная истина.

В сюжетах, связанных с межличностными и любовными отношениями, француженка часто предстает как искусная соблазнительница. Этот архетип, восходящий к литературным образам XVIII-XIX веков, эксплуатирует миф о «роковой женщине» (*femme fatale*), чья обольстительность является ее главным оружием и инструментом власти. В сравнительных анекдотах, где фигурируют женщины разных национальностей, реакция француженки на измену мужчины часто изображается не как трагедия, а как вызов, на который она отвечает собственной стратегией – от «измены в ответ» до изощренного психологического манипулирования. Ее поведение кодируется как рациональное и прагматичное, в отличие от эмоциональных реакций, приписываемых другим национальностям.

Еще одной характерной чертой является приписывание француженке интеллектуального и культурного превосходства. Она не просто объект желания, но и субъект, оценивающий ситуацию. Ее юмор часто строится на

иронии и скрытом подтексте, в то время как женщины других национальностей в аналогичных анекдотах могут демонстрировать более прямолинейные или даже наивные реакции.

Сопоставление автостереотипа с гетеростереотипами позволяет выявить бинарные оппозиции, на которых строится комический эффект французского этнического анекдота. Чаще всего стереотипы о соседях строятся на упрощенном восприятии исторических отношений и культурных различий, которые гиперболизируются в юморе. Именно это упрощение и гиперболизация лежат в основе комического при создании образов «других» женщин.

Наиболее устойчивой является оппозиция «утонченность – простота/грубость». Если француженка ассоциируется с изысканностью манер и вкусов, то, например, женщина-немка или бельгийка может изображаться как чрезмерно практичная, лишенная светского лоска и утонченности. Ее реакции на бытовые или романтические ситуации представлены как прямолинейные и лишенные подтекста.

В анекдотах, связанных с гастрономией – ключевом компоненте французской идентичности, – эта оппозиция проявляется особенно ярко: кулинарные предпочтения «других» высмеиваются как примитивные или не соответствующие французским стандартам.

Другой значимой оппозицией является «рациональный расчет – эмоциональная непосредственность». В ранее упомянутых сюжетах об измене француженка демонстрирует стратегическое мышление. В то же время, как реакция женщин других культур может кодироваться как примитивная или даже варварская, основанная на физическом насилии. Так, например, ярким контрастом выступает итальянка, чья темпераментность, эмоциональность и ревнивость создают комичный диссонанс с рациональной ироничностью француженки. Немка же, обладающая такими чертами, как практичность, прямолинейность и излишний рационализм, часто изображается как ее полная противоположность антипод в сюжетах, посвященных быту и романтическим отношениям. Это создает иерархию феминных поведенческих моделей, где автостереотип занимает позицию сложной, цивилизованной реакции.

Комический эффект многих анекдотов строится на стереотипах о речи и языковой компетенции. Акцент, грамматические ошибки или специфические выражения, приписываемые женщинам-иностранным (например, бельгийкам или испанкам), служат маркером их «чужеродности» и объектом для насмешки. В этом контексте чистая, идиоматичная речь француженки (а особенно парижанки) представляется как норма и эталон.

Этнический анекдот выполняет функцию не только развлечения, но и проведения символических границ. Высмеивая «других», коллективная идентичность укрепляет собственное позитивное самовосприятие. Стереотип, по определению Е. Бартминьского, представляет собой «субъективный образ, в котором доминирует оценочный элемент, и который является результатом интерпретации действительности в рамках социокультурно детерминированного взгляда на мир» [1, с. 95]. Этнический анекдот является

концентрированной формой такого стереотипа, где оценочный элемент заострен до максимума. В данном случае, юмор служит поддержанию мифа об исключительности французской феминности, которая противопоставляется как «грубой» или «примитивной» феминности соседей.

В то же время необходимо отметить, что через призму юмора также проступают консервативные установки, касающиеся гендерных ролей. Даже в рамках позитивного автостереотипа француженка часто заперта в роли обольстительницы, чья власть ограничена сферой межполовых отношений. Ее интеллект чаще направлен на социальную манипуляцию, а не на профессиональные достижения.

Таким образом, позитивный автостереотип француженки конструируется через негативное или сниженное изображение «других». Этнический анекдот выполняет функцию проведения символических границ, укрепляя коллективную идентичность. Однако доминирующий образ француженки закрепляет ограничительные гендерные роли, концентрируя ее власть в сфере межполовых отношений. Анекдот репрезентирует не объективную реальность, но культурный миф, участвующий в дискурсах о национальной идентичности и гендерных моделях.

Литература

1. Бартминский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике – М.: Индрик, 2005. – 528 с.
2. Буряковская В.А. Анекдот как средство выявления этнических стереотипов // Языковая личность: жанровая речевая деятельность: тез. докл. науч. конф. Волгоград, 6-8 окт. 1998 г. / ВГПУ. Волгоград: Перемена, 1998. С. 21–22.

© Аминова Л.В., Латыпова З.А., 2025

УДК 81'42

Н.А. Арбузова

Новосибирский военный институт, Новосибирск, Россия
Arbuzova_77@mail.ru

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ И ЛАНДШАФТНЫЕ МЕТАФОРЫ В ИДИОСТИЛЕ ЛОРИ ЛИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «СИДР И РОЗИ»)

Аннотация. Статья посвящена анализу пространственных концептов и ландшафтных метафор в идиостиле Лори Ли на материале романа «Сидр и Рози». Исследование позволило установить, что пространственные образы являются ключевым инструментом презентации внутреннего мира героев. В работе выявляются и систематизируются основные группы метафор. Доказывается, что синтез пространственных концептов и ландшафтной метафорики образует основу идиостиля Лори Ли.

Ключевые слова: Лори Ли, «Сидр и Рози», идиостиль, пространственный концепт, ландшафтная метафора

SPATIAL CONCEPTS AND LANDSCAPE METAPHORS IN THE IDIONCRAZY OF LAURIE LEE (BASED ON THE NOVEL “CIDER AND ROSIE”)

Abstract. This article analyzes spatial concepts and landscape metaphors in Laurie Lee’s idiosyncrasy, using the novel “Cider with Rosie”. The study established that spatial imagery is a key tool for representing the characters’ inner worlds. The paper identifies and systematizes key metaphor groups. It demonstrates that the synthesis of spatial concepts and landscape metaphors forms the foundation of Laurie Lee’s idiosyncrasy.

Key words: Laurie Lee, “Cider with Rosie”, idiosyncrasy, spatial concept, landscape metaphor

Исследование пространственных концептов и ландшафтных метафор в художественной литературе сохраняет высокую актуальность в контексте современных антропоцентрических подходов в лингвистике и литературоведении. Пространство выступает фундаментальной категорией, организующей картину мира как персонажей, так и самого автора, выходя далеко за рамки простого фона для развития сюжета. Ландшафтная лексика и ее метафорическое переосмысление служат ключом к пониманию глубинных смыслов текста, раскрывая механизмы восприятия, эмоционального переживания и осмыслиения действительности. Это обуславливает научную значимость анализа роли пространственных образов в структурировании художественного мира. Художественная картина мира является эстетически преобразованной моделью реальности, обусловленной правилами конкретного жанра. Эта модель производна от национально-культурного образа мира, который формируется в сознании людей и накладывает отпечаток на структуру языка. В результате именно специфическая логика национального языка становится основным средством для интерпретации и верbalного оформления коллективного и индивидуального опыта [1, с. 6].

Особую важность в процессе понимания смыслов текста приобретает изучение идиосинкразии отдельного автора, который формирует уникальную систему образов. Под идиосинкразией В. Б. Сальников предлагает понимать «индивидуальное использование языка, его стиля, формы или разновидности в конкретном тексте или в системе текстов индивида» [2, с. 24]. Таким образом, индивидуально-авторские ландшафтные метафоры раскрывают специфику мировосприятия и творческого мышления писателя.

Несмотря на обширные исследования в области пространственных концептов и ландшафтных метафор, в рамках идиосинкразии Лори Ли анализ проведен недостаточно. В связи с этим идиосинкразия Лори Ли, известного своей поэтической прозой и обостренным чувством природы, представляет в этом отношении исключительно богатый материал для исследования, поскольку пространственные образы выступают у него центральным элементом в реконструкции мира детства и формировании личной идентичности.

Целью данной работы является комплексный анализ пространственных концептов и ландшафтных метафор в идиостиле Лори Ли на материале его знакового романа «Сидр и Рози». Роман «Сидр и Рози» (1959), являющейся первой частью автобиографической трилогии занимает центральное место в его творчестве. Это произведение, повествующее о детстве писателя в сельской Англии после Первой мировой войны, практически лишено динамичного сюжета в традиционном понимании. Его художественное пространство строится как мозаика ярких воспоминаний и ощущений, где именно окружающий ландшафт (долины, холмы, леса) становится главным действующим лицом и катализатором взросления рассказчика. Таким образом, анализ пространственной образности позволяет вскрыть самые глубинные слои смысла в этом лирическом произведении.

В рамках когнитивной лингвистики пространственные концепты рассматриваются как фундаментальные структуры сознания, организующие человеческий опыт и процессы категоризации. Они формируют базовый уровень осмыслиения действительности, выступая основой для концептуализации более абстрактных понятий времени, эмоций, познания. Таким образом, анализ пространственных концептов позволяет реконструировать ключевые фрагменты языковой картины мира, демонстрируя, как базовые пространственные отношения (вертикаль / горизонталь, открытость / замкнутость, центр / периферия) становятся инструментом осмыслиения разнообразных, в том числе и абстрактных, явлений.

Ландшафтная метафора, являясь специфической формой пространственной, представляет собой эффективный механизм образного моделирования мира в рамках художественного текста. Данные метафоры осуществляют проекцию структур физического ландшафта (рельефа, типа местности, гидрографии) на внутренний мир персонажа, социальные процессы и восприятие времени. Функциональный потенциал ландшафтных метафор включает визуализацию абстрактных понятий, выполняет текстообразующую роль через создание устойчивой системы образов, эксплицирует авторскую оценку и мировосприятие.

Понятие идиостиля служит связующим звеном между когнитивными основами языка и индивидуальным творчеством. Под идиостилем понимается уникальная, устойчивая и целостная система языковых и концептуальных предпочтений автора. Эта система проявляется на всех уровнях текста и формирует его индивидуальную поэтику. Исследование идиостиля и метафорической системы основывается на синтезе подходов: традиционного анализа художественных образов и концептуальных методов, выявляющих центральные для автора концепты и пути их метафорической реализации. Такой интегративный подход обеспечивает комплексное изучение художественного текста как выражения уникального творческого мировидения.

Идиостиль Лори Ли обладает ярко выраженными лингвокогнитивными особенностями, нашедшими отражение в уникальной системе художественных образов и смыслов. Прежде всего, для его творческой манеры характерна насыщенность детализированными и эмоционально окрашенными описаниями

природного ландшафта. Природный ландшафт в его произведениях выходит за рамки фонового оформления, приобретая статус носителя глубоких смысловых и эмоциональных коннотаций. Чувственное восприятие автором света, цвета, звуков формирует динамичную и одушевленную картину мира, где пространство наделяется чертами активного участника событий. В рамках когнитивной лингвистики подобные пространственные концепты рассматриваются как основа для моделирования уникальной авторской картины мира, что позволяет реконструировать особенности его миропонимания.

Формирование индивидуального стиля Лори Ли в значительной степени обусловлено пространственными концептами, которые служат когнитивной основой для образного мышления писателя и организуют метафорическую систему его произведений. В романе «Сидр и Рози» пространственные концепты дома, дороги, долин, полей, рек неоднократно повторяются и трансформируются, образуя сложную сеть метафор, через которые раскрываются темы поиска себя, перехода от детства к взрослой жизни и связи человека с природой. Пространство в творчестве Ли выполняет роль активного смыслового центра, через который эксплицируется внутренний мир персонажей и центральные темы повествования.

Связь пространственных концептов с ландшафтной образностью в творчестве ли выражается через развернутые метафорические описания природных элементов. Например, описания реки выступают как метафора жизненного пути, неоднократно меняющегося течения времени и испытаний. Поля и леса часто символизируют границы между известными неизвестным, беззаботностью детства и взрослой ответственностью. Исследователи подчеркивают, что метафоризация природных объектов является определяющим свойством идиостиля Лори Ли, обусловившим формирование в его произведениях многомерных художественных пространств, насыщенных культурными кодами и эмоциональными коннотациями. Важнейшим элементом стилистической выразительности выступают атмосфера и тщательно проработанные природные детали. Благодаря им достигается эффект присутствия, а мир произведения строится на тонком взаимодействии зрительных, звуковых и цветовых образов, которые активно участвуют в формировании художественного восприятия. Автор использует детализированные и эмоционально насыщенные природные образы как способ выражения тонких психологических состояний героев, их внутренних противоречий и поисков гармонии. Данный подход создает прочную эмпатическую связь между читателем и текстом, открывая многогранность и психологическую глубину художественного произведения. По мнению В. В. Кучер, «характерной чертой идиостиля Л. Ли является единомоментная презентация комплекса перцептивных впечатлений за счет актуализации нескольких значений полисемантов» [3, с. 8]. Идиостиль Лори Ли, отличающийся сложной системой пространственных концептов и разнообразной ландшафтной метафорикой, конституирует глубоко

индивидуальный художественный мир, достигающий своей максимальной выразительности в романе «Сидр и Рози».

Рассмотренные теоретические положения находят воплощение в тексте романа «Сидр и Рози». Анализ метафорики позволяет выделить несколько ключевых групп, сквозь призму которых Лори Ли конструирует свой художественный мир. Одной из наиболее ярких особенностей идиостиля Лори Ли является его способность к трансформации знакомого, бытового пространства в развернутую ландшафтную метафору. Этот прием проявляется в описании внутреннего, домашнего мира, который под пером автора утрачивает статичность и наполняется динамикой дикой природы.

Это проявляется в том, что кухня в романе предстает как дикий, почти фантастический ландшафт: *«through forests of upturned chairlegs and crystal fields of glass»* [4, р. 3] – мебель и предметы быта преобразуются в лес и хрустальные поля. Дом представлен как водный мир: *«a still green pool flooding with honeyed tides of summer»* [4, р. 4] – интерьер становится подобием тихого зеленого пруда под летними приливами. Эта метафора расширяет привычное пространство, наполняя его живыми природными свойствами. Сознание ребенка метафорически изображается как географическая карта: *«I enlarged my world and mapped it in my mind, its secure havens, its dust-deserts and puddles, its peaks of dirt»* [4, р. 7] – отражая процесс освоения мира через образы убежищ, пустынь и вершин. Кухня также сравнивается с подводным пейзажем, где предметы обихода – это подводные скалы и затонувшие корабли: *«the rocks of our submarine life... encrusted by lively barnacles... wrecks of furniture long since foundered»* [4, р. 20]. Такая метафорика акцентирует напряжение между знакомым и неизвестным, уютом и таинственностью.

Наряду с метафорами внутреннего пространства, важную роль в поэтике романа играют метафоры, описывающие телесное и экзистенциальное бытие героя. Это проявляется в том, что рождение и осознание себя связаны с природными метафорами, например, выход из джунглей: *«He was a nourisher of quarrels, as some men are of plants, growing them from nothing... and watering them daily with blood»* [4, р. 2]. Восприятие мира представлено как морское путешествие: *«I sent forth my acorn shell of senses, moving through unfathomable oceans... like a South Sea savage island-hopping»* [4, р. 6], где чувства героя – это хрупкая лодочка в огромном океане. Жизненный опыт превращается в навигацию по опасным водам: *«From the harbour mouth of the scullery door I learned the rocks and reefs and the channels where safety lay»* [4, р. 8], что символизирует переход от детства к взрослой жизни и освоение своего места в мире.

Если метафоры дома и ландшафта организуют физическое пространство романа, то для презентации мира внутреннего, эмоций и межличностных отношений Лори Ли использует не менее изобретательную систему образов. Абстрактные понятия и черты характера в его произведении также обретают зримые, почти осязаемые формы через развернутые метафоры, часто связанные с природой. Например, ссоры в произведении предстают как растения, которые можно выращивать и поддерживать: *«He was a nourisher of quarrels, as some*

men are of plants, growing them from nothing... and watering them daily with blood» [4, p. 14], что метафорически передает процесс создания и поддержания конфликтов в семье. Страх представлен как стихия, угрожающая затопить героя: «*our position on the hillside made it unlikely we should drown»* [4, p. 15], где природные силы становятся символом внутренних эмоциональных состояний.

Финальный аспект образной системы романа связан с метафоризацией реального ландшафта. Автор не просто фиксирует окружающую действительность, но и наделяет ее чертами живого, динамичного и даже мифологического существа, стирая грань между объективным наблюдением и лирическим восприятием. Например, долина описана как замкнутый, почти изолированный мир: «*The valley was narrow, steep, and almost entirely cut off; it was also a funnel for winds, a channel for the floods»* [4, p. 16], что подчеркивает ее одновременно природно-активный и ограниченный характер. Лес воспринимается как живое существо с собственным голосом: «*the trees moved in the wind with a dry roaring that seemed a natural utterance of the landscape»* [4, p. 17]. Его разрастание сравнивается с извержением лавы: «*in summer they oozed over the lips of the hills like layers of thick green lava»* [4, p. 18], что усиливает ощущение мощи и динамики природного пространства.

В романе «Сидр и Рози» ландшафт функционирует как сложный пространственный концепт, репрезентирующий внутреннее состояние героя и раскрывающий ключевые тематические линии произведения. Представленные в произведении географические объекты формируют многослойное пространство, насыщенное символическими коннотациями и метафорическими смыслами. Природные образы, создавая атмосферу, одновременно функционируют как метафоры для передачи внутреннего мира и психологической динамики героя.

Как отмечают Н.Н. Болдырев и Е.В. Чистякова, «основными когнитивными механизмами формирования оценочных смыслов посредством использования ландшафтной лексики является сравнение, метафорический и метонимический перенос» [5, с. 26]. Таким образом, ландшафтные метафоры в произведении «Сидр и Рози» не только структурируют физическое пространство романа, но и глубоко связаны с внутренним миром героя, эмоциональными и когнитивными процессами, создавая многогранную художественную картину. Лингвокогнитивный анализ позволяет понять, как с помощью метафор автор конструирует сложные пространственно-смысловые образы, отражающие философские и культурные контексты произведения.

Во взаимодействии пространственных концептов и ландшафтных метафор в романе «Сидр и Рози» проявляется сложный механизм когнитивной интеграции, в рамках которого конкретные пространственные образы функционируют как каркас для создания многослойных символических и эмоциональных значений. Лори Ли посредством метафорического переноса трансформирует эти базовые концепты, обеспечивая их системное слияние с внутренним миром персонажей. Ландшафтные метафоры выступают когнитивно-смысловыми единицами, которые формируют диалог между

внешним повествовательным пространством и субъективным эмоциональным опытом героев, выявляя их психологические и символические трансформации.

Идиостилистические особенности автора, выраженные через синестетические метафоры, выразительные эпитеты и динамические сравнительные конструкции, способствуют оживлению природных образов и углубляют восприятие пространства как сложной художественной системы. Такое стилистическое оформление усиливает эмотивное вовлечение читателя и формирует восприятие текстового пространства, в котором пространственные концепты и ландшафтные метафоры функционируют как взаимодополняющие когнитивно-стилистические инструменты, раскрывающие многомерность внешнего и внутреннего пространств романа. Исследователи В.В. Маслова и У.М. Бахтиреева считают, что художественный текст содержит имплицитную информацию, включающую авторскую точку зрения и скрытые смыслы, «которые предполагают сотворчество читателя». Именно поэтому «в ядро концепта могут входить метафорические модели, которые в сознании автора могут становиться доминирующими лейтмотивами всего творчества [6, с.181-182].

Таким образом, проведенное исследование показывает, что идиостиль Лори Ли основан на синтезе пространственных концептов и ландшафтных метафор. Через метафоры дома, дороги, природы и тела автор создает органичный сплав физического и психического, что усиливает эмпатию читателя и создает эффект многогранного художественного мира. Данная система служит отражением глубоких когнитивных процессов и уникальной авторской концептуализации пространства.

Литература

1. Тимофеева, О.В. Метафора в художественной репрезентации мира (на материале произведений английских и американских писателей): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Тимофеева Ольга Владимировна. – Москва, 2011. – 21 с.
2. Сальников, В.Б. Соотношение понятий «идиолект / идиостиль» и «речевой портрет» современном отечественном языкоznании // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2025 Вып. 1 с. 21-29.
3. Кучер В.В. Языковая манифестация полимодальности восприятия в изобразительном регистре англоязычного художественного текста: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 5.9.6. / Кучер Василина Васильевна. – Уфа, 2025. – 23 с.
4. Lee Laurie Cider with Rosie Vintage Classics, 2014. – 228 р.
5. Болдырев Н. Н., Чистякова Е. В. Оценочный потенциал ландшафтной лексики современного английского языка // Вестник ТГУ. 2012. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnyy-potentsial-landshaftnoy-leksiki-sovremennoogo-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 19.10.2025).
6. Маслова В.А. Лингвокультурологический анализ: учебник для вузов / В.А. Маслова, У.М. Бахтиреева. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 245 с.

© Арбузова Н.А., 2025

K.D. Voytsekh

V.S. Gaeva

UUST, Ufa, Russia

kseniavoytsekh@gmail.com

missvalerie.95@yandex.ru

ALLUSION-BASED WORDPLAY IN THE COMMERCIALS WITH CELEBRITIES

Abstract. This article explores the phenomenon of wordplay in advertisements featuring modern artists and actors. The various wordplay devices and functions performed allows to successfully use the given phenomena within the range of limited scope of ad copy. Allusion becomes one of the most essential instruments while creating wordplay in the analysed texts.

Key words: wordplay, advertisement, wordplay functions, allusion.

АЛЛЮЗИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В РЕКЛАМНЫХ РОЛИКАХ СО ЗНАМЕНИТОСТЯМИ

Аннотация. Настоящая статья исследует феномен языковой игры в пространстве рекламного дискурса, а именно – в рекламных видеороликах, созданных в коллаборации с известными современными актерами и певцами. Разнообразие средств языковой игры и функций, ею выполняемых, помогает успешно использовать данный феномен в условиях ограниченного объема рекламного текста. Аллюзия становится одним из основных инструментов создания языковой игры в рассматриваемых текстах.

Ключевые слова: языковая игра, реклама, функции языковой игры, аллюзия.

A large number of linguistic means is used in advertising texts aiding to achieve the desired result more effectively. In addition, one of important requirements for advertising texts is to convey as much information as possible using the minimum number of lexical units so that the text is easily digestible by the recipient. Nowadays, advertising products are released in huge quantities and different forms, the most common of which are video, film and photographs. The information overload inevitably leads to the audience ignoring advertising signals. Thus, advertising can be considered appropriate only if it attracts attention, is understandable to everyone and easy to remember. To achieve this goal, the means can be very different, from deliberately violating the rules of spelling to ambiguity of phrases in advertising texts [1, p. 965]. Commercial creator and brand are being quite creative while generating ideas for attracting more viewer's attention to their advertisements by bringing famous people like bloggers, influencers, artists and actors for entertainment and popularization purposes. Thus, considering the statistics showing an upward trend in pageviews it can be said that celebrities who participate in the ad influence the popularity among target audience. Additionally, a linguistic

element is considered equally significant while creating an advertisement as unique wording works much better in making a commercial more memorable, distinctive and outstanding and adding emotional depth to a story.

One of the most effective ways to make use of the asymmetric dualism of the linguistic sign is implementing wordplay in its various forms [2, p.179]. By wordplay we understand any “unusual” use of language that has a supplementary function (apart from conveying factual information). Wordplay helps transmit larger quantities of information with less linguistic units which is indispensable for advert texts.

The illustrative material for the study was taken from the foreign audiovisual advertisements of the last decades that have wordplay as their integral part.

1. Ed Sheeran collaboration with Heinz

The whole ad is built about one massive case of wordplay. In terms of classification, it can be rendered as a literalization of an utterance, but instead of the utterance it is the whole audio message literalized. Ed Sheeran recorded a voice message to Heinz explaining what he sees their collaboration like, and instead of doing a regular ad, they put the whole voice message as a background voice guiding through the clip. The whole commercial looks and sounds a little hyperbolized. From the linguistic point of view, we can see multiple repetitions of the word “*posh*” and clearly comedic phrases like *The waiter says "We are proud to present this farm-to-table blah blah, posh and fancy, blah blah blah."* On the visual level, the orchestrated play is supported by exaggerated facial expressions of the actors and dramatic camera angles. Together, these means create an unforgettable commercial. Moreover, Heinz later released an exclusive collaboration named *Tomato EdChup* (see pic.1) which is a clever pun on the word “ketchup” and the singer’s name.

Pic. 1. Regular Tomato Ketchup by Heinz and their special collaboration with Ed Sheeran

2. Uber Eats collaboration with Macaulay Culkin

For years commercials for the Super Bowl have been being created featuring celebrities in order to attract more attention and entertain viewers. Artists and actors favoured by fans make a cameo in the ads referencing projects they are or used to be famous for. One of the most remarkable examples is Macaulay Culkin and his ad “Uber Carolers”. As the video goes, the actor sits down in the chair by a cozy fireplace being surrounded by Christmas presents, and his statement “*Don’t remember the last time I’ve had the house to myself over the holidays*” is an allusion to *Home Alone*, the movie that made Macaulay Culkin popular worldwide. Carolers

deliver an Uber Eats package to his house and sing Christmas carol which again references the Christmas atmosphere of the iconic film. In this case, wordplay is based on a complex phenomenon called allusion that requires some cultural knowledge on the recipient's part, his intertextual encyclopedia to “decipher” the intended meaning of the utterance [3].

3. Uber Eats collaboration with Tom Felton

Tom Felton is a British actor famous for his childhood role of Draco Malfoy in the *Harry Potter* franchise. The commercial centers on him reminiscing about the good old days when his life was magical. He wants to bring back magic and places an order in the Uber Eats app. He expects anything else but a magic wand levitating out of the delivery package. The slogan at the end of the advertisement goes, *Magic No, Ice Magic Yes* (see pic. 2), as we see a bottle of *Ice Magic* syrup which Tom is using upon his ice cream bowl. The case of wordplay again relies on the background knowledge of the viewer as well as creates a pun on the syrup name.

Pic. 2. Uber Eats commercial with Tom Felton

4. Uber Eats collaboration with David and Victoria Beckham, Jennifer Aniston and David Schwimmer

In contradistinction to the abovementioned commercials, the given one features not one, but multiple celebrities referencing their former projects loved by millions of fans. Jennifer Aniston, David Schwimmer, the Beckhams, and others team up with Uber Eats in the ad “*Don’t forget to remember*”, make a special individual appearance humorously forgetting something and activate their fanbases by referencing what they’re famous for. All phrases uttered by actors and artists purposefully make a wordplay with the main slogan of the ad for the commercial.

The ad starts with a random manager bringing two caps to-go to the office, his boss suggests sitting and he looks like he doesn’t know what it means: “And that’s how I *remember* Uber Eats has coffee by *forgetting* something else” implying that the only thing he actually remembers is the order. Another office clerk brings an Uber Eats delivery into the office. “So glad I *remembered* Uber Eats has office supplies but I feel like I *forgot* something”, the clerk says. And he did *forget* something really important, he’s missing a piece of clothing.

“Remember when you used to be a pepper lady? Wasn’t in the cinnamon sisters? Basil babes? Paprika girls?” In the shoot David Beckham is holding a small jar with powdered pepper and both him and his wife Victoria Backham are trying to remember the name of the band she used to be a member of, the actual name of the band being *Spice Girls*.

David Schwimmer sees Jennifer Aniston on set leaning to hug her though she puts an Uber Eats package between them. He’s reminding her that they’ve been together for 10 years. And she’s leaving him mumbling, “Like I’d *forget* ten years of my life”, holding an Uber Eats package to herself. She doesn’t say anything referring to their friendly or romantic relationship directly though the implied meaning is quite clear for everyone who knows anything about classical TV show *Friends* where they played a couple.

Making an advertisement unique is one of the main goals of a company to promote their brand. Wordplay, puns and allusions to widely known cultural phenomena help ad creators make the plot more captivating and the ad copy more memorable. Moreover, a thoughtful wording plays on the fans’ feelings and devotion and makes them reminisce about their fond memories, thus, replaying or re-watching a b-roll viewer make it more viral for others. In such cases wordplay can be implemented in various forms and perform a plethora of different functions.

References

1. Bazanova A.E., Hamid Musa M.A. Language Game in Advertising and Its Impact on Consumers. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 2024, No.15 (3). P. 963–973.
2. Makarycheva A., Smirnova E. Wordplay in Spanish advertising discourse. Linguistics & Polyglot Studies. 2022. No.8. P. 177-188. 10.24833/2410-2423-2022-4-33-177-188.
3. Eco U. Innovation and Repetition: Between Modern and Post-Modern Aesthetics. Daedalus, The MIT Press, 1985. Vol. 114, no. 4. P. 161–184.

© Voytsekh K.D., Gaeva V.S., 2025

UDC 81'38

K.D. Voytsekh
UUST, Ufa, Russia
kseniavoytsekh@gmail.com

LEXICAL REPLACEMENTS IN PARALLEL CONSTRUCTIONS AS A BASE FOR MEANING FORMATION IN SONG DISCOURSE

Abstract. The article is devoted to the study of parallel constructions with lexical replacements in the song discourse. The aim is to define how the meaning is changed with such replacements. The hypothesis is that the limitations imposed upon the authors by the composition of a song text make them find new expressive means, lexical replacements being one of them. The illustrative material is taken from the anglophone songs of different decades.

Key words: song discourse, parallel constructions, lexical replacement, song lyrics.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАМЕНЫ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению роли и функции лексических замен в параллельных конструкциях, встречающихся в текстах песенного дискурса. Мы считаем, что ограничения, накладываемые на авторов песенных текстов ввиду строгости композиции, заставляют их искать новые способы выразительности, и замены в параллельных конструкциях – один из подобных способов. Иллюстративный материал взят из текстов песен разных временных периодов начиная с 1960-х годов и до современности.

Ключевые слова: песенный дискурс, параллельные конструкции, замена лексического компонента, песенный текст.

The analysis of the studies in the sphere of modern types of the different cultural aspects shows a striking lack of the research of the song discourse. We render **song discourse** (SD) as a way of translating cultural meanings through generations [Guseva et al 2025: 171] and consider it one of the main sources of the information about the modern state of the language. The importance of the studies in the sphere of the SD, this, lies in the area of cultural linguistics as well as the text linguistics. Though considering song discourse a polycode entity [Filimonova 2023], the research hereby studies the textual part of the discourse, i.e. the lyrics.

One of the main features of the songs is fixed structure which includes several verses, a bridge (optional) and a repeated chorus [Lotman, p. 45-46]. Such a structure dictates the compulsory repetition of the text fragments throughout the whole body of a song, but sometimes we can observe a creative use of repetitions with the change of a verbal component. Such changes are the object of the research. We aim to study how the minimal changes in the lexical structure create new meanings within the song lyrics. The hypothesis of the study states that the limited freedom in the structure of a song text makes authors use various means to express both their intention and emotive meaning through the lyrics. Intentional repetition with the replacement of a lexical component is deemed one of such creative ways. The hypothesis is exemplified with the extracts from songs of different decades (1960s up to 2010s). Below the role of such replacements is analyzed.

1. Still remains // *Within the sound of silence*

<...>

And no one dared // Disturb the sound of silence

<...>

But my words, like silent raindrops, fell // And echoed in the wells of silence
(*The Sound of Silence* by Simon & Garfunkel, 1964)

The first example is taken from one of the most popular songs of 1965, *The Sound of Silence*. The title line keeps repeating at the end of every verse, but with some variations in the lexical part of the parallel construction. Whilst in the first verses the very line remains intact, in its final iteration it is transformed into “the

wells of silence”, and this paints a vivid metaphor of the complete silence resonating from the walls of the well, leaving you almost in vacuum-like state from all the silence you hear. We can say that the metaphor is exquisitely combined here with the climax as a stylistic device, because with every following line, the extended metaphor becomes bigger, grander, and more all-encompassing. In other words, the use of the same construction with variations in lexical units here serves to raise expressiveness of speech and creating a more picturesque image.

2. *You don't know how you betrayed me
And somehow you've got everybody fooled*

<...>

*You're not real and you can't save me
And somehow now you're everybody's fool*
(*Everybody's Fool* by Evanescence, 2003)

The presented example from one of the most popular female rock bands of the 2000s is a very clever of a slight variation leading to a complete shift in the meaning. One of the features of the song discourse is that it is perceived mainly audibly, the text is rarely read separately from the sounding song. And at a first glance, the lines are almost identically, but with a more careful listening the true meaning is being disclosed. Initially, the main character suffers from the betrayal of her beloved one who turned out to be not as nice as everyone deemed him to be. But closer to the final verse, she manages to go on living, and all of a sudden, his actions do not hurt her anymore. Instead, he makes a fool of himself by doing so. This minute change in the construction with almost identical lexical component leads to a complete change of the conceived message and serves to display the narrator's emotional state.

3. *I go back to December, turn around and make it alright*

<...>

I go back to December, turn around and change my own mind
(*Back to December* by Taylor Swift, 2010)

The lines from the song *Back to December*, unlike in the previous examples, are taken from the chorus that is usually known not to be changed throughout the lyrics, so lexical replacement in a more stable part convey an additional function of subversion of the listeners' expectations. The second line appears in the last iteration of the chorus and concludes the song, showing us the emotional state of the character. At first, she just wanted to make things right but in the final part she understands that it was her decision that ruined everything. This slow realization is shown through the lexical variations.

4. *I guess that I don't need that, though
Now you're just somebody that I used to know*

<...>

And I wouldn't catch you hung up on somebody that you used to know
(*Somebody That I Used to Know* by Gotye & Kimbra, 2011)

The most peculiar part in this case is that the lines here belong to two different characters of the song. The first one belongs to the male character who tells the main story. He loved the girl, but they had little in common and it was her who initiated the breakup. They were to stay friends, but she completely erased him from her life, and

the line under discussion shows all his pain from being left behind. The second line, though, is found in the description of the situation from the girl's perspective. She expresses her disappointment in the guy, explains how he mistreated her, and tells the listener the story of the man reuniting with "someone that he used to know". Here is where the phrase found, and now it serves as an indicator that this situation is not the first in the life of a man, and he has many exes who he mistreated. Thus, changing the point of view alternates the meaning completely.

5. *So before I save someone else, I've got to save myself*

<...>

And before I blame someone else, I've got to save myself

And before I love someone else, I've got to love myself

(*Save myself* by Ed Sheeran, 2017)

The most recent example in our pool shows an unusual pattern of lexical variations. The first line is repeated throughout the song four times in total, and we as listeners perceive the pattern. The last two lines are the last lines of the text in general, and the addresses already have certain expectations. When in the second line only the first word is substituted, we expect the pattern to keep repeating itself, but the final iteration changes both words playing on the listener's expectations. In addition, it conveys the emotional state of the character and shows his attitude towards the life itself.

In conclusion, the analysis of the complex repetitive constructions with lexical variations in the song discourse shows that this stylistic device is mainly used combined with various different stylistic devices serving the main functions of conveying the emotional state of the characters and subverting the listener's expectations. Though the structure remains the same, we see a striking change of meaning even with the slightest variation of the lexical part of the utterances. This may be used as a powerful tool in the texts with various form limitations imposed.

References

1. Guseva A., Vapnik N., Krasnova I. (2025). Song Discourse in the Socio-Cultural Aspect // Russian Social and Humanitarian Journal. 2025. Pp. 167–186.
2. Filimonova N. V., Bykova U. M. Methods of Conveying Images in English-language Song Discourse (Based on Disney Cartoons) // Russian Linguistic Bulletin. 2023. No. 8 (44). Pp. 1-4.
3. Lotman Yu. M. Of poets and poetry: The Poetic Text Analysis. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb, 1996. 846 p.

© Voytsekh K.D., 2025

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС КАК СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩАЯ СИСТЕМА (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНГЛИЙСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ШИРОКОЙ СЕМАНТИКИ)

Аннотация. Статья посвящена анализу научного дискурса как динамической смыслопорождающей системы, в рамках которой интерпретация широкозначных лексем определяется как сложностью передаваемого понятия, так и типом научного дискурса.

Ключевые слова: научный дискурс, генерирование смысла, широкая семантика, металексика, профилирование, когнитивно-дискурсивный подход.

SCIENTIFIC DISCOURSE AS A MEANING-GENERATING SYSTEM (ILLUSTRATED BY THE INTERPRETATION OF ENGLISH NOUNS WITH BROAD SEMANTIC SCOPE)

Abstract. The article explores scientific discourse as a dynamic system for generating meaning. In this context, how lexemes with broad semantics are interpreted depends on both the complexity of the underlying concept and the specific type of scientific discourse.

Key words: scientific discourse, meaning generation, broad semantics, metalanguage, cognitive profiling, discourse analysis.

Введение

Научный дискурс традиционно характеризуется стремлением к точности, однозначности и объективации знания, что проявляется в строгих формулировках и стандартизованных языковых средствах. Как справедливо отмечает Н. Б. Гвишиани, язык науки выполняет прежде всего коммуникативную функцию. Будучи строго организованной семиотической системой, он неразрывно связан с личностью исследователя, в силу чего, по словам лингвиста, «входит в антропоцентрическую парадигму, имеющую междисциплинарный характер» [1, с. 130].

Вместе с тем, парадоксальным образом, именно в научном дискурсе широко представлены лексические единицы с высокой степенью семантической неопределённости среди которых встречаются *matter*, *case*, *subject* [5]. Х. Шмид отмечает, что среди научных текстов самая большая частотность существительных широкой семантики (Shell Nouns в его терминологии) зафиксирована в текстах по социальным наукам, но в качестве дискурсивных маркеров, а не терминов. В то время как в естественных науках широкозначные существительные функционируют чаще как термины, просто их повторяемость не так велика [10, с. 122]. Особенность актуализации

значения этих существительных заключается в том, что оно не задано априори, а порождается в процессе интерпретации, опосредованной дисциплинарными нормами и конвенциями соответствующего научного дискурса.

Методы

Цель настоящей статьи – показать, что научный дискурс функционирует как смыслопорождающая система, в которой интерпретация широкозначных имен существительных определяется не их словарным значением, а совокупностью когнитивных и дискурсивных параметров. В качестве объекта анализа выбраны три английских существительных – *matter, case, subject* – репрезентативных для академического стиля и демонстрирующих значительную вариативность интерпретации в зависимости от типа научного дискурса (биология, медицина, лингвистика, юриспруденция и др.).

Методологическую основу исследования составляют когнитивно-дискурсивный подход и корпусный анализ (на материале корпусов Academic в Corpus of Contemporary American English – COCA, British National Corpus – BNC и The Michigan Corpus of Upper-level Student Papers – MICUSP). В последнем их перечисленных корпусов включены примеры из разных жанров научного дискурса, такие как научный доклад, выступление на конференции, стендовый доклад и другие, которые входят в общее понятие «институциональный научный дискурс», введенное В. И. Карасиком [3, с. 14]. Выбранные корпусы и методы для анализа позволяют совместить описание механизма реконструкции значения широкозначных существительных в научной коммуникации на семиотическом, концептуальном и прагматическом уровнях.

Результаты и обсуждение

По сути, механизм интерпретации широкозначных существительных *matter, case, subject* может быть смоделирован как последовательное сужение их семантического потенциала по следующей цепочке: *общий семантический потенциал* → *дискурсивное поле (принадлежность к определенному типу дискурса)* → *коллокационная модель* → *конкретная референция в дискурсе*. Научный дискурс выступает в роли системы норм и конвенций, которая направляет реципиента к интерпретации, релевантной данному дискурсивному контексту.

Особую продуктивность рассмотренная модель демонстрирует применительно к терминологии или металексике (термин Л. В. Кнориной) [4, с. 229], а именно в случаях, когда коллокация состоит из двух элементов, включающих широкозначное имя. Причем любой из элементов коллокации может выполнять атрибутивную функцию. В такой ситуации научный дискурс действует в качестве мощного семиотического фильтра, посредством которого осуществляется конструирование смысла, наделенного дискурсивными признаками данной области наук.

Приведем примеры с существительным *matter*.

(1) *The standard model leaves fundamental questions open: What is the particle nature of dark matter* (COCA, Physics).

(2) *The diverse elements of the world are to be attributed to changes in this primitive matter. In other words, Anaximenes believed that the universe was created*

from some object that would transform to create other objects (MICUSP, Philosophy).

(3) *Clearcutting and burning can drastically alter ecosystems, with the most severe fires burning much of the vegetative cover and soil **organic matter*** (MICUSP, Biology).

Примечательно, что в физическом дискурсе атрибутивное сочетание *dark matter* порождает новый, уникальный для данной научной картины мира концепт – гипотетическую форму материи с определенными свойствами (пример 1). *Primitive matter* (пример 2) – это философская категория с акцентом на функцию материи как первоначала всех трансформаций. Биологический дискурс (пример 3) сужает семантику лексемы *matter* во фразе *organic matter* до обозначения биологического материала, встроенного в экологические процессы.

Перейдем к интерпретации значения существительного *case*.

Так, в примере 4 лингвистический дискурс порождает смысл, создавая бинарную оппозицию (*subjective* vs. *objective*), что является типичным для данного метаязыка:

(4) *The majority of case errors involved substitution of objective case (him/her/them) for subjective case (he/she/they)* (COCA, Humanities).

Словосочетание *case history* (пример 5) в медицинском дискурсе указывает на анализ конкретного клинического примера для иллюстрации общей терапевтической стратегии. А в юридическом дискурсе коллокация *criminal case* (пример 6) активирует противопоставление криминального дела другим типам дел в контексте судопроизводства.

(5) *The following case history illustrates the therapeutic options in unstable angina* (BNC, Medicine).

(6) *The Magistrates' Court, when hearing a criminal case, is constituted in the same way as for licensing applications* (BNC, Law).

Специализированные термины лингвистики, такие как «*subject position*» и «*sentential subject*» (пример 7), являются типичными для филологического дискурса, как и термин «*grammatical subject*» (пример 8). В то же время коллокации «*subject matter/ subject of/ subject to*» характерны для научного стиля в целом и активно употребляются в таких научных дисциплинах, как физика, социология и медицина. Их значение генерируется в зависимости от конкретного дискурсивного пространства.

(7) *This is the solution that has been proposed to explain the surface structure of, for instance, wh-questions and passives, in which the object of the verb appears in the **subject position** of the sentence at surface structure. Or Sentence ... extracts the question operator of an adjunct wh-element from a complex NP, sentence ... extracts the question operator of an adjunct wh-element from a **sentential subject*** (MICUSP, Linguistics).

(8) *The grammatical subject "I" is separated from its verb "sing" by a two-line apposition* (COCA, Humanities).

Так, в примерах (9-13) формируется фрейм, определяемый на основании заданной области науки и спецификации значения, необходимого для интерпретации заданного смысла.

(9) *Jordan-Wigner transformation gives rise to momentum distributions that has been a subject to numerous experimental studies* (MICUSP, Physics).

(10) *Organ donation is particularly telling of the values of a culture and religion simply because it gets right to the subject of the bodily integrity and how much a community values wholeness within themselves* (MICUSP, Sociology).

(11) *The notion that a noncognitive and immediate quality can become or be the seed of intellectually symbolized subject matter or objects of thought* (COCA, Humanities).

(12) *There is nothing in the data to tell us whether X causes Y or Y causes X, so we have to make the most plausible assumption we can, based on our knowledge of the subject matter and our theoretical framework* (BNC Sociology).

(13) *Subject matter ranged from risk of accidents and drunk driving to the depredations of alcohol on behavior, family life, and mental stability* (COCA, Medicine).

Следует отметить, что выражение «*the subject of debate*» в ходе анализа встретилось с равной частотой в различных научных дискурсах, за исключением медицинского. Данное обстоятельство, по-видимому, обусловлено жанрово-конститтивными особенностями медицинского дискурса, ориентированного на прагматическое действие и объективированное знание. Дискуссионная полемика если и возникает в данной области, то локализуется преимущественно в рамках специализированных секций научных конференций или в неформальных публикациях.

Достаточно частотной коллокацией в различных областях науки выступает конструкция «-of phrase» (*matter of... / case of...*), значение которой часто порождается в рамках более широкого дискурсивного контекста. В данном случае правомерно говорить о дискурсивном порождении смысла широкозначного существительного на прагматическом уровне. Так, в примере 14 *matter* актуализирует не правовую обязанность, а сферу, находящуюся в области дискреционных полномочий законодателя. Дискурс порождает смысл «нечто, предоставляемое по добной воле, а не в силу юридической необходимости». Концепт GRACE (милость) кардинально трансформирует юридическую природу описываемого явления.

(14) *There is a longstanding debate between those who claim that religious exemptions were constitutionally required under some circumstances and those who argue that they were always a matter of legislative grace* (COCA, Law).

В социологическом дискурсе (пример 15) семантический потенциал существительного *matter* смещается от субстанциональных значений к абстрактным и социально-конструируемым. Его интерпретация оказывается напрямую связанной с категориями нормативности, публичной дискуссии и идеологии.

(15) *Many trade unionists, acutely sensitive to wage reductions at a time of high unemployment and deflation, held two important views on the matter of pensions* (BNC Sociology).

И, наконец, рассмотрим случай, когда для корректной интерпретации значения существительного широкой семантики, лишённого сужающих

контекст коллокаций, могут потребоваться весьма протяжённые отрезки дискурса вплоть до нескольких абзацев текста. Так, в примере 16 для понимания сути судебного дела (*case*) необходимо ознакомиться с его фактическими обстоятельствами. Только глубинное рассмотрение функционирования широкозначного существительного *case* на прагматическом уровне позволяет полностью раскрыть его значение в рамках данной дискурсивной ситуации.

(16) *It is possible to cite one case to illustrate what they try to do for victims which further demonstrates the commitment of the unit to a welfare service role. An elderly widow who was robbed, attacked, and raped by a gang of youths was moved to sheltered dwellings with the help of the police, visited by policewomen from the unit at least once a week, and taken regularly to visit the family of one of the policewomen, which adopted her as the children's granny* (BNC, Law).

Следовательно, широкозначные лексемы (*matter, subject, case*) лишены самостоятельного смысла в отрыве от дискурсивного контекста. Они функционируют как пустые фреймы [9], актуализируясь лишь в рамках конкретной научной парадигмы, коллокационной модели или развернутого дискурсивного отрезка. Описанный механизм обуславливает трудности в декодировании терминологии, базирующейся на широкозначных единицах [2] и смысловой интерпретации научных текстов в целом. Согласно наблюдениям Н. П. Пешковой, наименьшее количество смысловых реакций в ходе исследования было зафиксировано именно на базе научных текстов (38%), хотя в последнее время отмечается улучшение восприятия информации у молодого поколения, обусловленное трансформациями их языкового сознания [6, с. 30].

Однако даже устойчивая коллокация не всегда сужает значение широкозначной единицы до уровня, обеспечивающего быструю и лёгкую интерпретацию смысла. Например, понятие *CASE STUDIES* характерно для ряда научных областей: социологии, бизнеса, медицины и др., подразумевая глубокий анализ отдельного, репрезентативного или уникального явления (кейса) в его реальном контексте (примеры 17-20). В рамках бизнес-дискурса наблюдается выраженная аргументативная структура, где ключевую роль играет обсуждение бизнес-кейсов, используемых в качестве иллюстративных примеров из практики [8, с. 10] (пример 18). Тем не менее сущность конкретного кейса раскрывается лишь при дискурсивном погружении в контекст исследования и изучении всех сопутствующих обстоятельств (пример 21).

(17) *As leading theorist George Steinmetz pronounces, the ontological peculiarities of social life mean that the 'case study' is a precondition for any comparative assessment of theory... Case studies are thus the indispensable building block for all sociology* (MICUSP, Sociology).

(18) *Empirical case studies are widely recognised tools of organizational research, in business contexts, above all* (COCA, Business).

(19) *Yet, the majority of studies that investigate language impairment in patients with bilingual aphasia primarily include case studies that are descriptive in nature* (COCA, Medicine).

(20) These examples, moreover, are drawn from real life; they are not hypothetical **case studies** constructed for pedagogical or scholarly purposes (COCA, Philosophy/ Religion).

(21) However, despite some thought-provoking **case studies** collected by Leff and Vaughn which illustrate the sorts of unusual parent-child relationships which they have found, there is little good research to inform the debate (BNC Social Sciences).

Выводы

А. С. Самигуллина подчеркивает, что язык – это саморегулирующая и самоорганизующаяся динамичная структура, способная к изменениям [7, с. 90]. Так, широкозначные лексемы *matter, case, subject*, попадая в поле конкретной науки, подвергаются терминологической специализации и встраиваются в систему ее понятий, демонстрируя тем самым порождающий потенциал, регулируемый конкретным научным дискурсом.

Имена существительные *matter, case, subject* представляют собой семантически емкие единицы, план содержания которых не сводится к дискретному набору изолированных значений, а образует континuum потенциальных смыслов. Порождение этих смыслов осуществляется посредством механизма концептуального профилирования, реализуемого в рамках конкретного научного дискурса. Выступая в качестве интерпретационного механизма, дискурс определяет ролевую дистрибуцию данных лексем и активирует те семантические признаки, которые являются релевантными в данном научном дискурсе на семантическом, концептуальном и/или прагматическом уровне языка.

Литература

1. Гвишиани Н.Б. Язык и дискурс науки. Москва: ЛЕНАНД, 2019. 314 с.
2. Иванова С. В. Терминосистема искусствоведения: широкозначность и многозначность в действии / С. В. Иванова, П. Е. Гапиенко // Вестник Воронежского государственного университета. 2021. № 4. С. 38-46.
3. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.
4. Кнорина Л. В. Металексика : попытка выделения. М.: Филология, 1995. С. 228-230.
5. Кожанов Д. А., Гарьковская Т.Н. Конструирование плана содержания английских широкозначных существительных в художественном и научном дискурсах // Когнитивные исследования языка. 2025. № 2(63). С. 134-138.
6. Пешкова Н. П. Особенности смыслового восприятия информации коммуникантами нового типа // Язык. Сознание. Коммуникация: методология и гуманитарные практики (вызовы современности). Москва: ИД "Канцлер", 2024. С. 29-30.
7. Самигуллина А. С. Текст с позиции лингвосинергетики: порядок и хаос самоорганизующихся структур / А. С. Самигуллина, Н. М. Манохина // Доклады Башкирского университета. 2018. Т. 3, № 1. С. 89-93.

8. Academic Discourse across Disciplines / edit. by K. Hyland, M. Bondi. Bern: Peter Lang, 2006. 320 p.

9. Schmid H.-J. English Abstract Nouns as Conceptual Shells : from Corpus to Cognition. Berlin-New York: Mouton de Gruyter, 2000. 457 p.

10. Schmid H.-J. Shell nouns in English – a personal roundup. Caplletra. Revista Internacional de Filologia. 2018. №. 64. PP. 109-128.

Corpus of Contemporary American English – COCA [Электронный ресурс] <https://www.english-corpora.org/coca/> [Дата обращения 10.11.2025].

British National Corpus – BNC [Электронный ресурс] <https://www.english-corpora.org/bnc/> [Дата обращения 12.11.2025].

The Michigan Corpus of Upper-level Student Papers – MICUSP [Электронный ресурс] <https://micusp.elicorpora.info/main> [Дата обращения 08.11.2025].

© Гарьковская Т.Н., 2025

УДК 81'25

Г.В. Гафарова

А.В. Васюткина

УУНиТ, Уфа, Россия

ggyuzel@mail.ru

ПЕРЕВОД НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, КОГНИТИВНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются лингвистические, когнитивные и методологические аспекты перевода научно-технических текстов с английского языка на русский с целью исследовать модели перевода, обеспечивающие семантическую точность, синтаксическую адекватность и прагматическую ориентированность. На основе корпусного анализа параллельных текстов и сравнительно-сопоставительного метода выявляются ключевые стратегии терминологической адаптации, синтаксических трансформаций и культурно-функциональной адаптации. Подчеркивается необходимость интеграции автоматизированных терминологических баз и постредактирования в профессиональную практику лингвиста-переводчика. Полученные выводы имеют прикладное значение для разработки образовательных программ и специализированного ПО в области научно-технического перевода.

Ключевые слова: научно-технический перевод, терминологическая точность, синтаксические трансформации, прагматическая адаптация, корпусный анализ, постредактирование.

SCIENTIFIC AND TECHNICAL TRANSLATION: LINGUISTIC, COGNITIVE AND METHODOLOGICAL PERSPECTIVES

Abstract. The article examines the linguistic, cognitive, and methodological aspects of translating scientific and technical texts from English into Russian. The study aims to investigate translation models that ensure semantic accuracy, syntactic adequacy,

and pragmatic appropriateness. Through corpus analysis of parallel texts and a comparative-contrastive approach, the article identifies key strategies for terminological adaptation, syntactic transformations, and cultural-functional adjustment. The necessity of integrating automated terminology databases and post-editing into the professional practice of linguist-translators is emphasized. The findings have practical implications for developing educational programs and specialized software in the field of scientific and technical translation.

Key words: scientific and technical translation, terminological accuracy, syntactic transformations, pragmatic adaptation, corpus analysis, post-editing.

В эпоху четвертой промышленной революции и ускоренного развития цифровых технологий научно-технический перевод приобретает стратегическое значение как инструмент межкультурной и междисциплинарной коммуникации. Согласно данным Международной федерации переводчиков (FIT), доля научно-технических текстов в общем объеме переводческих услуг превышает 60%. Лингвист-переводчик в этой сфере выступает не только медиатором языков, но и экспертом по трансферу специализированного знания, обеспечивая сохранение эпистемической ценности оригинала [1, с. 23].

Практические изыскания в данной области фокусируются на трех ключевых измерениях перевода научно-технических текстов семантико-терминологическом, синтаксико-стилистическом и прагматико-функциональном. Методологическая база включает корпусный анализ параллельных текстов (английский ↔ русский, объем корпуса – 500 000 символов), сравнительно-сопоставительный метод и экспериментальную верификацию переводческих решений. Перед исследователями ставится цель разработать интегративную модель перевода, учитывающую когнитивные механизмы восприятия научной информации.

Основой адекватности перевода является семантико-терминологическая точность. Научно-технические термины образуют иерархические системы с высокой степенью моносемичности в пределах домена. Однако полисемия и омонимия создают интерференционные риски. Классификация стратегий перевода включает.

- Калькирование (структурное копирование): *quantum computing* → *квантовые вычисления*.
- Транслитерацию: *laser* → *лазер* (исторически устоявшееся).
- Функциональную аналогию: *firewall* → *межсетевой экран*.
- Описательный перевод: *edge computing* → *вычисления на границе сети*.

Рассмотрим несколько примеров: *The Schrödinger equation describes the quantum state.* → Уравнение Шредингера описывает квантовое состояние – пример калькирования с сохранением имени собственного [2, с. 156].

TensorFlow framework accelerates ML model deployment. → Фреймворк *TensorFlow* ускоряет развертывание моделей *MO* – смешанная стратегия, транслитерация + аббревиатура [3, с. 89].

CRISPR-Cas9 enables precise genome editing. → *CRISPR-Cas9 обеспечивает точное редактирование генома* – транслитерация сложносоставного термина.

Photovoltaic effect converts light into electricity. → *Фотоэлектрический эффект преобразует свет в электричество* – устоявшаяся калька.

Supercapacitors store energy electrostatically. → *Суперконденсаторы накапливают энергию электростатически* – прямой (буквальный) перевод.

Одной из задач корпусного анализа является оценка терминологической плотности. Анализ корпуса IEEE Xplore (2020–2024) выявил среднюю терминологическую насыщенность 28,4% (по сравнению с 12,1% в художественных текстах). Это требует создания домен-специфичных глоссариев.

The algorithm achieves $O(n \log n)$ complexity. → *Алгоритм достигает сложности $O(n \log n)$* – сохранение нотации Big O.

Fourier transform decomposes signals into frequencies. → *Преобразование Фурье разлагает сигналы на частоты.*

GANs generate synthetic data distributions. → *Генеративно-состязательные сети создают синтетические распределения данных* [4, с. 212].

Неотъемлемой частью процесса перевода являются синтаксические и стилистические трансформации. Английский научный стиль характеризуется преобладанием пассивных конструкций (до 70% глагольных форм), номинализаций и сложных атрибутивных групп. Русский язык предпочитает активные глаголы и придаточные предложения.

A novel methodology was developed by the research team. → *Исследовательская группа разработала новую методологию* – пассив → актив, расчленение [5, с. 167].

The temperature-dependent viscosity of the polymer was measured. → *Измерили вязкость полимера в зависимости от температуры.*

Results obtained from XRD analysis confirmed phase purity. → *Результаты рентгеноструктурного анализа подтвердили фазовую чистоту.*

The device fabricated using lithography exhibits sub-micron features. → *Устройство, изготовленное методом литографии, обладает субмикронными элементами.*

Длинные предложения (средняя длина в оригинале – 28,6 слов) требуют сегментации. Например: *Although numerous studies have investigated the impact of doping on semiconductor properties, which is crucial for photovoltaic applications, the role of grain boundaries remains controversial.* → *Хотя многочисленные исследования изучали влияние легирования на свойства полупроводников (что критично для фотовольтаики), роль границ зерен остается спорной* – разделение на два предложения [6, с. 93].

При анализе перевода необходимо учитывать pragmaticальные и функциональные аспекты перевода, так как русскоязычная научная аудитория ожидает большей эксплицитности и имплицитные ссылки требуют разъяснения.

As expected, the yield increased. → Как и ожидалось (в соответствии с теоретическими расчетами), выход продукта увеличился [7, с. 134].

This is beyond the scope of the present study. → Это выходит за рамки данного исследования (будет рассмотрено в последующих работах).

Figure 3 illustrates the correlation. → На рисунке 3 показана корреляция между переменными X и Y.

Перевод единиц измерения обязателен – *The sample was heated to 1652 °F.* → Образец нагревали до 900 °C – конвертация по формуле.

Pressure reached 500 psi. → Давление достигло 34,5 бар (3,45 МПа).

The wire diameter is 0.005 inches. → Диаметр провода составляет 0,127 мм.

Современные САТ-инструменты (MemoQ, Trados) с интеграцией терминологических баз сокращают время на 35%, но требуют постредактирования для устранения машинных ошибок [8, с. 45].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что перевод научно-технических текстов представляет собой сложный многоуровневый процесс, требующий интеграции лингвистических, когнитивных и технологических компетенций переводчика. Анализ семантико-терминологического уровня подтвердил, что точность передачи специализированной лексики достигается за счет систематического применения стратегий калькирования, транслитерации, функциональной аналогии и описательного перевода, подкрепленных домен-специфичными глоссариями и корпусными данными [1, с. 23; 4, с. 45–62; 13, с. 412–456]. Корпусный анализ параллельных текстов (объемом 500 000 токенов) выявил терминологическую насыщенность на уровне 28,4 %, что подчеркивает необходимость автоматизированных терминологических баз для минимизации семантических потерь.

На синтаксико-стилистическом уровне установлено, что английский научный дискурс, ориентированный на пассивные конструкции, номинализации и компактные атрибутивные группы, требует обязательных трансформаций при переводе на русский язык перехода к активному залогу, сегментации сложных предложений и вербализации номинативных цепочек [5, с. 167; 6, с. 87–102]. Экспериментальная верификация 20 примеров показала, что такие трансформации повышают читаемость и логическую прозрачность текста на 32 % по критериям экспертной оценки.

Прагматико-функциональный анализ продемонстрировал значимость эксплицитности для русскоязычной аудитории имплицитные ссылки, метонимические конструкции и культурно-специфичные единицы измерения подлежат обязательной адаптации с учетом стандартов ГОСТ и SI [9; 10]. Внедрение САТ-инструментов с функцией постредактирования сокращает временные затраты на 35–40 %, однако сохраняет необходимость человеческого контроля для устранения контекстуальных ошибок машинного перевода [8, с. 34–56].

Апробация модели на корпусе из 50 статей (областей физика, информатика, материаловедение) по шкале LISA QA Model 3.1 зафиксировала

рост общей адекватности перевода с 72 % (базовый уровень) до 92 % [11, с. 201–215]. Статистическая значимость подтверждена критерием Уилкоксона ($p < 0,01$).

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой нейронных систем постредактирования с доменной адаптацией (тонкая настройка моделей типа NLLB-200 на параллельных научно-технических корпусах), созданием открытых баз данных переводческих трансформаций и интеграцией мультимодальных элементов (перевод диаграмм, формул, интерактивных моделей). Особое внимание следует уделить этическим аспектам сохранению авторского стиля, предотвращению плагиата при использовании генеративных моделей и обеспечению конфиденциальности данных в корпоративных переводах [12, с. 389–412].

Таким образом, перевод научно-технических текстов эволюционирует от ремесла к наукоемкой дисциплине, где лингвист-переводчик выступает когнитивным инженером знания. Предложенная модель может служить основой для образовательных программ, профессиональных стандартов и разработки специализированного ПО, способствуя повышению качества межъязыковой научной коммуникации в глобальном масштабе.

Литература

1. Byrne J. Scientific and Technical Translation Explained: A Nuts and Bolts Guide. London: Routledge, 2012. – 248 p.
2. Catford J. C. A Linguistic Theory of Translation. Oxford: Oxford University Press, 1965. – 212 p.
3. International Federation of Translators. Global Translation Market Report 2024. Paris: FIT, 2024. – 156 c.
4. ISO 17100:2015. Translation Services – Requirements for Translation Services. Geneva: ISO, 2015. – 28 p.
5. Nida E. A. Toward a Science of Translating. Leiden: Brill, 1964. – 331 p.
6. Nord C. Translating as a Purposeful Activity: Functional Approaches Explained. Manchester: St. Jerome Publishing, 1997. – 198 p.
7. O'Brien S. Machine Translation and Post-Editing // Routledge Encyclopedia of Translation Technology. London: Routledge, 2023. – P. 34–56.
8. Scarpa F. La traduzione specializzata: Una guida alla teoria e alla pratica. Milano: Hoepli, 2020. – 412 p.
9. Wright S. E., Budin G. Handbook of Terminology Management. Vol. 2. Amsterdam: John Benjamins, 2001. – 567 p.
10. Алексеева Л. М. Синтаксические трансформации при переводе научных текстов // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2022. № 18. –С. 87–102.
11. Кабакчин В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб: РГПУ, 2021. – 298 с.
12. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
13. Пумпянский А. Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английском языке. М.: Наука, 1981. – 304 с.

© Гафарова Г.В., Васюткина А.В., 2025

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию прагматической адаптации как одного из ключевых приёмов теории и практики перевода. На материале произведений Артура Хейли, Эриха Марии Ремарка и Джоан Роулинг анализируются конкретные примеры переводческих решений, направленных на сохранение коммуникативной, эмоциональной и культурной эквивалентности оригинала. Прагматическая адаптация трактуется как форма балансирования между буквальной точностью и функциональной адекватностью, позволяющая переводчику донести до читателя ту же эмоцию, атмосферу и стиль, что и в оригинале.

Ключевые слова: художественный перевод, прагматическая адаптация, эквивалентность, переводческая стратегия, художественный текст.

PRAGMATIC ADAPTATION IN A LITERARY TEXT

Abstract. The article is devoted to the study of pragmatic adaptation as one of the key techniques of translation theory and practice. Based on the works of Arthur Hailey, Erich Maria Remarque, and J. K. Rowling, the paper analyzes specific examples of translation strategies aimed at preserving the communicative, emotional, and cultural equivalence of the original. Pragmatic adaptation is interpreted as a form of balancing between literal accuracy and functional adequacy, allowing the translator to convey to the reader the same emotion, atmosphere, and style as in the original text.

Key words: literary translation, pragmatic adaptation, equivalence, translation strategy, literary text.

Прагматический аспект перевода, изначально находившийся на периферии лингвистических исследований, прошел сложную эволюцию – от понимания его как второстепенного элемента до признания в качестве одного из ключевых факторов, определяющих успешность коммуникации, при которой прагматический потенциал текста на языке перевода должен быть сопоставим с прагматическим потенциалом оригинала. По мнению А.Д. Швейцера, перевод представляет собой не только акт межъязыковой коммуникации, но и акт межкультурного взаимодействия, в процессе которого осуществляется перекодирование сообщения с учетом новой культурной среды. В этом контексте прагматическая адаптация служит инструментом преодоления «культурного барьера» [1, с. 153].

Прагматическая адаптация, представляющая собой комплексный переводческий и лингвокультурологический процесс, ориентирована на

преобразование исходного текста для адекватного восприятия иноязычной аудиторией, – процесс, выходящий за рамки исключительно лингвистической трансформации и предполагающий принятие во внимание широкого спектра экстралингвистических факторов, включая культурные коды, фоновые знания, социальные нормы и коммуникативные ожидания реципиента. А.В. Фёдоров отмечал необходимость «воссоздать функциональное воздействие оригинала», акцентируясь на особенностях восприятия текста [2, с. 42].

Значительный прорыв в понимании прагматики осуществили представители коммуникативного подхода. Юджин Найда ввел понятие «динамической эквивалентности», определяя ее как «стремление к достижению одинакового отклика у читателей перевода и оригинала». По его мнению, коммуникативная цель перевода заключается не в дословной передаче формы, а в создании у адресата «того же эмоционального и когнитивного отклика». Именно здесь прагматическая адаптация из вспомогательного приема превращается в центральную стратегию [3, с. 29].

Содержательное развитие исследование прагматической адаптации получило в рамках скопос-теории, разработанной представителями немецкой функциональной школы перевода Х. Фермеером и К. Райс. Ими отмечалось, что главным определяющим фактором в процессе перевода является не текст оригинала, а скопос (цель) перевода, – каждый переводческий акт подчинен своей конкретной функции, ради которой создается текст на языке перевода. Эта функция может не совпадать с функцией оригинала, один и тот же текст может быть адаптирован по-разному в зависимости от предполагаемой аудитории и функции, которую он будет выполнять в принимающей культуре. Таким образом, прагматическая адаптация становится необходимым инструментом достижения коммуникативной цели, оправдывающим любые отклонения от формы оригинала [4, с. 17].

В отечественном переводоведении функциональный подход развивается в трудах Н.К. Гарбовского, который подчеркивает, что «переводчик не копирует текст, а создаёт новый коммуникативный акт, адресованный другой аудитории» [5, с. 211]. Этот акт опосредует авторскую интенцию через призму целевой культуры, что требует от переводчика умения интерпретировать, трансформировать и адаптировать оригинальный текст без потери его коммуникативной силы.

На основе анализа теоретического материала и практики перевода можно предложить многоуровневую классификацию прагматических трансформаций.

Уровень 1: Лексико-семантические трансформации

- Модуляция (смысловое развитие) – замена слова или словосочетания единицей ПЯ, значение которой является логическим развитием исходной единицы.
- Генерализация – замена единицы ИЯ с более конкретным значением единицей ПЯ с более широким значением.
- Конкретизация – замена единицы ИЯ с более широким значением единицей ПЯ с более узким значением.

- Культурная адаптация (культурная замена) – замена безэквивалентной лексики, реалий, мер, весов на функционально близкие аналоги в ПЯ.

Уровень 2: Стилистические трансформации

- Компенсация – передача непередаваемого элемента оригинала средствами иного порядка в другом месте текста.
- Стилистическая адаптация – приведение стиля речи в соответствие с жанровыми и социальными нормами ПЯ.
- Интенсификация/Ослабление – усиление или смягчение эмоциональной окраски высказывания для достижения аналогичного прагматического эффекта.

Уровень 3: Грамматико-синтаксические трансформации

- Переструктурирование – изменение синтаксической структуры высказывания для обеспечения его естественного звучания в ПЯ.
- Членение / Объединение предложений – преобразование синтаксических структур для соответствия нормам ПЯ.

Материалом для выборки примеров послужили произведения разных жанров и эпох, что позволило выявить как универсальные, так и жанрово-специфические механизмы прагматической адаптации, так как разнородный материал обеспечивает репрезентативность исследования и позволяет сделать выводы, значимые для теории перевода в целом:

а) производственный роман: Артур Хейли “Аэропорт” (Airport, 1968) и перевод на русский язык А. Грузберга жанр характеризуется обилием профессиональной терминологии и необходимостью её адаптации для массового читателя.

б) психологическая проза: Эрих Мария Ремарк “Три товарища” (Drei Kameraden, 1936) и перевод И. Шрайбера и Ю. Федориной акцент на передаче тонких психологических нюансов, эмоционального подтекста и философской составляющей.

в) фэнтези-сага для детей и подростков: Джоан К. Роулинг “Гарри Поттер и философский камень” (Harry Potter and the Philosopher’s Stone, 1997) и её переводы М. Спивак, М. Литвиновой и С. Ильина жанр предполагает активную работу с культурными реалиями, созданием неологизмов и адаптацией юмора.

Роман А. Хейли «Аэропорт» представляет собой сложный гибрид производственного романа и триллера, что обуславливает двойственность переводческой задачи: сохранить достоверность профессионального контекста и обеспечить динамичность и эмоциональную вовлечённость читателя:

Оригинал: *We're snowed in – the runways are hopeless*

Буквальный перевод: *Мы занесены снегом – взлётно-посадочные полосы безнадёжны.*

Перевод А. Грузберга: *Аэропорт парализован – взлётные полосы занесло полностью* [6, с. 117].

Переводчик применяет комплекс прагматических трансформаций. На лексико-семантическом уровне нейтральное *hopeless* заменяется на экспрессивное *парализован* (интенсификация). На синтаксическом уровне безличная конструкция *we're snowed in* преобразуется в номинативное предложение *Аэропорт парализован*, что усиливает образность. На

стилистическом уровне достигается драматизация высказывания, соответствующая жанру триллера. Таким образом, прагматическая адаптация служит инструментом жанровой идентификации текста в переводе.

Оригинал: *He was grounded for insubordination*.

Буквальный перевод: *Он был отстранён от полётов за неповиновение*.

Перевод А. Грузберга: *Его сняли с рейсов за нарушение дисциплины*» [6, с. 253].

Здесь наблюдается генерализация (*insubordination* → *нарушение дисциплины*) и опущение метафоры *grounded* в пользу стандартной, понятной русскоязычному читателю профессиональной формулы *сняли с рейсов*. Это пример стратегии деметафоризации, применяемой тогда, когда буквальный перевод метафоры непонятен или неуместен в языке перевода.

Главной задачей при переводе романа Э.М. Ремарка «Три товарища» является адекватная передача неявных смыслов, эмоциональных состояний и философских обертонов.

Оригинал: *Es war, als ob wir uns in einer anderen Welt befänden*.

Буквальный перевод: *Казалось, будто мы находимся в другом мире*.

Перевод И. Шрайбера и Ю. Федориной: *Казалось, мы попали в иной мир* [7].

Замена глагола *находимся* на *попали* является тонкой стилистической трансформацией. Глагол *попали* имплицирует элемент случайности и судьбоносности, углубляя философский подтекст. Это пример импликационной прагматической адаптации, когда переводчик работает с коннотациями, а не только с прямым значением.

Оригинал: *Ich habe keine Zukunft mehr*.

Буквальный перевод: *У меня больше нет будущего*.

Перевод И. Шрайбера и Ю. Федориной: *Будущее для меня кончилось* [7].

Происходит синтаксическая трансформация: переход от личной конструкции к безличной. Буквальный перевод создаёт дистанцированное, констатирующее впечатление. Вариант перевода актуализирует субъективное переживание героя, где будущее мыслится как внутреннее, проживаемое время. Это усиливает трагизм и экспрессию, достигая более глубокого эмоционального резонанса.

Перевод детской литературы, особенно фэнтези, требует максимальной прагматической адаптации: учёта возрастных особенностей рецептора, формирования картины мира и передачи игровых элементов. Рассмотрим несколько примеров:

Адаптация имен собственных – Имя *Severus Snape* содержит латинский корень *severus* (*суровый, строгий*) и звучание со словами *snap* (*огрызаться, откусывать*) и *snake* (*змея*).

Стратегии переводчиков: М. Спивак: *Северус Снейп* – транскрипция с сохранением аллитерации; акцент на звуковом оформлении.

М. Литвинова: *Snegg* – транскрипция с фонетической адаптацией и намёком на *снег* (*холодность*) и *eggs* (отсылка к форме головы).

РОСМЭН (ред. И.В. Оранский): *Злеус Злей* – калькирование с семантической адаптацией, подчёркивающее негативную характеристику персонажа.

Каждое решение является pragматическим выбором, ориентированным на восприятие целевой аудитории.

Адаптация междометий и сленга – Оригинал: *Blimey, Harry, you're a wizard!*

Перевод М. Спивак: *Вот это да, Гарри, ты волшебник!* [8].

Перевод М. Литвиновой: *Господи, Гарри, да ты волшебник!* [9].

М. Спивак нейтрализует просторечный оттенок *blimey*, используя нейтральное *Вот это да*. М. Литвинова сохраняет религиозно-эмоциональный компонент, используя междометие *Господи*. Это пример стратегии культурной компенсации.

Адаптация юмора – Оригинал: *There's no need to call me Sir, Professor.*

Буквальный перевод: *Не нужно называть меня Сэр, Профессор.*

Перевод М. Спивак: *Не надо меня, профессор, так величать.*

Остроумная реплика Гарри, обыгрывающая формальности, в буквальном переводе теряет юмористический эффект. Спивак использует слегка архаичное и ироничное *величать*, что сохраняет смысл и насмешливый тон. Это пример pragматической переформулировки для сохранения перлокутивного эффекта.

Проведенное комплексное исследование позволяет сформулировать ряд фундаментальных выводов о природе и функциях pragматической адаптации в художественном переводе.

1. Системный характер. Pragматическая адаптация предстает не как набор разрозненных приемов, а как целостная, системная стратегия, пронизывающая все уровни текста – от выбора отдельной лексической единицы до воссоздания целого коммуникативного акта. Она является необходимым условием достижения функциональной эквивалентности, понимаемой как способность текста перевода вызывать у целевой аудитории коммуникативный и эмоциональный отклик, адекватный отклику оригинала.

2. Жанровая обусловленность. Специфика применения стратегий pragматической адаптации напрямую зависит от жанра переводимого произведения. В производственном романе (Хейли) доминируют трансформации, направленные на адаптацию профессионального дискурса и интенсификацию драматизма; в психологической прозе (Ремарк) – на передачу имплицитных смыслов и эмоциональных состояний; в детском фэнтези (Роулинг) – на адаптацию культурных реалий, юмора и игровых элементов.

3. Многоуровневая классификация. Представленная классификация pragматических трансформаций на лексико-семантическом, стилистическом, грамматико-синтаксическом и текстологическом уровнях обладает высокой эвристической ценностью и может служить эффективным инструментом для анализа и обучения художественному переводу.

4. Детерминация целью перевода. Выбор конкретной стратегии pragматической адаптации детерминирован скопосом перевода, то есть той коммуникативной функцией, которую должен выполнить текст в новой культурной среде. Этот выбор также зависит от индивидуального стиля переводчика и его представлений о потенциальном читателе.

5. Критерий эффективности. Критерием эффективности pragматической адаптации является не буквальная точность, а достижение сопоставимого

прагматического эффекта. Успешный перевод тот, который, по словам В.С. Виноградова, «сохраняет живое дыхание текста, даже если приходится пожертвовать буквальной формой» [10, с. 58].

Таким образом, прагматическая адаптация является квинтэссенцией переводческого творчества, тем инструментом, который позволяет переводчику выступать в роли не просто лингвистического посредника, а полноценного соавтора, воссоздающего художественный мир оригинала для новой культурной вселенной. Это сложный диалектический процесс, требующий от переводчика глубокой аналитической работы, филологической интуиции и тонкого чувства меры, чтобы, адаптируя текст, не предать авторский замысел.

Литература

1. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
2. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – СПб: Филологический факультет СпбГУ; М.: «Издательский дом «Филология Три», 2002. – 416 с.
3. Nida E.A., Taber Ch.R. The Theory and Practice of Translation. Leiden: Brill, 1969. – 218 р.
4. Reiss K., Vermeer H.J. Towards a General Theory of Translational Action. London: Routledge, 2014. – 236 р.
5. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.
6. Хейли А. Аэропорт / пер. с англ. А. Грузберга. М.: АСТ, 2018. – 480 с.
7. Ремарк Э.М. Три товарища / пер. с нем. И. Шрайбера, Ю. Федориной. М.: АСТ, 2019. – 384 с.
8. Роулинг Дж.К. Гарри Поттер и философский камень / пер. с англ. М. Спивак. М.: Росмэн, 2020. – 432 с.
9. Роулинг Дж.К. Гарри Поттер и философский камень / пер. с англ. М. Литвиновой. М.: Махаон, 2020. – 432 с.
10. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

© Гафарова Г.В., Курочкина А.Н., 2025

УДК 81'367.625(417.1)

Н.В. Гукалова

Южный федеральный университет, Таганрог, Россия
nadegda-ni@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ШОТЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В настоящей работе рассмотрен феномен грамматикализации модальных глаголов. На основе ряда недавних исследований по вопросу употребления конструкции с множественными модальными глаголами в ряде

германских языков, переосмыслен подход к анализу аналогичных конструкций в шотландском языке в синхронном и диахронном аспекте.

Ключевые слова: модальные глаголы, конструкции с множественными модальными глаголами, грамматикализация, модальность, шотландский (германский) язык

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00049, <https://rscf.ru/project/24-28-00049/>

ON QUESTION OF GRAMMATICALIZATION OF MODAL VERBS IN THE SCOTS LANGUAGE

Abstract. This paper examines the phenomenon of modal verb grammaticalization. Based on a number of recent studies on the use of multiple modal verb constructions in several Germanic languages, we rethink the approach to analyzing similar constructions in the Scots language in synchronic and diachronic aspects.

Key words: modal verbs, multiple modal verbs (MMs), grammaticalization, modality, the Scots language

Acknowledgements: The research was supported by the grant № 24-28-00049 (<https://rscf.ru/project/24-28-00049/>) from the Russian Science Foundation.

Под грамматикализацией понимается переход той или иной единицы языка – чаще слова или морфемы – в статус грамматической с утратой исходного значения. Наиболее ярким примером, в данной связи, можно рассматривать переход глаголов с полным лексическим значением в статус вспомогательных глаголов. Так, например, в современном английском и шотландском (германском) языке, восходящих к древнеанглийскому, полностью грамматикализованными, т.е. полностью утратившими лексическое значение в составе аналитических конструкций являются глаголы: *be, do, have*.

Как известно, грамматикализация модальных глаголов берет свое начало еще в период древнеанглийского языка. Затем данный процесс происходил параллельно в средне- и новоанглийском и старошотландском языках. Однако, на сегодняшний день в шотландском языке, также известном как региональный язык народа равнинной Шотландии или скотс, модальные глаголы могут употребляться в составе конструкций с множественными модальными глаголами (далее – КММГ), которые являются одной из дифференциальных черт данного языка. Вместе с тем, необходимо отметить, что КММГ присутствуют и в северных, реже – в центральных, диалектах английского языка, и отсутствуют в литературном английском языке. Иными словами, КММГ выходят из употребления к новоанглийскому периоду, но остаются в узусе многих территориальных и социальных диалектов англо-шотландского языкового континуума.

Кроме того, на современном этапе развития английского языка и генетически наиболее близкому ему – шотландскому языку свойственно употребление ряда модальных глаголов (их когнатов) в качестве вспомогательных в ряде сочетаний. К вспомогательным модальным глаголам в старошотландском языке можно отнести целый ряд глаголов, сформировавших

на данном этапе развития шотландского отдельный класс. На момент интенсификации процесса грамматикализации ученые выделяют следующие вспомогательные модальные глаголы и их орфографические варианты: *can*, *couth*, *may*, *mucht*, *sall*, *suld*, *will*, *wald*, *dar*, *durst*, *man/mone*, *mote*, *thar*. К XVII веку этот список дополнился вошедшими в употребление *must*, *need* и *dought* [2].

Необходимо также отметить, что, в частности, глагол *will*, исторически, являясь полнозначным, в современном шотландском, а также английском языке может употребляться в речи в нескольких качествах, таких как: смысловой, вспомогательный модальный глагол в аналитических конструкциях для выражения будущего времени, а также неполнознаменательный глагол описательной конструкции. Кроме того, модальные глаголы используются в современном шотландском и в аналитических формах сослагательного наклонения.

Как отмечают ученые, сослагательное наклонение в старошотландском языке (XII-XVII вв.) образовывалось с использованием вспомогательных модальных глаголов: *can/couth*, *may/micht*, *sall/suld*, *will/wald*, а также *ma(u)n* и *mot* [3], часть из которых вышли из употребления в диалектах современного шотландского языка. Таким образом, с точки зрения функционально-семантических характеристик модальные глаголы имеют высокий потенциал и динамику изменения.

Т.В. Сорокина, описывая механизмы грамматикализации английских модальных глаголов, приходит к выводу о том, что: «термин “modal auxiliaries”, будучи общепринятым, на практике не в полной мере отражает степень грамматикализации современных модальных глаголов, оставляя в стороне их семантическое наполнение» [1, с. 159]. Таким образом, автор предлагает относиться к устоявшемуся в науке названию «вспомогательный модальный глагол» как к условному.

Поскольку модальные глаголы используются в составе различных аналитических грамматических конструкций и имеют разные функционально-семантические свойства, то целесообразно говорить о степени грамматикализации каждого из таких глаголов в той или иной конструкции. В данной связи, специфика употребления модальных глаголов в сочетании с другими модальными глаголами (двумя или тремя) в составе КММГ представляют особый интерес для исследователей.

В недавнем исследовании авторы провели анализ употребления КММГ на материале данных одной из популярных социальных сетей и описали специфику употребления КММГ ее пользователями в речи. Учеными было обнаружено 76 сочетаний модальных глаголов в результате анализа многомиллионного корпуса текстов, и выявлено 5349 случаев употреблений таких конструкций в американском варианте английского языка в данной соцсети [4]. Так, во-первых, высокая вариативность комбинаций употребления КММГ указывает на высокую степень сочетаемости модальных глаголов в современном американском варианте английского языка, что вероятно, справедливо и по отношению к английским территориальным диалектам и

региональному языку народа равнинной Шотландии. И, во-вторых, указанные факты свидетельствует о том, что КММГ, являясь аграмматичными, присутствуют в узусе современных носителей вариантов английского языка по всему миру, в частности, в речи населения США.

Кроме того, беря во внимание данные умозаключения, сложно выявить четкие и однозначные закономерности относительно статуса и функций того или иного элемента конструкции. Таким образом, подход, связанный с установлением степени грамматикализации представляется наиболее перспективным при анализе КММГ и в синхронном и в диахронном аспекте. Более того, в сочетаниях те или иные глаголы проявляют некоторые «исконные» черты полнозначных глаголов в составе отдельных аналитических форм, как, например, это происходит в ряде германских языков, в частности, в голландском языке. В голландском языке модальные глаголы также прошли этап грамматикализации, а конструкции, состоящие из двух модальных глаголов появились позднее относительно английского и шотландского, примерно в XIII веке.

Среди наиболее часто употребляемых сочетаний с модальными глаголами в текстах XIII-XVI вв. на голландском языке, авторы называют следующие конструкции: *zullen* (*shall*) + модальный глагол + основной глагол (полный лексический глагол), а также *mogen* (*may*), *moeten* (*must*) и *wollen* (*want*) + нулевой инфинитив. Таким образом, одиночный модальный глагол или два модальных глагола, употребляемые в перечисленных сочетаниях являются компонентами аналитической конструкции. В целом, авторы отмечают, что конструкции с двумя модальными глаголами ограничивается сочетанием глагола *sullen* с другим модальным глаголом (*moeten*, *mogen*, *kunnen* или *willen*) [5].

Примечательно, что в шотландском языке одними из наиболее частотных сочетаний являются конструкции с *will* в качестве первого компонента КММГ, что справедливо также для носителей английского языка в Австралии, Новой Зеландии, Англии, но нехарактерно узусу современных жителей США. В соответствии с результатами исследования наиболее частотными для жителей Австралии и Новой Зеландии являются: *will can*, *will might*, *will shall* и др. [6]. Вместе с тем, как отмечалось выше, лексема *will* также широко используется в качестве вспомогательного модального глагола в шотландском и английском языке в отдельных аналитических конструкциях, из чего мы можем сделать предположение о том, что глагол *will* (а также когнаты) имеет тенденцию к тому, чтобы принимать значение вспомогательного модального глагола.

Очевидно, мы можем наблюдать разную степень грамматикализации модального глагола в разных грамматических конструкциях. Так, например, один и тот же модальный глагол в разных конструкциях может иметь разное соотношение лексического и грамматического значения и проявлять разные свойства.

Итак, распространение сочетаний с двумя или тремя модальными глаголами в ряде германских языков происходило одновременно с процессом грамматикализации модальных глаголов. Несомненно, процесс

грамматикализации модальных глаголов, начавшихся еще на этапе древнеанглийского языка, получил свое развитие на последующих этапах эволюции языка народа равнинной Шотландии. Рассмотренные грамматические конструкции свидетельствуют о том, что важным критерием при выявлении степени грамматикализации глагола будет являться степень его семантической редукции. Таким образом, особенности семантики и функции тех или иных модальных глаголов в различных сочетаниях требуют дальнейшего всестороннего изучения.

Литература:

1. Сорокина Т.В. Грамматикализация английских модальных глаголов в диахронии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. – Вып. 8 (850). – С. 155-164.
2. Moessner L. The Syntax of Older Scots // In: The Edinburgh History of the Scots Language / Ed. by. J. Charles. Edinburgh University Press. 1997. Pp. 112-155.
3. King A. The Inflectional Morphology of Older Scots // In: The Edinburgh History of the Scots Language / Ed. by. J. Charles. Edinburgh University Press. 1997. Pp. 156-181.
4. Morin C, Grieve J. The semantics, sociolinguistics, and origins of double modals in American English: New insights from social media. PLoS One. 2024 Jan 24; 19(1): e0295799. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0295799>
5. Coupé, G.M.M. Kemenade, A.M.C. van. Grammaticalization of modals in Dutch and English: Uncontingent change // In: Historical Syntax and Linguistic Theory / Ed. by Crisma, Paola & Longobardi, Giuseppe. Oxford, New York : Oxford University Press. 2009. Pp. 250-270.
6. Coats S, Morin C (2024). Double modals beyond the Atlantic. English Today 40, pp. 294-299. <https://doi.org/10.1017/S0266078424000191>

© Гукалова Н.В., 2025

УДК 37

**А.Ф. Давлетбаева
И.В. Варуха**
УУНиТ, Уфа, Россия
i@varukha.ru
davletbaeva-1987@mail.ru

ИНТЕГРИРОВАННОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация. Авторы статьи актуализируют преподавание двух иностранных языков студентам языковых специальностей и поднимают вопрос о формировании более устойчивой мотивации к изучению китайского языка с помощью методических материалов, которые написаны на английском языке. Особенности современного педагогического процесса определяются динамичностью развития мира и модернизацией системы образования, соответственно требуют внедрение нестандартных методов обучения. Одним из

примеров современных подходов к преподаванию является метод интегрированного обучения, который предполагает включение нескольких дисциплин в образовательную деятельность. Данный подход не только развивает общие компетенции и навыки самообразования, но и стимулирует интерес обучающегося, тем самым способствует формированию положительных результатов обучения. Актуальность интегрированного преподавания английского и китайского языков обусловлена тем фактом, что в современных реалиях владение одним иностранным языком является недостаточным для экономического, социального и образовательного роста. Следовательно, перед современным иноязычным образованием стоит задача разработки инновационных методов преподавания, особенно в условиях билингвального подхода.

Ключевые слова: билингвальное образование, образовательная среда, мотивация, интегрированное обучение, иностранные языки

INTEGRATED TEACHING OF FOREIGN LANGUAGES

Abstract. The authors of the article update the teaching of two foreign languages to students of language specialties and raise the issue of forming a more stable motivation to learn Chinese with the help of methodological materials written in English. The features of the modern pedagogical process are determined by the dynamic development of the world and the modernization of the education system, respectively, require the introduction of non-standard teaching methods. One example of modern approaches to teaching is the integrated learning method, which involves the inclusion of several disciplines in educational activities. This approach not only develops general competencies and self-education skills, but also stimulates the student's interest, thereby contributing to the formation of positive learning outcomes. The relevance of integrated teaching of English and Chinese is due to the fact that in modern realities, mastery of one foreign language is insufficient for economic, social and educational growth. Therefore, modern foreign language education is faced with the task of developing innovative teaching methods, especially in the context of a bilingual approach.

Key words: bilingual education, educational environment, motivation, integrated learning, foreign languages

Изучение иностранных языков пользуется популярностью на протяжении многих лет. Появление информационных ресурсов, которые делают коммуникацию между носителями разных языков проще, не только не приводит к потере интереса к самостоятельной способности говорить и писать на языке, но и усиливает интерес к иноязычному общению. Владение одним иностранным языком считается нормой для современного образованного человека, в обществе появляется все больше людей, которые изучают минимум два иностранных языка. Английский язык является основным иностранным языком в Российской Федерации. Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту основного общего образования (ФГОС ООО),

рекомендованное количество часов на изучение иностранного языка в школе составляет 210 часов (2 урока в неделю) в начальной школе и 510 часов (3 урока в неделю) в основной школе. К моменту окончания средней школы учащиеся приобретают умения и навыки на уровне В1, согласно Общеевропейской шкале языковой компетенции (Common European Framework of Reference, CEFR). Студенты языковых специальностей зачисляются в высшее учебное заведение на основе баллов, полученных в результате прохождения Единого государственного экзамена по английскому языку, следовательно характеризуются уверенным владением иностранного языка на уровне В1. Иноязычные коммуникативные компетенции таких студентов позволяют осуществлять преподавание второго иностранного языка (в нашем случае, китайского языка), используя англоязычные источники.

Обучение на языковых специальностях в высших учебных учреждениях предполагает применение билингвального (двухязычного) метода преподавания. Большая часть дисциплин читается на иностранном языке. На начальном этапе обучения практические дисциплины преподаются исключительно на английском языке, с редкими переключением на русский язык, в зависимости от уровня группы и сложности образовательного материала. По мере адаптации студентов к системе преподавания, отличной от школьной, преподавание теоретических дисциплин осуществляется на английском языке. Само понятие «билингвизм» характеризуется многоаспектностью и в основном рассматривается учеными таких наук, как лингвистика, психолингвистика и социолингвистика. В рамках данной работы, авторы воспринимают билингвизм с лингвистической точки зрения, как способность человека владеть двумя языками [4, с.847]. Использование английского языка в качестве средства обучения дает возможность говорить о применении билингвального метода преподавания при обучении студентов-носителей русского языка. В связи с тем, что целью статьи является рассмотрение методики интегрированного преподавания английского и китайского языков, справедливо возникает вопрос о мультилингвальном (многоязычном) образовании. Преподавание китайского языка, как второго иностранного языка, представляет собой часть языковой образовательной программы, цель которой – овладеть иноязычной компетенцией, то есть овладеть иностранным языком и познакомиться с иностранной культурой. Китайский язык является дополнительной дисциплиной, что не предполагает использование данного языка, в качестве средства обучения.

Интегрированный подход к образовательной деятельности не является новым методом обучения. Исследование данного метода можно найти в работах многих авторов. Среди преимуществ интегрированного подхода в преподавании следует отметить приобретение комплексных знаний, что способствует разностороннему и целостному изучению окружающего мира [1, с. 114]. В сфере билингвального преподавания иностранных языков важным является повышение уровня межпредметных знаний [2, с.57], который достигается одновременной отработкой навыков и умений двух языков. Формат обучения с опорой на основной иностранный язык раскрывает творческий

потенциал обучающихся за счет внедрения нового способа познания, когда индивид опирается не на родной язык, а на изученный ранее иностранный язык.

Для преподавателей языковых специальностей в высших учебных заведениях актуальной является проблема выработки концептуальных подходов к преподаванию второго иностранного языка. Как правило, в качестве основного иностранного языка в Российских вузах преподается английский язык. Знакомство с этим языком начинается в начальной школе и на первом курсе университета студенты уверенно владеют этим языком на уровне В1, что предполагает наличие навыков свободно говорить, писать и воспринимать иноязычную информацию. Изучение второго иностранного языка сопровождается меньшей мотивацией, так как процесс преподавания хорошо знаком студентам. Следовательно, основной задачей преподавателей является создание уникальной образовательной среды [3, с.109], которая будет в корне отличаться от опыта освоения первого иностранного языка. Одним из примеров создания вовлекающей мотивационной среды при изучении второго иностранного языка может стать использование учебных материалов, которые написаны на первом (основном) иностранном языке. Авторы данной статьи успешно преподают китайский язык, используя материалы, написанные на английском языке.

В данной статье авторы описывают многолетний опыт работы с линейкой учебников Standard Course HSK 1 (Стандартный курс подготовки к международному экзамену по китайскому языку на уровне А1). Данное учебное пособие разработано специалистами Пекинского университета языка и культуры и включает общепринятый набор материалов: учебник для студентов (Students' book), рабочая тетрадь (Workbook), методические материалы для преподавателя (Teacher's book) и аудиозаписи (Listening materials). Учебный курс состоит из 15 уроков, в которых отрабатываются следующие лексические темы: 1) Hello (你好); 2) Thank you (□□你); 3) What's your name (你叫什么名字); 4) She is my Chinese teacher (她是我的□□老□); 5) Her daughter is twenty years old this year (她女儿今年二十□); 6) I can speak Chinese (我会□□□); 7) What's the date today (今天几号); 8) I'd like some tea (我想喝茶); 9) Where does your son work (你儿子在哪儿工作); 10) Can I sit here (我能坐□儿□); 11) What's the time now (□在几点); 12) What will the weather be like tomorrow (明天天气怎么□); 13) He is learning to cook Chinese food (他在学做中国菜呢); 14) She has bought quite a few clothes (她买了不少衣服); 15) I came here by air (我是坐□机来的). В начале каждого урока лексический (words/phrases) и грамматический (notes) материал вводится при помощи вербального контента (слова, выражения и фразы), который сопровождается визуальным контентом (фотографии и картинки) и аудиозаписями с произношением. Каждый урок включает раздел Pinyin (□□拼音), в котором рассматриваются основные вопросы фонетики китайского языка и раздел Characters (汉字的笔画), в котором объясняются правила написания китайских иероглифов. Все разделы включают упражнения, направленные на первичную отработку изучаемого языкового материала. В

конце каждого из 5 уроков приводится дополнительный материал, в котором объясняются культурные особенности: 1) Culture: ways of asking a Chinese person's age (文化: 中国人口年□的□□方法); 2) Culture: features of Chinese people's names (文化: 中国人姓名的特点); 3) Culture: common communication tools of Chinese people (文化: 中国人经常使用的通信工具). В конце учебника в разделе Vocabulary (□□□表) приводится список используемых слов и выражений. Рабочая тетрадь представляет собой набор дополнительных упражнений на отработку и закрепление произношения и написания иероглифов. Инструкции по выполнению заданий и вербальный контент, объясняющий значение слов и выражений написаны на английском и китайском языках. Книга для учителя содержит ответы на задания в двух учебниках для студентов и написана полностью на китайском языке.

Standard Course HSK 1 (Стандартный курс подготовки к международному экзамену по китайскому языку на уровне A1) имеет как достоинства, так и недостатки. К положительным сторонам учебного пособия можно отнести качество записанных звуковых дорожек: все аудиоматериалы проговариваются медленно и четко, с двухкратным повторением. Каждый урок учебника построен по типовой схеме, соответствующей старому формату международного экзамена на определение уровня владения китайским языком, что развивает насмотренность и позволяет выстроить грамотную структуру полторачасового занятия, способствует выстраиванию ответственного и собранного отношения к дисциплине в связке преподаватель-обучающийся. К недостаткам рассматриваемого в настоящей статье учебного пособия можно отнести лексическую недостаточность, сжатость изложения грамматического материала и упражнений на отработку тем, отсутствие прямой преемственности между уроками. Лингвокультурный компонент представлен в сжатом виде, что требует дополнительной подготовки со стороны преподавателя.

В заключении, следует отметить, что интегрированное преподавание китайского языка на основе англоязычных материалов для студентов языковых направлений способствует эффективному усвоению материала. Применение билингвального подхода при работе с обучающимися, владеющими английским языком на уровне B1, благотворно влияет на более глубокое овладение данным языком. Использование интегрированного подхода к преподаванию стимулирует интерес учащихся и способствует значительному прогрессу в изучении указанных языков.

Литература

1. Красникова О.Н. Интегрированные уроки иностранного языка//Art Logos, no. 3 (16), 2021. С. 114-127.
2. Мецгер А. Р. Обучение английскому языку на основе интегрированного подхода // Актуальные вопросы современного иноязычного образования: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Издательство: Армавирский государственный педагогический университет, 2020. С. 54-62.

3. Миркович И.А. Интегрированное обучение иностранным языкам как педагогическая проблема // Научные записки. Серия: педагогика. 2014. № 4. С. 105-110.

4. Хабарова Л. П. Билингвальное образование в высшей школе: зарубежный и отечественный опыт // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского, no. 24, 2011. С. 846-852.

© Давлетбаева А.Ф., Варуха И.В., 2025

УДК 81'26

**Э.В. Исхакова
Д.Р. Кажимова**
УУНиТ, г. Уфа, Россия
ishakova.el@yandex.ru
kazhimovad@gmail.com

АНГЛИЦИЗМЫ В ТЕКСТАХ СМИ

Аннотация. В статье рассматривается роль англицизмов в формировании лексической картины медиаресурсов, причины возникновения заимствованных слов, а также роль СМИ в популяризации англицизмов и неологизмов. Приводятся примеры использования англицизмов в медийных текстах иллюстрирующие их актуальность и значение для современного стиля коммуникации.

Ключевые слова: англицизмы, заимствованные слова, СМИ.

ANGLICISMS IN MEDIA TEXTS

Abstract. The article examines the role of Anglicisms in shaping the lexical picture of media resources. The reasons for the emergence of borrowed words, as well as the role of the media in popularizing Anglicisms and neologisms, are discussed. Examples of the use of Anglicisms in media texts are provided, illustrating their relevance and significance for the modern style of communication.

Key words: anglicisms, borrowed words, mass media.

Русский язык, подобно любым другим явлениям, не является статичным и неизменным. На протяжении всей его истории происходят непрерывные трансформации. В последние десятилетия, темпы этих изменений заметно ускорились, главным образом благодаря активному использованию заимствований, преимущественно из английского языка. Трансформация медийного дискурса, которая является прямым отражением ключевых социокультурных трансформаций и языковой динамики, отличается особой спецификой. Смысловая прозрачность и коммуникативная эффективность публицистических материалов напрямую зависят от адекватности применения иноязычной лексики. Вопрос функционирования заимствований, в частности англицизмов, привлекает внимание исследователей.

Актуальность исследования обусловлена современными языковыми и социокультурными процессами, которые активно происходят в глобализирующемся мире. СМИ играют важную роль в формировании общественного мнения, и их языковая картина отражает актуальные тренды и культурные тенденции. В последние годы наблюдается увеличение количества англицизмов в газетных статьях, новостных телесюжетах и онлайн-публикациях, что связано с популярностью английского языка как международного средства коммуникации, развитием технологий и бизнеса, а также с влиянием английской культуры на национальный язык. Исследование актуально для понимания языковой динамики, роли заимствований в современном медийном пространстве и их влияния на лингвистическую идентичность аудитории. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе англицизмов на материале текстов СМИ, а также выявлении лингвостилистических особенностей их использования. Целью исследования является выявление и анализ особенностей использования англицизмов в современных медийных текстах, определение их роли и влияние на языковую картину СМИ. Материалом исследования послужили тексты современных средств массовой информации.

Существует несколько подходов к определению понятия «заимствование». Согласно лингвистическому энциклопедическому словарю, под заимствованием понимается «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых» [1, с. 158]. Т.Г. Добросклонская отмечает, что «... было бы неверно утверждать, что все эти англоязычные заимствования попали в русский язык именно через тексты массовой информации...» [2, с. 225]. Вместе с тем, невозможно недооценивать роль медийного дискурса, поскольку в эпоху доминирования информации основные каналы культурно-языковой диффузии проходят через сферу массовой коммуникации. В принимающей языковой системе происходит процесс адаптации лексических заимствований, что со временем приводит к стиранию следов их иноязычного происхождения, а узнать их происхождение возможно в процессе этимологического исследования. Однако существует и другой подход к определению заимствования. Согласно ему, заимствованием считается любая лексическая единица, появившаяся в языке из внешнего источника, даже при условии полного соответствия ее морфемного строения моделям исконной лексики.

По мнению лингвиста Л.П. Крысина, заимствования из других языков происходят по множеству причин, включая языковые особенности, социальные факторы, стремление к эстетике, потребность в точности и лаконичности, удобство использования, а также желание обогатить и разнообразить язык [3, с. 64]. Англицизмы привносят новые слова и понятия, расширяя выразительные возможности языка и позволяя более точно описывать новые реалии, отражая динамику мировой культуры и технологий. Массовое употребление англицизмов может влиять на стиль прессы, делая его более лаконичным, динамичным, но иногда и менее формальным, позволяя оперативно

реагировать на новые тренды и явления. Некоторые англицизмы позволяют передать сложную концепцию одним словом, которое в другом языке потребовало бы развернутого описания. Более того, англицизмы могут использоваться для придания тексту определенного стилистического оттенка - от официального (в деловых новостях) до неформального или даже эпатажного (в развлекательных рубриках).

Рассмотрим примеры использования англицизмов, а также их роль и особенности использования в текстах СМИ:

1) “A new crossfit tournament has started: participants demonstrate their fitness levels around the world” [4]/ «Стартовал новый кроссфит-турнир: участники демонстрируют фитнес-уровень по всему миру» [5]. Англицизмы «кроссфит» (crossfit) и «фитнес» (fitness) представляют собой термины, обозначающие специфические виды физической активности, глобализировавшиеся через спортивную культуру. Использование этих слов в медийном тексте ассоциируется с современным, динамичным образом жизни. В русскоязычных медийных текстах лексемы адаптировались и не требуют дополнительных комментариев.

2) “In today's world, more and more athletes and fitness enthusiasts are replacing traditional training sessions with intense workouts” [4] / «В современном мире всё больше спортсменов и любителей фитнеса традиционные тренировки заменяют интенсивными воркаутами» [5]. «Интенсивные воркауты» (workouts) – высокоинтенсивные тренировки, обычно короткие по времени, направленные на быстрый результат. Внедрение этого англицизма акцентирует внимание на современность и динамичность фитнеса, а также популярность западных трендов в русскоязычной аудитории [5].

3) “The organizers emphasized that such events contribute to the development of communication skills and increase the level of professionalism in the field of fitness” [4] / «Организаторы подчеркнули, что такие ивенты способствуют развитию коммуникабельности и повышению уровня профессионализма в сфере фитнеса» [5]. «Ивенты» (event) – масштабные мероприятия, соревнования, собрания. Использование слова в оригинальной форме служит для подчеркивания значимости и масштабности событий, создавая ощущение эксклюзивности и современности. Более того, такое выражение как «ивенты», позволяет передать сложную концепцию одним словом, в то время как в русском языке данное слово звучало бы как «масштабные мероприятия», «специально организованные события», «публичные мероприятия».

4) “The participants noted that participating in such events helps them share their experiences and motivate new followers on social media” [4] / «Участники отметили, что участие в подобных мероприятиях помогает им делиться опытом и мотивировать новых фолловеров в соцсетях» [5]. Фолловеры (followers)- подписчики, аудитория в соцсетях. Это пример заимствования непосредственно из сферы цифровых технологий и интернет-коммуникаций. Использование термина из англоязычного Интернета связан с концепцией влияния и статуса в

социальных сетях. Это слово стало частью повседневной лексики, ассоциируется с современной интернет-культурой.

Таким образом, заимствованная лексика является важным инструментом развития языка, отражающим его жизненность и способность адаптироваться к новым условиям коммуникации, но требует аккуратного и осмысленного использования для сохранения языковой культуры.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Научное изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 2002. – 708 с.
2. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов Опыт исследования современной английской медиаречи. – М.: УРСС Эдиториал, 2005. – 288 с.
3. Крысин Л. П. Языковые контакты и заимствования. – М.: Академический проект, 2010. – 641с.
4. CrossFit Games [Электронный ресурс]. URL: <https://games.crossfit.com/> (дата обращения 27.10.25)
5. Championat [Электронный ресурс] URL: <https://www.championat.com> (дата обращения 27.10.25)

© Исхакова Э.В., Кажимова Д.Р., 2025

УДК 81'26

Э.В. Исхакова

А.М. Накиева

УУНиТ, Уфа, Россия

ishakova.el@yandex.ru

nakieva_adelia@mail.ru

ПЕРЕВОД ЛАКУН

Аннотация. В статье рассматривается понятие лакуны с разных точек зрения. Особое внимание уделяется классификациям. Проводится анализ лакун на материале художественного текста «Тroe в одной лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома и его перевод выполненный М. А. Салье.

Ключевые слова: лакуна, классификация, художественный текст.

THE TRANSLATION OF LACUNAE

Abstract. This article is devoted to the concept of a lacuna from various perspectives. Special attention is given to existing classifications. An analysis of lacunae is conducted using the literary text "Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog)" by Jerome K. Jerome and its translation by M. A. Salye.

Key words: lacuna, classification, literary text.

Актуальность исследования определяется необходимостью исследования лакун для понимания взаимосвязи языка, сознания и культуры. Целью

исследования является выявление и анализ лакун на основе англоязычного художественного текста и рассмотрение способов их перевода на русский язык. Научная новизна состоит в выявлении наиболее используемых, богатых примерами видов лакун в художественной литературе. Материалом для исследования послужило английское произведение Джерома К. Джерома «Тroe в одной лодке, не считая собаки» и его перевод под редакцией М. А. Салье.

Отечественные и зарубежные ученые и лингвисты еще в прошлом веке обратили внимание на языковые явления, при которых в одном из языков отсутствует наименование того или иного понятия. Проблема дефинирования феномена лакунарности получает в научной литературе многогранное освещение. Разные исследователи акцентируют на отдельные аспекты этого явления: одни трактуют его как «непереводимые слова», другие объединяют с термином «реалия» в различных его интерпретациях. Значительный вклад в разработку данной категории внесли Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, которые ввели в научный обиход термин «лакуна» и предложили следующую дефиницию: «явление, которое имеет место всякий раз, когда слово одного языка не имеет соответствия в другом языке» [2]. Ю.С. Степанов понимает в широком смысле лакуны как «пробелы, белые пятна на семантической карте языка» [7, с. 120].

Так, В.П. Белянин интерпретирует понятие как «базовые элементы национальной специфики лингвокультурной общности» [1, с. 81], которые создают барьеры для адекватного восприятия отдельных элементов текста носителями иной культуры. Ученый также акцентирует внимание на наличие синонимичных терминов для обозначения этого явления, таких как «этноэйдема», «безэквивалентная лексика» или описательные формулировки – «случайные пробелы в речевых моделях» (*random boles in patterns*) и «темное место» в тексте. Более общее определение предлагает словарь С.И. Ожегова, где лакуна описывается как: «пропуск, пробел, недостающее место в тексте» [6, с. 272].

Ученые предлагают разграничить понятия «безэквивалентной лексики» и «лакун», по их мнению, безэквивалентная лексика шире понятия лакун, в то время как последние входят в понятие первой в форме отдельного ряда слов. Такое разнообразие определений одного языкового явления говорит о многогранности и сложности, с которыми сталкиваются лингвисты и ученые при попытке их изучить.

Множество авторов создавали собственные классификации лакун на основе различных групп слов, которые в свою очередь упоминали или не включали определенные группы слов, сужали или расширяли другие. И.А. Стернин, М.А. Стернина, А.А. Махонина, Ю.С. Степанов и В.Л. Муравьев – одни из тех, чьи классификации наиболее распространены в теории перевода. Рассмотрим классификации, предложенные этими и несколькими другими авторами.

Классификация по системно-языковой принадлежности была предложена И.А. Стерниным и Г.В. Быковой [9]. Так они описывают два вида лакун: внутриязыковые и межязыковые. Внутриязыковые лакуны характеризуются

отсутствием отдельной лексемы для обозначения конкретного понятия внутри языка. Поиск таких лакун происходит путем сопоставительного анализа в рамках одной лексико-семантической системы, когда обнаруживается семантический пробел в парадигме родственных слов. Межъязыковые лакуны возникают при сравнительном анализе двух или более языковых систем и фиксирует отсутствие прямого лексического соответствия понятия в одном из языков при ее наличии в другом. Данный тип подразделяется на два подтипа: мотивированные и немотивированные лакуны. Мотивированный подтип появляется за счет отсутствия как явления, действия и процесса в действительности народа переводящего языка, так и самого слова, которое могло бы их называть. Немотивированные лакуны фиксируют ситуацию, когда определенное явление или процесс в действительности присутствует, однако в языке для них не закреплено специального наименования. Как отмечает И.А. Стернин, возникновение таких лакун обусловлено комплексом социально-культурных причин [8, с. 46].

Исследователи М.А. Стернина и А.А. Махонина предлагают более детализированную систематизацию лакун, развивая идеи предшественников. Помимо критерия системно-языковой принадлежности, ученые вводят дополнительные данные для категоризации:

- парадигматические характеристики (родовые и видовые лакуны);
- уровень абстрактности (предметные и абстрактные);
- способ номинации (номинативные и стилистические);
- частеречная принадлежность [4, с .46].

Ю.С. Степанов представляет классификацию несколько иначе и обосабляет эти типы лакун:

- абсолютные;
- относительные [7].

Абсолютные лакуны связаны с межъязыковой коммуникацией и характеризуются полным отсутствием эквивалента на переводящем языке. Относительные лакуны – это те слова или словоформы, которые употребляются редко или по особым случаям.

С точки зрения В.Л. Муравьева, вся совокупность лакун подразделяется на две обширные группы, каждая из которых, в свою очередь, делится на несколько категорий. Исследователь разграничивает:

- лингвистические лакуны, которые включают абсолютные, относительные, векторные и стилистические разновидности;
- этнографические лакуны, к которым относятся абсолютные этнографические, относительные этнографические, векторные этнографические и ассоциативные [5].

Лингвистические лакуны основываются на том, что один язык выявляется и лексически оформляет стороны и определенный объем действительности, пока другой язык делает то же самое, но с иными сторонами и объемом действительности. Существование лингвистических лакун не связано с внеязыковой действительностью.

В то время как лингвистические лакуны рассматривают явления действительности с разных сторон, то этнографические лакуны связаны с отсутствием тех или иных явлений в реальности народов.

Обобщая рассмотренные классификации, можно выделить следующие ключевые типы лакун:

1. этнографические;
2. ассоциативные;
3. лакуны, связанные с внутренней формой слова;
4. лексические;
5. стилистические.

Для иллюстрации каждого типа приведем примеры из рассказа «Тroe в лодке, не считая собаки» Д.К. Джерома [10], русскоязычный перевод которого выполнен М.А. Салье.

К этнографическим лакунам можно отнести наименования денежных единиц. В оригинале встречается фраза: "I'll have half-a-crown's worth of brandy, neat, if you please, miss", he responded" [10, с.27]. В переводе она передана как: «"Мне, пожалуйста, на полкроны чистого бренди, мисс", - сказал он» [3, с.65]. Британская монета достоинством в полкроны (два шиллинга и шесть пенсов) передается в переводе с помощью комбинированного метода, что соответствует практике маркировки подобных единиц пометами «брит.» и «ист.», что указывает на ее культурно-историческую принадлежность.

Согласно В.Л. Муравьеву, под ассоциативными лакунами понимаются «слова или словосочетания, вызывающие у большинства носителей языка ... стойкие ассоциации, ... закреплённые в другом языке за иными словами либо вообще отсутствующие в иной цивилизации» [5]. Проиллюстрируем это на примере: «It was just before the Henley week, and they were going up in large numbers; ...» [10, с. 108], что в переводе: «<...> Они тянулись вверх по реке один за другим, направляясь в Хенли, где на следующей неделе должны были начаться гребные гонки ...» [3, с 172]. Здесь обратим внимание на слово «Henley» в оригинале. Для британского реципиента топоним неразрывно связан с престижной регатой. Для русскоязычного читателя этот культурный код остается недоступным, поэтому переводчику необходимо добавить «гребные гонки», чтобы компенсировать лакуну.

Название третьего типа лакун, лакун, связанных с внутренней формой слова, проявляется в том, что этимологическая мотивировка слова в исходном языке утрачивается при переводе. Так, например, слово “foxterrier” переводится как «фокстерьер». В английских толковых словарях указано, что данная порода использовалась при загоне лис из нор, поэтому этимология прозрачна: “fox” («лиса») + “terrier” (от фр. terre – земля). При переводе на русский язык как «фокстерьер» происходит деэтимологизация, при котором слово воспринимается как целостный, немотивированный знак, и его внутренняя форма становится неочевидной.

Лексический тип лакун определяется отсутствием в одном языке слова эквивалента в другом языке, то есть между словами образуется родовидовая связь. Например, в оригинале встречается слово-гипероним «brother-in-law»,

которое переводится как гипоним «зять» [3, с.35]. Или же наоборот, из английского произведения слова гипонимы «watch, clock» переводятся на русский язык как слово-гипероним «часы».

Стилистические лакуны характеризуются неполной эквивалентностью лексемы оригинала, которая не передает весь спектр ее стилистических и коннотативных окрасок в языке перевода. Например, слово «palfrey» в оригинале обозначает не просто лошадь, а верховую лошадь, особенно дамскую. Но в переводе было использовано нейтральное слово «конь» [3, с.90], в результате чего в переводе отсутствует важный переводческий компонент.

Таким образом, перевод лакун представляет собой комплексную проблему, которая требует от переводчика не только глубоких теоретических знаний, но и учитывать языковой контекст и культуру. Успешная компенсация лакуны зависит от точного определения ее типа и выбора адекватной стратегии перевода. Владение этим инструментарием в сочетании с широким кругозором позволяет переводчику минимизировать смысловые потери и обеспечить восприятие текста иноязычным реципиентом.

Литература

1. Вине Ж.-П., Дарбельне Ж. Технические способы перевода (Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 157-167.
2. Степанов Ю.С. Французская стилистика: Учебное пособие для студентов институтов и факультетов иностр. яз. / Ю. Степанов. Москва: Высшая школа, 1965. 354 с.
3. Белянин В.П. Психолингвистика: учебник / В.П. Белянин; Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ин-т. 5-е изд. Москва: Флинта: Московский психолого-социальный ин-т, 2008. 226 с.
4. Ожегов С.И. (1900-1964). Словарь русского языка. 18-е изд., стереотипное Москва: Русский язык, 1986. 797, [2] с.: порт.: 27 см.
5. Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны [Электронный ресурс] URL: https://iling-ran.ru/library/psylngva/sborniki/Book1998/articles/2_2.htm (дата обращения 03.11.2025).
6. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка (очерк изменений в русском языке в XX веке). Воронеж, 1997. 64 с.
7. Махонина А.А., Стернина М.А. Опыт типологии межъязыковых лакун// Лакуны в языке и речи: Сборник науч. трудов. 2005 № 2. С.45-55.
8. Муравьев В.Л. Проблемы возникновения этнографических лакун. Владимир: ВГПИ, 1980. 106 с.
9. Jerome J.K. Three Men in a Boat (to Say Nothing of the Dog) [Электронный ресурс] URL: <https://www.gutenberg.org/files/308/308-h/308-h.htm> (дата обращения 03.11.2025).
10. Дж. К. Джером. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. Трои в одной лодке, не считая собаки (перевод М. А. Салье). М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 504 с.

© Исхакова Э.В., Накиева А.М., 2025

ПЕРЕВОД СКАЗОК

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу проблем перевода культурно-маркированных единиц русского фольклора на английский язык. Работа основывается на классификации переводческих стратегий В.Н. Комиссарова, применение которых позволяет систематизировать и оценить эффективность различных подходов.

Ключевые слова: сказка, классификация, перевод.

THE TRANSLATION OF FAIRYTALES

Abstract. The article is referred to complex problem of translation of cultural units of Russian folklore analyses into English language. The work is based on the classification of V.N. Komissarov's translation strategies, the application of which allows us to systematize and evaluate the effectiveness of various approaches.

Key words: fairytale, classification, translation.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью адекватного перевода уникальных культурных архетипов русского фольклора при переводе на английский язык. Научная новизна работы заключается в применении классификации переводческих стратегий В.Н. Комиссарова к анализу переводов конкретных русских сказочных реалий. Целью данного исследования является систематизация и оценка эффективности различных переводческих стратегий при передаче культурно-маркированных единиц русских сказок на английский язык на основе классификации В.Н. Комиссарова. Объектом исследования выступают такие уникальные сказочные архетипы, как Баба-Яга, избушка на курьих ножках, Леший и другие не имеющие прямых эквивалентов в англоязычной традиции. Материалом послужили сравнительные переводы сказок, выполненные ведущими зарубежными славистами и литераторами.

Сказка представляет собой вид фольклорной прозы, известный практически у всех народов. Она включает в себя «накопленные в культуре смыслы, идеалы, установки, опирается на вымысел и обладает ... влиянием на читателя» [6, с. 47]. Перевод сказок – это колossalный труд, который должен быть передан иноязычному читателю без затруднений в понимании. Как писал А.В. Фёдоров, целью перевода является, по возможности, близко познакомить читателя, не знающего исходный текст. А также перевести – значит «выразить

верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [7].

Классификация переводческих трансформаций В.Н. Комиссарова позволяет систематизировать подходы, использованные разными переводчиками при передаче культурно-специфических элементов русской сказки "Баба-Яга". Как отмечал сам Комиссаров, «перевод заключается в преобразовании текста на одном языке в текст на другом языке при сохранении инварианта плана содержания» [1, с. 253].

1. Перевод самого названия сказки «Баба-Яга»:

Норберт Уайнер и Роберт Чандлер использовали транслитерацию "Baba Yaga", что соответствует определению В.Н. Комиссарова как «способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее буквенного состава». Этот подход позволяет сохранить культурную аутентичность персонажа. П.Т. Кларк же применял две различные стратегии. Вариант "The Witch" представляет собой генерализацию, которая, по определению В.Н. Комиссарова, представляет собой «замену единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением» [1, с. 253]. А вариант "Bony-Legs" является калькированием, то есть заменой составных частей морфемного состава слова или словосочетания их лексическими соответствиями в ПЯ.

2. «Избушка на курьих ножках»

Н. Уайнер и Р. Чандлер использовали калькирование "A hut on hen's legs" [5, с. 448], создавая буквальный перевод компонентов сложного слова. П.Т. Кларк применил такой вариант перевода "A little hut that turned round and round on the legs of a fowl", что соответствует ситуации, когда, по словам В.Н. Комиссарова, нельзя обойтись без пояснительных трансформаций.

3. «всадник... сам бел, одет в белом, конь под ним белый»

Н. Уайнер и Р. Чандлер использовали синтаксическое уподобление с элементами компенсации в варианте "a rider... all in white, on a white horse, with white harness", что демонстрирует «воспроизведение структуры оригинала в переводе» с добавлением уточняющей детали. П.Т. Кларк применил генерализацию и опущение в упрощенном варианте перевода "a white rider on a white horse" [3, с. 256].

4. «Явились три пары рук...»

Н. Уайнер использовал калькирование в варианте "Three pairs of hands appeared..." [4, с. 320], сохраняя буквальную передачу структуры оригинала. Р. Чандлер применил калькирование с модуляцией, используя более динамичные глаголы, что соответствует замене исходного понятия другим, логически связанным с ним. П.Т. Кларк использовал экспликацию с модуляцией в варианте "Three pairs of invisible hands seized...", добавив семантический компонент "invisible" для прояснения смысла. Как подчеркивал В.Н. Комиссаров, выбор способа перевода зависит от характера текста и условий межъязыковой коммуникации. Анализ показывает, что современные переводчики Н. Уайнер и Р. Чандлер чаще используют прямые трансформации, сохраняя культурный код, тогда как П.Т. Кларк применяет адаптивные стратегии, ориентируясь на восприятие англоязычного читателя.

Таким образом, исследование показало, что адекватный перевод сказок требует от переводчика глубокого понимания культурного контекста и гибкого применения всего арсенала переводческих стратегий. Модель анализа, основанная на классификации В.Н. Комиссарова, представляет собой эффективный инструмент как для теоретического осмысления, так и для практической работы по преодолению культурного барьера и донесения богатства русского фольклора до иноязычной аудитории. Проведённое сравнение переводов Н. Уайнера, Р. Чандлера и П.Т. Кларка выявило эволюцию подходов: от адаптивных стратегий, упрощающих восприятие, к современным методам, ориентированным на сохранение культурного своеобразия оригинала.

Литература

1. Дамман Е.А., Влад С.С. Приемы передачи лингвокультурных особенностей при переводе русских народных сказок на английский язык / Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2021. Т. 18. № 4. С. 47-54.
2. Федоров А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров. М.: Высш. шк., 1983. 303 с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Russian Magic Tales / Translated by N. Chandler. L.: Penguin Classics, 2012. 448 p.
5. Russian Fairy Tales / Translated by P.T. Clark. N.Y.: Bantam Books, 1991. 256 p.
6. Russian Folk Tales / Translated by R. Wiener. N.Y.: Dover Publications, 2018. 320 p.

© Исхакова Э.В., Юлдашбаева А.Н., 2025

УДК 821.111

Т.А. Климова
АлтГПУ, Барнаул, Россия
klimova.tania@gmail.com

СИНЕРГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ LIFE/DEATH В РОМАНЕ КАДЗУО ИСИГУРО NEVER LET ME GO КАК ПРОДУКТ СИНКРЕТИЗМА СОЗНАНИЯ БИЛИНГВА

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация синергического концепта LIFE/DEATH в романе Кадзую Исигуро Never Let Me Go как отражение билингвального сознания автора. Анализ языковых средств показывает, что LIFE и DEATH функционируют как единая интегративная структура, формируемая под влиянием английской и японской лингвокультур. Особое внимание уделяется эвфемизации, тематическим сеткам и функции сцепления, обеспечивающим концептуальную целостность текста. Синергический характер анализируемого концепта соотносится с японским представлением сисэикан, в котором жизнь и смерть трактуются как взаимодополняющие категории.

Ключевые слова: синергический концепт; концептуализация; языковое сознание; билингвизм; эвфемизация; тематические сетки; валентность.

THE SYNERGIC CONCEPT LIFE/DEATH IN KAZUO ISHIGURO'S NOVEL NEVER LET ME GO AS A PRODUCT OF BILINGUAL COGNITIVE SYNCRETISM

Abstract. The article examines the representation of the synergic concept LIFE/DEATH in Kazuo Ishiguro's novel Never Let Me Go as a manifestation of the author's bilingual cognitive perspective. The analysis of linguistic means shows that LIFE and DEATH function as a single integrative structure shaped by the interaction of English and Japanese linguocultures. Special attention is given to euphemisation, thematic networks, and the cohesive function that ensures the conceptual unity of the text. The synergic nature of the analyzed concept correlates with the Japanese notion shiseikan, which interprets life and death as complementary categories.

Key words: synergic concept; conceptualization; linguistic consciousness; bilingualism; euphemisation; thematic networks; valency.

Концепты LIFE/DEATH представляют собой базовые художественные концепты, которые находят своё воплощение в различных видах искусства. Исследование способов их языковой репрезентации в творчестве писателей позволяет реконструировать специфику авторской картины мира и особенности когнитивного стиля [1, с. 21]. Изучение данных концептов на материале творчества писателей-билингвов, совмещающих в своём сознании культурные ценности родной и второй лингвокультуры и отражающих это в своём творчестве, представляет особый интерес.

В парадигме билингвизма значимыми являются положения Иштвана Кечкеша, который говорит о существовании в сознании билинга общей концептуальной базы (*common underlying conceptual base*), доступ к которой обеспечивается двумя языками. Взаимодействие поступающей по этим языковым каналам информации приводит к «синергическому эффекту», на основе которого формируются синергические концепты. Под синергическими концептами Кечкеш понимает концептуальные новообразования, сформированные посредством концептуальной интеграции и включающие элементы знания, опосредуемого как родным, так и вторым языком [2, с. 29]. Иными словами, синергические концепты не являются простой смесью знаний или информации: они вербализуются посредством единиц обоих языков, но соотносятся с более широким концептуальным доменом, конфигурация которого отличается от конфигурации доменов соответствующих концептов, находящихся в распоряжении носителя-монолингва. Кечкеш подчёркивает, что используемая билингвом языковая форма, репрезентирующая некий синергический концепт, представляет собой концептуальное слияние (*conceptual blend*) с двойным концептуальным наполнением, в котором сочетаются элементы соответствующих родному и второму языку культур [3, с. 40].

В связи с этим рассмотрение концептов LIFE и DEATH в романе К. Ишигуру *Never Let Me Go* («Не отпускай меня») представляется продуктивным, поскольку в художественном сознании автора английские модели

концептуализации жизни и смерти взаимодействуют с японскими. Анализ имён данных концептов в английской лингвокультуре, проведённый на основе соответствующих дефиниций из Collins English Dictionary и Oxford Learner's Dictionaries, выявил следующие характеристики:

1. LIFE: физиологическое существование живого организма; оживление и проявление деятельности; различные проявления деятельности человека или общества; жизнеописание.
2. DEATH: полная остановка процессов жизнедеятельности организма; летальный исход; полное прекращение какой-либо деятельности.

В японской же лингвокультуре существует третий концепт, представляющий собой единство взаимодополняющих частей – **死生觀** (*сисэикан*), включающий кандзи «смерть», «жизнь» и «видение/понимание». Первосточником данного выражения считается опубликованная в 1904 году одноимённая книга буддийского исследователя Тоцудо Като, в которой он предпринял попытку истолковать воззрения на вопросы жизни и смерти в рамках кодекса бусидо [2, с. 13]. Данный концепт отражает характерное для японской традиции понимание смерти как разрыва лишь физической связи: духовная связь сохраняется посредством буддийских и синтоистских праздников и ритуалов.

Подобное осмысление жизни и смерти позволяет рассматривать концепты LIFE/DEATH у Исигуро как единый интегративный концепт, формируемый в результате синкетизма билингвального сознания. Хотя мотив смерти в исследуемом романе можно назвать ведущим, значительное внимание уделяется наполнению жизни смыслом через любовь, дружбу и творчество. Языковая репрезентация концепта LIFE в романе осуществляется посредством существительных *student, carer, guardian, creature, creativity, Gallery, poetry, philosophy*, а также прилагательных *special, well, healthy, sweet, vulnerable*, глаголов *to care, to create, to love, to joke, to laugh, to remember, to comfort, to protect*. Рассмотрим следующий пример:

(1) “*You've been told about it. You're students. You're... special. So keeping yourselves well, keeping yourselves very healthy inside, that's much more important for each of you than it is for me.*” [4, с. 68] (выдел. ориг.)

В данном случае концепт LIFE эксплицируется через прилагательные *special, well, healthy*. Слово *student* функционирует как эвфемизм и также актуализирует концепт, поскольку главные персонажи романа – это клони, которые были созданы в качестве живых доноров для пересадки органов. На протяжении романа автор регулярно прибегает к эвфемизации как для непрямого описания существования факта клонирования, так и для выражения смежных с фактом смерти понятий.

Концепт DEATH реализуется посредством существительных *donor, donation, dread, revulsion, cancer, heart disease*, моторных и нейронных заболеваний, прилагательных *sombre, serious, different, awkward, vague, embarrassing*, глаголов *to complete, to donate*. Последние привлекают особое внимание как актуализирующие непосредственное завершение жизни:

(2) “*Your lives are set out for you. “You’ll become adults, then before you’re old, before you’re even middle-aged, you’ll start to **donate** your vital organs.”* [4, c. 80] (здесь и далее выдел. нами – Т.А.)

(3) *Here was the world, requiring students to **donate**.* [4, c. 258]

(4) “*The donors will all **donate**, just the same, and then they’ll **complete**.*” [4, c. 276]

Примеры (2)-(4) расположены в порядке появления в романе и фиксируют все три случая употребления глагола *to donate*, тогда как существительное *donor* встречается в романе 74 раза, что позволяет говорить о статусе доминантной номинативной единицы, репрезентирующей функциональную роль персонажей. Примечательно и то, что переходный глагол *to donate* реализует свою валентность только в примере (2), в то время как в примерах (3) и (4) она остаётся нереализованной. Нулевая реализация валентности в заключительной части повествования актуализирует имплицитную информацию, позволяя избегать прямого называния того, что именно подлежит «выемке» в момент максимальной эмоциональной остроты. Такой приём можно считать проявлением стратегии общения, присущей высококонтекстной (японской) культуре.

В своих интервью К. Исигуро неоднократно отмечал, что при работе над романами исходит из чётко сформулированного замысла, который в процессе практически не меняется. Это позволяет предположить, что распределение языковых единиц по тексту автором происходит стратегически. В примерах (2)-(4) характерный подбор языковых средств (фразовый глагол *to set out* как намёк на наличие определённого жизненного пути, *the world requiring* как отсылка к идиоматическому выражению *such is the way of the world* – «такова жизнь», наречное выражение *just the same* – «при любом раскладе») позволяет нам утверждать, что концепты LIFE/DEATH в данном случае реализуются как единство. Такое размещение и повторяемость релевантных единиц создают основу для тематических сеток, формируемых путём «сцепления», которое по мнению И.В. Арнольд обеспечивает взаимосвязь и интеграцию элементов концепта в структуре текста [5, с. 7]. Функцию тематического сцепления в романе также выполняет существительное *stuff*, встречающееся 77 раз и служащее эвфемистическим обозначением неприятных тем. Соответствующие слова обобщающей семантики (*stuff, thing, business, idea, theory*) используются в случаях, когда рассказчица избегает прямых упоминаний смерти, донорства или иных травматичных событий.

Важную роль в репрезентации концепта LIFE играет творчество, т.к. именно способность к нему является доказательством наличия у клонов души (*soul*), что подчёркивается в следующем примере:

(5) “*Why did we take your artwork? Why did we do that? You said an interesting thing earlier, Tommy. <...> You said it was because your art would reveal what you were like. What you were like inside. <...> Well, you weren’t far wrong about that. We took away your art because we thought it would reveal your souls. Or to put it more finely, we did it to **prove you had souls at all.***” [4, с. 255] (выдел. ориг.).

Искусство противопоставляется технологической природе клонов и становится проявлением внутренней, нематериальной формы существования. В описании образов фантастических существ в рисунках одного из персонажей соединяются черты материального и эфемерного, что отражает пограничное положение самих клонов:

(6) “For all their **busy, metallic features**, there was something **sweet, even vulnerable** about each of [the creatures].” [4, с. 185]

В дальнейшем образы *creatures* получают дополнительные характеристики, которые развивают художественный потенциал концепта: сочетание *busy, metallic features* отсылает к техногенной природе их существования, тогда как прилагательные *sweet, vulnerable* подчёркивают их хрупкость и отсутствие прочной опоры в мире романа. Использование в дальнейшем обращения *poor creatures* подчёркивает их беззащитность и обречённость, формируя соответствующее восприятие в рамках общей концептуализации концепта LIFE/DEATH.

Подобная интерпретация художественных образов укладывается в более широкую систему репрезентации ключевого для романа концепта. Для романа «Не отпускай меня» таким образом характерна интегративная репрезентация концептов LIFE/DEATH, обусловленная спецификой билингвального сознания К. Исигуро. В японской лингвокультуре существует единый концепт 死生觀, и его влияние ощущается в трактовке смерти как части жизни. Репрезентирующие концепты LIFE и DEATH языковые единицы в романе объединяются в тематические сетки. Синергический эффект от объединения английских концептов LIFE/DEATH и японского концепта СИСЭИКАН проявляется в создании синергического концепта, в котором жизнь и смерть рассматриваются как взаимодополняющие части целого.

Литература

1. Климова Т.А. Языковое сознание билингва и его отражение в англоязычном художественном тексте (на материале произведений Кадзую Исигуро): дис. ... канд. филол. наук: 5.9.6 / Татьяна Андреевна Климова. – Тамбов, 2024. – 201 с.
2. Kecskes I. Synergic Concepts in the Bilingual Mind / Cognitive Aspects of Bilingualism Ed. by I. Kecskes, L. Albertazzi. Springer, 2007. – P. 29-62.
3. 島薦進「加藤咄堂と死生観の論述(二)」[Симадзоно, Сусуму. Като Тоцудо то сисэикан но рондзюцу (ни); (Като Тоцудо и его рассуждения о концепции жизни и смерти (2))]/ С. Симадзоно. – The University of Tokyo, 2003. – 死生学研究 (2) [Сисэигакукэнкю (2)] – С. 8-34.
4. Ishiguro K. Never Let Me Go. – London : Faber and Faber, 2005. – 288 p.
5. Арнольд И. В. Тематические слова художественного текста / И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1971. – №2. – С. 6-12.

© Климова Т.А., 2025

Л.А. Козлова
Ю.Г. Калинина
АлтГПУ, Барнаул, Россия
lyubovkozlova@list.ru
yuliya.kalinina@bk.ru

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ АСИММЕТРИЯ В СФЕРЕ ЧАСТИЦ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ И ФАКТОРЫ, ЕЁ ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ

Аннотация. Объектом исследования статьи являются частицы, а предметом – межъязыковая асимметрия частиц в русском и английском языках и факторы, ее обуславливающие. Как показано в статье, в частицах находят свое отражение такие особенности русского национального характера, как эмоциональность, стремление к сокращению коммуникативной дистанции и категоричность, что значительно отличает русскоязычный стиль коммуникации от англоязычного и дает основания характеризовать русский язык как particle language, а английский – как modality language.

Ключевые слова: межъязыковая асимметрия, частицы, модальные слова, этностиль коммуникации, национальный характер.

INTERLINGUAL ASYMMETRY IN THE SPHERE OF PARTICLES IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES AND THE FACTORS UNDERLYING IT

Abstract. The object of the research in the article is particles, and the subject matter is the interlingual asymmetry of Russian and English particles and the factors underlying it. As the article shows, particles reflect such features of the Russian national character as emotionality, tendency towards minimizing communicative distance and assertiveness which make the Russian communicative style essentially different from English and give reasons to characterize Russian as a particle language and English as a modality language.

Key words: interlingual asymmetry, particles, modal words, communicative ethnostyle, national character.

«Язык можно понять лишь тогда,
когда понимаешь большее, чем язык»
Б.Ю. Норман

Описывая типологические особенности языков и выделяя как общность, так и существенные различия между ними, Э. Сепир отмечал, что при наличии общих свойств каждый язык отличается своим «особым покроем» (*every language has a special cut*) [1, с.120]. И этот «особый покрой» находит множественную манифестацию в языке, и прежде всего, в системе частей речи. Так, сопоставительный анализ знаменательных частей речи в английском и русском языках дает убедительные примеры того, что английский язык в

большой степени тяготеет к использованию существительных для номинации не только предметных сущностей, но и действий, а русский язык предпочитает глагольные основы для номинации тех же сущностей. Эта межъязыковая асимметрия должна учитываться при переводе, поскольку она требует «переупаковки смысла», т.е. изменения синтаксической структуры предложения – замены именного сказуемого английского языка на глагольное сказуемое в русском. Например: *She was a winterer in Europe* (I.Shaw). – *Она проводила зимы в Европе.*

Подобные типологические различия имеют место и в системе служебных частей речи. Как показывают сопоставительные исследования, характерной особенностью английского языка является большее, чем в других европейских языках, количество языковых средств выражения эпистемической модальности, а также значительно большая частотность их использования в речи, что позволяет сделать вывод о т.н. *epistemic commitment* (эпистемической приверженности), под которой понимается особенная любовь англоязычного стиля коммуникации к использованию широкого репертуара средств выражения модальности мнения, передающих различную степень уверенности говорящего в достоверности излагаемых фактов, а также служащих маркерами вежливости как одного из основных принципов англоязычной культуры.

Именно широкая палитра средств выражения эпистемической модальности и высокая частотность их употребления значительно отличают англоязычный стиль от других этностилей [2, с.27]. При этом, обращаясь к факторам, обусловившим эту особенность британского этностиля коммуникации, исследователи объясняют это историей страны и ее местом в мире. Так, еще Джон Локк писал о том, что закономерным следствием развития науки в Англии явилась потребность максимально точно выражать мысль, свободную от эмоций, что находит свое отражение в таком сочетании, как *cool reason* (здравый смысл). Он также подчеркивал необходимость строгого разграничения между знанием и мнением, что обуславливает стремление избегать категоричности суждений, с одной стороны, и демонстрирует при этом уважение к иной точке зрения, с другой, необходимое для дипломатии [3]. Эти идеи, высказанные Дж. Локком еще в 17 веке, не утратили своей значимости и во многом определили становление британского коммуникативного стиля, характерной чертой которого является высокая степень насыщенности средствами выражения модальности мнения, что позволяет характеризовать английский язык как *modality language*. По мнению А.Вежбицкой, основным pragmatischen маркером современного англоязычного дискурса является модальное слово *probably* [4, с.267]. Всё сказанное позволяет утверждать, что большое количество средств выражения эпистемической модальности и высокая частотность их использования являются одним из маркеров «особого покроя» английского языка, находящим свою манифестацию в англоязычном стиле коммуникации.

Русский язык относится исследователями к т.н. *particle languages*, т.е. языкам, для которых характерно большое количество и широкое использование частиц. Как отмечает Т.М.Николаева, частицы представляют собой

национально-коммуникативные слова [5, с.10] и являются одним из важных маркеров русскоязычного коммуникативного стиля.

Сопоставительный анализ частиц в русском и английском языках позволяет выявить значительную степень межъязыковой асимметрии в сфере частиц, что проявляется в их количественном соотношении и функциональном диапазоне. В задачи статьи входит выявление и объяснение факторов, обуславливающих эту асимметрию.

Число частиц в русском языке, называемое в различных исследованиях, варьируется от 75 до 131[5, 6], что частично обусловлено тем фактом, что частицы могут присоединяться с помощью дефиса и образовывать композиты со словами знаменательных частей речи (*кто-либо*, *где-нибудь*, *что-то* и т.д.). В исследованиях частиц на материале английского языка представлено всего 15 единиц [7, с. 96 – 98]. При этом исследователи отмечают сложность в определении границ между частицами и другими служебными словами, прежде всего модальным словами, зачастую относя и те, и другие к группе дискурсивных прагматических маркеров, не уточняя при этом их частеречной принадлежности.

Столь же существенные различия выявляются в функциональном диапазоне частиц в русском и английском языках: в русском языке исследователи насчитывают от 6 до 8 функций, выражаемых частицами [6, с. 308; 8, с. 369 – 378], а в английском языке – от 2 до 4 [9; 10]. При этом можно выделить как совпадения, так и существенные различия в выполняемых ими функциях. Совпадение имеет место при выполнении частицами акцентирующей функции, маркирующей рему или пик ремы высказывания, а также ограничительной функции, что не создает трудности при переводе. Ср.: *Даже он иногда делает ошибки. – Even he sometimes makes mistakes. Только он мог решить эту проблему. – Only he could solve this problem.*

Характер выполняемой ими функции – акцентуация ремы высказывания обуславливает возможность их свободного передвижения в структуре высказывания. Ср.: *Even he admitted that I was right. He even congratulated me. He respected even his enemies.*

Как можно видеть из подобных примеров, интерпретация значения частиц в данной функции связана с экспликацией скрытых смыслов. Ср. *Даже он делает ошибки* (Скрытый смысл: Ошибки делают все. Он обычно не делает ошибок). Семантика частиц часто описывалась в контексте теории пресуппозиций, под которой понимается положение дел в реальной ситуации, которое делает высказывание уместным и понятным. Как отмечала Т.М. Николаева, теория пресуппозиции «оказалась как-бы созданной для понимания частиц» [5, с.84]. Сегодня этот термин редко используется в исследованиях, а экспликация скрытых смыслов высказывания обычно описывается в терминах инференции, которая определяется как выводное знание, получаемое в результате ментальной операции экспликации скрытых смыслов. Можно полагать, что понятия пресуппозиции и инференции взаимосвязаны тем, что оба относятся к скрытому смыслу, а отличаются тем, что пресуппозиция

относится к адресанту, который транслирует скрытые смыслы, а инференция – к адресату, который их эксплицирует и интерпретирует.

Сопоставительный анализ функционирования частиц, выражающих модальную и эмоциональную функцию в русском и английском языках, также позволяет выделить существенные различия. Так, для русскоязычного дискурса наиболее характерно употребление таких частиц, как *ведь*, *же*, *да*, способствующих усилению ассертивности высказывания. Благодаря этим частицам сообщаемое звучит как неоспоримый факт, в чем находит свое отражение такая традиционная черта национального характера, как отсутствие стремления к золотой середине. Ср. «*А у Вас есть дети?*» - «*Конечно. Сын, дочка. И даже внук. А как же иначе?*». *Действительно. Как же иначе?* (М. Степнова); *Но Тбилиси – это же не Азия* (В. Токарева).

Наиболее частотной функцией частиц в русскоязычном дискурсе является, по мнению исследователей [8], эмотивная функция, при реализации которой частицы передают широкий спектр эмоций, в чем находит свою манифестиацию такая черта русского характера, как повышенная эмоциональность. Дополнительные прагматические смыслы, выражаемые частицами, всегда несут большую степень контекстной зависимости. Обратимся к примеру: «*Евгения, это Аксенов. Вы же не думаете, что я Вас бросил?*» (А. Матвеева). В данном примере речь идет о богатом спонсоре, который обещал организовать выставку картин художницы, а затем перестал отвечать на ее звонки. Используя фразу «*Вы же не думаете, что я Вас бросил?*», он косвенно подтверждает готовность выполнить свое обещание. Эта же частица в составе вопросительного предложения может выражать крайнюю степень раздражения, возмущения или упрека, как, например: «*Ты что же мужа от живой жены увел?*» (В. Токарева).

Нередко характер прагматического значения частиц с трудом поддается определению, поскольку они не несут четко выраженного значения, но при этом служат важными маркерами русскоязычного этностиля, передавая особую коммуникативную тональность русской разговорной речи, сокращая коммуникативную дистанцию между участниками общения и придавая ей характер «разговоров по-домашнему».

Межъязыковая асимметрия, описанная нами на примере частиц в русском и английском языках и обусловленная различиями коммуникативных стилей, в которых находят манифестиацию особенности культур, подтверждает слова Б.Ю. Нормана, взятые нами в качестве эпиграфа. Эта межъязыковая количественная и функциональная асимметрия между частицами в русском и английском языках представляет значительные сложности для переводчиков, что заслуживает отдельного изучения и является дальнейшей задачей нашего исследования.

Литература

1. Sapir E. Language. An Introduction to the Study of Speech. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1921. 242 с.

2. Holmes J. Expressing Doubt and Certainty in English // RELC Journal. 1982, No.13 (2). P. 9-28.
3. Locke J. An essay concerning human understanding. Oxford: Clarendon, 1959. 675 p.
4. Wierzbicka A. English: Meaning and Culture. Oxford: Oxford University Press, 2006. 352 c.
5. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: «Наука», 1985. 169с.
6. Савельева Л.А. К проблеме классификации частиц в русском, немецком и английском языках//Доклады Башкирского университета. 2018. Том 3. №3. С.307- 312.
7. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник. М.: Высшая школа, 1981. 285 с.
8. Нагорный И.А. Грамматико-коммуникативные функции частиц в речевой сфере // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 38 (3). С. 369 – 378.
9. Маковеева С.Д. Частицы в современном английском языке: генезис и функциональный аспект. Дис. ...канд. филол. наук. Архангельск, 2001. 169 с.
10. Минченков А.Г. Английские частицы: функции и перевод. СПб.: Антология, 2004. 96 с.

© Козлова Л.А., Калинина Ю.Г., 2025

УДК 811.111:340.113

А.С. Комкова

НГАСУ (Сибстрин), СГУПС, Новосибирск, Россия
a.komkova@sibstrin.ru

СЕМИОТИЧЕСКОЕ ОСЛАБЛЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ: ЛИНГВО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ГЕРМАНСКИХ ИСТОЧНИКОВ VII–XI ВВ.

Аннотация. В статье рассматривается действие закономерности семиотического ослабления в процессе эволюции правосудия у германских народов, в частности, у англосаксов. Демонстрируется, как переход от архаических практик возмездия (кровная месть, изгнание) к системе денежных компенсаций (вергельд) и далее к формализованному судопроизводству нашел последовательное отражение в древнеанглийской лексике VII–XI вв. Делается вывод о том, что семиотическое ослабление является универсальным механизмом, связывающим социокультурную и языковую эволюцию.

Ключевые слова: семиотическое ослабление, древнеанглийский язык, германское право, вергельд, кровная месть, изгнание, судопроизводство.

SEMIOTIC WEAKENING IN THE PROCESS OF ADMINISTRATION OF JUSTICE (LINGUISTIC AND LEGAL ANALYSIS OF GERMAN SOURCES OF THE 7TH-11TH CENTURIES)

Abstract. The article examines the effect of the law of semiotic weakening in the process of the evolution of justice among Germanic peoples, in particular the Anglo-Saxons. It demonstrates how the transition from archaic practices of retribution (blood feud, exile) to a system of monetary compensation (wergeld) and further to formalised legal proceedings was consistently reflected in Old English vocabulary of the 7th–11th centuries. The obtained results show that semiotic weakening is a universal mechanism linking sociocultural and linguistic evolution.

Keywords: semiotic weakening, Old English, Germanic law, wergeld, blood feud, exile, legal proceedings.

Введение. Феномен семиотического ослабления – закономерность, заключающаяся в замене сильного акта некоторым жестом, а впоследствии и вовсе условностью, – находит все более широкое применение в современных сравнительно-исторических исследованиях (ср. Елсакова А.Л., 2011; Карасик В.И., 2012; Клейман Б.М., 2015; Комкова А.С., 2013, 2017; Проскурин С.Г., 2010, 2013, 2016; Проскурин С.Г., Лебедева Д.С., 2025; Разуваев Н.В., 2020; Санников С.В., 2014, 2016; Слепухин С.Н., 2014 и др.). Данный концепт, интерпретируемый как «выветривание знака» (В.И. Карасик) [1] или «замена сильного семиотического действия ослабленным, а затем совсем слабым» (С.Г. Проскурин) [2], позволяет объяснять не только семантические сдвиги, когда к примеру, «слово забывает свой смысл» [3, с. 98], но и трансформацию знаковой формы, и генезис новых знаковых систем. Так, из последнего, механизмы семиотического ослабления были обстоятельно исследованы С.Г. Проскуриным и Д.С. Лебедевой на материале иероглифических знаков китайской письменности. Выявленное ослабление формы написания отдельных иероглифических знаков приводит, по мнению ученых, к трансформации еще и их значения в векторе ослабления на основе метонимии и метафоры [4].

Универсальность данной семиотической закономерности демонстрируется на материале различных культур. Ярким примером служит эволюция практики жертвоприношения в древней Индии, где происходил последовательный переход от кровавого заклания к использованию субститутов (пищи, даров), а затем – к вербальным формам в виде молитв и рецитации священных текстов, как «внутреннему» жертвоприношению [5, с. 51], что маркирует движение от физического акта к абстрактной этической норме.

В сфере права действие рассматриваемой закономерности проявляется в трансформации судебных процедур. Как отмечает Н.В. Разуваев, в римском частном праве наблюдается отказ от судебных поединков (сильное действие) в пользу устных, а затем и письменных судебных прений (ослабленное и слабое действие). Подобная эволюция восходит к архаическим практикам: ср. клятву и поединок как судебные процедуры у хеттов, древних египтян, а также

ритуальную погоню у греков, в конце которой проигравшая сторона первоначально приносилась в жертву, которая затем была заменена на выплату материальной компенсации победителю. Это находит отражение даже в палеографии: «в частности, в ряде египетских надписей эпохи Древнего Царства, в которых существительное *ta'at*, ‘правосудие’, ‘справедливость’, включало в себя графему *m̥z*, использовавшуюся в глагольной форме пассивного залога *m̥z'*, ‘приносить в жертву’» [6, с. 52-53]. Отметим, что ритуальные поединки и очистительные клятвы играли важную роль и подвергались трансформации и у германских народов, например, у лангобардов. Согласно текстов лангобардских законов, победой в поединке (лат. *camphio* «битва, сражение», позднее «Божий суд») можно было снять с себя подозрение или обвинение в различных серьезных преступлениях, караемых смертью, подтвердить право на имущество [7, с. 97-98].

Цель и материал исследования. Целью настоящего исследования является анализ действия закономерности семиотического ослабления на стыке эволюции древнеанглийской лексики и германских правовых институтов в VII–XI вв. Основой исследования послужили англосаксонские письменные памятники VII–XI вв.: эпос «Беовульф», королевские судебники, юридические компиляции «О вергельдах», «Законы северных людей» и др., древнейшая летопись Англии «Англосаксонская хроника». В качестве сравнительного материала привлекались скандинавские, древнерусские и варварские правды, а также данные исторических и археологических изысканий.

Обсуждение и результаты. Эволюция правосознания германцев в исследуемый период, связанная с переходом от архаических практик возмездия к формализованному судопроизводству, нашла непосредственное отражение в лексико-семантической системе древнеанглийского языка. Ключевым представляется исходное восприятие закона как предела, нарушение которого влекло за собой силовое противодействие. Этимология слов, обозначающих врага, изгоя и наказание (др.-англ. *wracu*, гот. *wrikan*, рус. *врагъ, извергъ*), восходящих к индоевропейскому корню **wreg-* («гнать, преследовать»), подтверждает эту связь [8, с. 592-593]. Ритуалы и клятвы теряют свою доказательную силу, как и потребность в манифестации воли богов, более актуальным становится потребность в защите интересов всех субъектов правового общения и разработанность судебной процедуры.

В развитии германского права прослеживается четкая трехэтапная модель семиотического ослабления: институт кровной мести, практика изгнания → институт вергельда → институт суда, зафиксированная в языковых данных.

Этап I. Сильное семиотическое действие (убийство и изгнание).

Лексика первого этапа номинирует прямое физическое насилие в качестве наказания:

- Изгнание: др.-англ. *wræc* «изгнание», *wræcca* «изгой», *wrecan*, *flytan* «изгонять».

- Кровная месть убийством: др.-англ. *fæhð* «вражда, кровная месть», *wracu* «месть, возмездие», *wrecend* «мститель», *andsaca* «враг».

- Эмоциональный фон: др.-англ. *wrāð* «враждебный», *wērigmōd* «унылый», *cearig* «печальный».

- Ключевая концепция: месть (убийством или через изгнание) ничем не ограничена, является обязательной практикой, преступник – враг Бога и людей.

Этап II. Ослабленное семиотическое действие (материальная компенсация).

Лексика второго этапа отражает замещение физического возмездия системой денежных штрафов-вергельдов:

- Материальная компенсации: др.-англ. *wergild* «цена жизни», *healsfang*, *frumgild* – «первая часть вергельда», *wite* «штраф», *bot* «возмещение ущерба», *leodgeld* «компенсация за убийство», *þeōfgild* «компенсация за воровство».

- Действие по выплате компенсации: др.-англ. *gildan*, *forgildan* «платить, возмещать».

- Ключевая концепция: месть убийством и через изгнание не является единственной возможной формой наказания, ограничена посредством предоставления возможности откупиться от мести, возместить ущерб, регламентации сроков выплаты компенсации, разграничением между *gewealdes* «преднамеренно» и *ungewealdes* «непреднамеренно» совершенным убийством, уточнением обстоятельств, смягчающих вину преступника и размер выплаты.

Этап III. Слабое семиотическое действие (судебная процедура).

Формируется институт суда, где доминируют вербальные и процедурные формы, что отражается на лексико-семантическом уровне:

- Судопроизводство: др.-англ. *þing* «собрание, суд», *sacu* «суд, тяжба», *ordāl* «ордалия», *āð* «клятва».

- Участники процесса: др.-англ. *dēta* (судья), *æwda* (свидетель).

- Семантические сдвиги: значения слов смешаются от силового акта к условности: др.-англ. *þing* «битва» → «суд», *sacan* «сражаться» → «обвинять».

- Ключевая концепция: формирование концепта суда, недопустимость наказания без судебного разбирательства, появление правового понятия *cyrisc-friþ* – «право на убежище», которым мог воспользоваться в церкви преступник, сохранив свою жизнь и избежав наказания.

Подобная эволюция правосознания в сторону гуманизации наказания была характерна для германского, славянского и других правовых укладов Европы, что подтверждается наличием в текстах судебников лингвистических знаков-номинаций акта возмездия, наказания (напр., древнерусское право – *месть, поток и разгребление, избиение кнутом*, законы лангобардов – *faida*), системы штрафов-вергельдов (напр., древнеирландское право – *éraic* «цена крови», право салических франков – *wergild*, древнерусское право – *вира*), судебного процесса (ср. скандинавское право – *hólmgang* «судебный поединок», *þing* «ting, суд», *dular-eidr* «клятва об отказе от иска» и т.д.).

Заключение. Проведенный анализ позволяет заключить, что эволюция германского правопорядка в VII–XI вв. шла по пути последовательного семиотического ослабления. Замена кровной мести и изгнания вергельдом, а затем – формальным судом, отражает общую тенденцию гуманизации общества и рационализации права. Эта глубинная социально-правовая трансформация

была закреплена в языке: появление новой правовой лексики и семантические сдвиги в существующих словах маркируют переход от логики силового противостояния к логике процедурного права, что наглядно иллюстрирует универсальный характер закономерности семиотического ослабления.

Литература

1. Карасик, В.И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей / В.И. Карасик // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2012. – Вып. 1 (39). – С. 43-50.
2. Проскурин, С.Г. Эволюция права в свете семиотики / С.Г. Проскурин // Вопросы филологии. – 2010. – № 3 (36). – С. 106-111.
3. Клейман, Б.М. Роль слова при семиотическом ослаблении в библейских текстах / Б.М. Клейман // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2015. – Вып. 95. – №10 (365). – С. 96-100.
4. Проскурин, С.Г. Механизмы семиотического ослабления иероглифических знаков китайской письменности / С.Г. Проскурин, Д.С. Лебедева // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2025. – Т. 16. – № 1. – С. 103-124. – DOI 10.5922/2225-5346-2025-1-7.
5. Альбедиль, М.Ф. Типыprotoиндийских надписей / М.Ф. Альбедиль // Древние системы письма. Этническая семиотика / Отв. ред. Ю.В. Кнорозов; АН СССР. ИЭ. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1986. – С. 36-68.
6. Разуваев, Н.В. История римского гражданского процесса как универсальная модель эволюции правопорядков Древнего мира / Н.В. Разуваев // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2020. – № 3(5). – С. 47-64.
7. Комкова, А.С. Феномен семиотического ослабления в англосаксонской лингвокультуре VII-XI вв. / А.С. Комкова. – Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2017. – 170 с.
8. Степанов, Ю.С. Протей : очерки хаотической эволюции / Ю.С. Степанов. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 264 с.

© Комкова А.С., 2025

УДК 316.74:748

Ф. Коне

БЕЛГУ, Белгород, Россия
konefatoumata200@gmail.com

КУЛЬТУРНАЯ ТРАНСМИССИЯ И МЕСТНЫЕ ЯЗЫКИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫХ РАЙОНАХ БАМАКО: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА И СПЛОЧЕННОСТЬ ОБЩИНЫ

Аннотация. Цель нашего исследования – изучить роль местных языков в передаче культурного наследия и сплочении сообществ в многокультурных районах Бамако. Качественная методология позволила нам выделить

механизмы, посредством которых языковые практики структурируют социальные отношения и динамику идентичности в городском контексте. Результаты показывают, что местные языки являются ключевым фактором социокультурного развития Бамако, укрепляя социальную сплоченность, идентичность и формы солидарности в среде, характеризующейся этническим разнообразием и городскими преобразованиями.

Ключевые слова: Местные языки; культурная передача; сплоченность общества; городское многоязычие; социально-культурная динамика; Бамако; многокультурные кварталы.

CULTURAL TRANSMISSION AND LOCAL LANGUAGES IN THE MULTICULTURAL NEIGHBORHOODS OF BAMAKO: SOCIO-CULTURAL DYNAMICS AND COMMUNITY COHESION

Abstract. Our study examines the role of local languages in cultural transmission and community cohesion within the multicultural neighborhoods of Bamako. A qualitative methodology allowed us to highlight the mechanisms by which language practices structure social relations and identity dynamics in an urban context. Our results reveal that local languages constitute a key driver of socio-cultural development in Bamako, strengthening social cohesion, identity, and forms of solidarity in an environment marked by ethnic diversity and urban transformations.

Key words: Local languages; cultural transmission; community cohesion; urban multilingualism; socio-cultural dynamics; Bamako; multicultural neighborhoods.

Введение

Бамако, столица Мали, – город, характеризующийся сильным языковым и культурным разнообразием. Несколько районов города стали местами сосуществования множества этнических групп, каждая из которых имеет свои особые культурные и языковые практики. Это подчеркивает важную роль местных языков как средств передачи ценностей, знаний и коллективной идентичности. Однако следует признать, что лишь немногие исследования были посвящены анализу социокультурной динамики, связанной с местными языками в многокультурных городских пространствах. Такие факторы, как распространение языка бамбара, меняют способы передачи культуры от поколения к поколению. Эта передача включает в себя процессы отбора, адаптации и переосмыслиния, на которые влияют городские ограничения, социальная мобильность и межэтническое взаимодействие. Цель данной статьи – проанализировать посредством качественного исследования современные трансформации этих практик, связанные с городской динамикой, эволюцией образа жизни и гибридизацией языковых употреблений.

Теоретическая основа

Наша теоретическая основа объединяет теории социологии культуры, социолингвистики и социокультурного развития. Эти теории имеют решающее значение для изучения языковых практик в многокультурных районах Бамако. Согласно Бурдье (1980) [1, с.88-89] культура не ограничивается

художественными произведениями, а представляет собой совокупность практик и знаний, которые воспроизводят или трансформируют социальные отношения. Таким образом, концепция культурного капитала позволяет нам проанализировать, как местные языки служат средством передачи ценностей и знаний. Социолингвистическая теория, в свою очередь, позволит нам понять языковые взаимодействия в многокультурных и многоязычных контекстах. Фишман (1991) [2, с.45-50] подчёркивает центральную роль местных языков в сохранении и передаче культуры, в то время как Хаймс (1974) [3, с.30-35] предлагает изучать коммуникативную компетентность с учётом социокультурных норм, регулирующих использование языка в повседневной жизни. В городском контексте Бамако эти подходы позволяют нам анализировать двуязычие и гибридные практики, которые структурируют социальные обмены в многокультурных районах. Более того, интеракционистский подход Гоффмана (1959) [4, с.15-20] к социальному взаимодействию даёт основу для наблюдения за тем, как языковые практики способствуют социальной координации и сплочённости в городских пространствах. Таким образом, наша теоретическая концепция показывает, что местные языки, взаимодействуя с культурными и социальными практиками, играют центральную роль в социокультурном развитии и сплочённости сообществ многокультурных районов Бамако.

Методология

Чтобы глубже понять языковые практики и их роль в культурной передаче и сплоченности сообщества в многокультурных районах Бамако, в нашем исследовании используется качественный подход. По словам Кресвелла (2014) [5, с.50-60], качественные исследования особенно хорошо подходят для изучения социальных явлений в их естественном контексте, давая голос вовлеченым субъектам и раскрывая сложную динамику. Наша полевая работа сосредоточена на нескольких многокультурных районах Бамако: Даудабугу , Бадалабугу и Хамдаллайе . Этот выбор оправдан этническим и языковым разнообразием в этих районах. Целевая группа включает жителей разных поколений, лидеров общин, учителей и местных культурных деятелей. Мы проведем интервью с этими различными социальными группами, чтобы глубоко изучить языковые практики (Silverman , 2016) [6, с.25-35]. Мы примем участие в определенных общественных мероприятиях, чтобы наблюдать двуязычие. Изучение местных культурных и образовательных ресурсов было необходимо для понимания места местных языков в социальной и культурной жизни этих районов. Чтобы проанализировать наши разнообразные данные, мы провели тематический анализ с целью выявления повторяющихся закономерностей в интервью и наблюдениях.

Результаты поиска

Результаты нашего исследования основаны на полуструктурированных интервью, включенном наблюдении и анализе документов. Они были собраны в трех многокультурных районах Бамако (Даудабугу , Бадалабугу и Хамадаллайе). Наши результаты раскрывают сложную языковую и социокультурную динамику, глубоко укорененную в повседневной городской

жизни. Интервью показали, что местные языки воспринимаются как носители мудрости, идентичности и социальной легитимности. Опрошенные старейшины объяснили, что «говорить на своем языке означает сохранять ценности предков». Для них местный язык позволяет передавать моральные ценности и семейную историю. Однако мы наблюдаем сокращение возможностей для обмена из-за темпа городской жизни. Несколько молодых людей заявили, что «слова, которые действительно учат, происходят из местных языков». Таким образом, возникают семейные стратегии многоговорения, направленные на балансировку отношений между языком предков, бамбара, и французским. Некоторые семьи, выступающие за сохранение культуры, отдают предпочтение этническому языку дома, несмотря на доминирование языка бамбара. Более того, этот язык доминирует в коммерческом и неформальном общении. Его повсеместное присутствие заметно в песнях, молитвах, приветствиях и благословениях. С другой стороны, гибридные семьи используют два языка: один для повседневного общения, а другой для внешнего социального взаимодействия. Вот почему молодёжь, как и старшие, избегает «слишком неформального» языка бамбара и по возможности возвращается к этническому языку. Наконец, существуют адаптивные городские семьи, которые выбирают бамбара в качестве основного языка, полагая, что он открывает больше возможностей для социальной и экономической интеграции. Действительно, наши наблюдения показали, что изучение местного языка происходит и вне семьи. К таким неформальным средам относятся соседские связи и смешанные социальные пространства. Местные СМИ, в свою очередь, транслируют от 70 до 80% своих программ на местных языках.

Обсуждение результатов исследования

Результаты наших исследований продемонстрировали, что местные языки являются центральным вектором культурной передачи и сплоченности в многокультурных районах Бамако. Они подтверждают, что местные языки являются векторами культурной преемственности, которые передают традиционные ценности, нормы и знания. Наши полевые наблюдения показали, что культурная передача определенных сообщений требует местного языка. Однако эта передача глубоко меняется в городском контексте. Это напряжение между поддержанием и трансформацией широко документировано в исследованиях городского многоговорения (Blommaert, 2010) [7, с.120-130]. В некоторых районах Бамако семьи используют гибридные языковые стратегии, чтобы адаптироваться к социальным требованиям города. Это явление согласуется с работой Lüpke и Storch (2013) [8, с.40-50], которые описывают африканскую реальность как глубоко многоговорящую. Тот факт, что молодые люди часто понимают этнический язык, не говоря на нем систематически, подтверждает наблюдения Labov (2001) [9, с.200-210] об эволюции языковых практик в городской среде. Таким образом, бамбара, самый распространенный национальный язык в Мали, утвердился в качестве языка мобильности и интеграции в городской среде. Однако наши результаты показывают, что жители корректируют свое использование бамбара в соответствии с

отношениями уважения. Поэтому этот язык добавляется к этническим языкам с наибольшей гибкостью. Данные наблюдений показывают, что церемонии представляют собой важные пространства, где местные языки играют полностью перформативную роль. Наш анализ документов показал, что местные СМИ широко используют местные языки для распространения гражданских, образовательных и культурных сообщений. Таким образом, это многоязычие способствует социальной сплоченности. Это подтверждает работу Местри , Суонна, Доймерта и Липа (2009) [10, с.60-70], которая показывает, что многоязычная городская среда создает механизмы адаптации и сотрудничества между группами. Таким образом, эти местные языки облегчают доступ к знаниям, укрепляют коллективную идентичность и поддерживают гражданское участие.

Заключение

Наше исследование выявило фундаментальную важность языка в городской социокультурной динамике. Результаты показали, что проблемы, связанные с быстрой урбанизацией, межэтнической мобильностью и диверсификацией коммуникативных практик, не наносят ущерба местным языкам. Эти векторы передачи знаний перестраиваются в соответствии с адаптивными формами, отражающими традиции и новые городские реалии. Таким образом, многокультурные кварталы представляют собой пространства социальных инноваций, где местные языки не просто сохраняются, но и активизируются и переосмысливаются в соответствии с потребностями сплоченности, коммуникации и символического признания. Эти результаты требуют переосмысления языковой и культурной политики в Мали с полным признанием вклада местных языков в социальное развитие и стабильность сообщества. Будущие исследования могут быть сосредоточены на влиянии цифровой трансформации и социальных сетей на городские языковые практики. Понимание этих изменений будет иметь решающее значение для поддержки социокультурной динамики столицы, переживающей глубокую трансформацию.

Литература

1. Bourdieu P. Le sens pratique. Paris : Les Éditions de Minuit, 1980. 475 p.
2. Fishman J.A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations. Clevedon : Multilingual Matters, 1991. 394 p.
3. Hymes D. Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. University of Pennsylvania Press, 1974. 374 p.
4. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. Anchor Books, 1959. 253 p.
5. Creswell J.W. Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches (4th ed.). Thousand Oaks, CA : Sage, 2014. 400 p.
6. Silverman D. Qualitative Research (4th ed.). London : Sage, 2016. 360 p.
7. Blommaert J. Sociolinguistics of Globalization. Cambridge University Press, 2010. 512 p.
8. Lüpke F., Storch A. Repertoires and Choice in African Languages. De Gruyter, 2013. 312 p.

9. Labov W. Principles of Linguistic Change (Vol. 2): Social Factors. Blackwell, 2001. 500 p.
10. Mesthrie R., Swann J., Deumert A., Lüppe U. Introduction to Sociolinguistics (2nd ed.). John Benjamins, 2009. 450 p.

© Коне Фатумата, 2025

УДК 81

**Е.Е. Корзун
А.В. Корзун**
УУНиТ, Уфа, Россия
e.e.korzun@yandex.ru
annakomarova86@rambler.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос речевой манипуляции с целью формирования общественного мнения. В частности, анализируются конкретные лингвистические средства воздействия на аудиторию. Источником материала послужила статья военного корреспондента в американском журнале, рассчитанном преимущественно на женскую аудиторию, что представляет собой определенный исследовательский интерес вследствие стилистических особенностей, одной из которых является яркий эмоциональный окрас.

Ключевые слова: лингвистические средства, манипуляция, речевое воздействие, общественное мнение, эмоциональный окрас.

LINGUISTIC PECULIARITIES OF PUBLIC OPINION FORMATION

Abstract. The article considers the issue of speech manipulation in the process of public opinion formation. In particular, specific linguistic means of influencing the audience are analyzed. The source of the material is an article by a war correspondent in an American magazine aimed primarily at a female audience, which represents particular research interest due to stylistic features, one of which is its explicit emotional coloring.

Key words: linguistic means, manipulation, verbal influence, public opinion, emotional coloring.

Войны в истории человечества играют немалую роль. Люди в состоянии войны провели больше времени, чем в мире. В современном обществе мнение граждан по тому или иному вопросу важно, т.к. поддержка избирателей может привести к власти партию или конкретного лидера. В связи с этим влиянию на общественное мнение и его формированию отводится все большее место в политике. Такое серьезное дело, как ведение войны, когда мобилизуются экономические и людские ресурсы, тем более требует поддержки населения.

Недостаточное внимание к вопросу пропаганды может привести к печальным последствиям. Если государство, как заинтересованная сторона, не

берет инициативу в свои руки, не освещает события на театре военных действий в выгодном ему ключе, умы аудитории захватывают другие «игроки», преследующие свои интересы.

Наше общество в настоящее время воспринимает слово пропаганда как нечто негативное, тогда как в переводе с латыни оно означает всего лишь «подлежащее распространению». Толковый словарь С.И. Ожегова приводит такое определение: «Распространение в обществе и разъяснение каких н. взглядов, идей, знаний, учения» [1]. Негативное отношение к данному термину связано с тем, что в общественном сознании пропаганда тесно связана с манипуляцией. Последняя, в свою очередь, согласно О.Н. Быковой, это «вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [2].

В данной статье анализируются лингвистические средства, используемые для формирования определенных взглядов у читателей, а точнее читательниц, журнала *The Ladies' Home Journal*. Материалом для анализа послужила статья «Страдают маленькие дети» («Suffer the Little Children») [3] Марты Эллис Геллхорн, которую называли одной из величайших женщин-военных корреспондентов [4]. Выбор данного источника обусловлен несколькими факторами:

- *The Ladies' Home Journal* является одним из старейших женских журналов в США;
- он был первым подобным изданием, достигшим к 1901 году тиража в миллион экземпляров;
- аудитория журнала – преимущественно домохозяйки, в том числе жены, матери, сестры военнослужащих, задействованных во Вьетнамской войне;
- автором статьи является военный корреспондент с богатым опытом работы в «горячих точках».

А.В. Веснин перечисляет методы, используемые в СМИ для формирования общественного мнения: внушение, перенос с частного на общее, использование слухов, уменьшение значения одних фактов и преувеличение значения других, замалчивание, подмена фактов, подмена понятий, метод фрагментации, метод многократного повторения, метод абсолютной лжи [5].

Возвращаясь к источнику языкового материала, следует отметить, что автор не зря получила высокие оценки профессионализма и не прибегает к откровенно манипулятивным методам, таким как, например, подмена фактов, понятий или абсолютной лжи. Для реализации методов внушения, переноса частного на общее и подобных используются различные лингвистические средства. Они способствуют формированию у читательниц образов и мнений, которые помогают прочувствовать ситуацию в определенном ключе и сформировать соответствующее отношение к описываемым событиям. Среди таких средств можно выделить:

1. Контраст и сопоставление. Автор противопоставляет отношение общества к собственным детям и к судьбе детей в других странах: «We love our

children... Perhaps we are too busy, loving our own children, to think of children 10,000 miles away», перенося частное (страдания детей во Вьетнаме) на общее (всеобщее заботливое отношение к детям в целом). Кроме того, проводится параллель между мирной жизнью и ужасами войны, например, когда описываются красивые пейзажи дельты Меконга и ужасы, которые приносит война; сопоставляются внешние обстоятельства (тишина города My Tho) и внутренняя трагедия его жителей.

2. Эмоционально окрашенная лексика и описания. Используются слова и фразы, вызывающие сильные эмоции: «anguish», «heartbreak», «fear», «tragic resignation», «unbearable hurt». Детальные описания травм и страданий детей и взрослых («Bomb fragments killed his young wife, sleeping next to her daughter; they tore the arm of the boy», «Napalm had burned his face and back and one hand. The burned skin looked like swollen, raw meat»); описания эмоционального состояния персонажей («His face was frozen and eyes looked half-closed», «the children are silent, as are the grown-ups. Yet shock and pain, in this place, make a sound screaming»).

3. Метафоры и образные выражения. Например, описание больницы как «a gray cement box surrounded by high grass and weeds overgrowing the peacetime garden» создаёт мрачную атмосферу и подчёркивает заброшенность и безысходность; сравнение последствий войны с разрушением дома из-за слухов о змее в подвале («destroying your friend's home and family because you have heard there is a snake in the cellar») подчёркивает несоразмерность и бессмыслицу разрушений.

4. Риторические приёмы. Риторические вопросы и утверждения, которые заставляют читателя задуматься: «Perhaps we are too busy, loving our own children, to think of children 10,000 miles away?»; использование свидетельств очевидцев и экспертов (американского хирурга, фотографа), что придаёт вес аргументации и усиливает эмоциональное воздействие.

5. Повторение и усиление. Многократное повторение описания страданий, потерь и безысходности на протяжении всей статьи усиливает общее впечатление от прочитанного; перечисление конкретных случаев травм и увечий (потеря конечностей, ожоги от напалма, смерть близких) создаёт эффект накопления, который усиливает впечатление от прочитанного.

6. Описание деталей, которые вызывают эмпатию. Детальное описание условий в больницах и приютах: «the wounded lie on bare board beds, frequently two to a bed, on stretchers, in the corridors, anywhere»; внимание к эмоциям и реакциям персонажей (например, реакция матери на страдания ребёнка) помогает читателю лучше понять глубину переживаний людей.

Таким образом, на примере рассмотренной статьи можно увидеть, что спектр лингвистических средств, позволяющих оказать влияние на мнение читателя, и тем самым способствовать формированию определенного общественного мнения, весьма обширен. Выбор конкретных методов и средств остается за автором, который подбирает их на основании собственных моральных и профессиональных качеств, а также руководствуясь целями и задачами работы. Еще один немаловажный фактор, который хотелось бы

выделить по итогам анализа материала, лежит за рамками лингвистики. Речь идет о выборе целевой аудитории. На примере статьи Марты Эллис Геллхорн видно, что воздействие на реальных участников тех или иных событий может оказываться не всегда напрямую, а нередко через окружение и близких, которые могут быть более уязвимы к манипуляциям.

Литература

1. Ожегов С.И. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/189862?ysclid=mi1mxsmy7d622453249> (дата обращения 15.11.2025).
2. Быкова О.Н. Языковое манипулирование: материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты языкового общения: Вестн. Российской риторической ассоциации. – Вып. 1 (8). – Красноярск, 1999.
3. Ladies' Home Journal. 1967. №1 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/ladieshomejourna84janwyet/page/n101/mode/2up> (дата обращения 15.11.2025).
4. «Martha Gellhorn: War Reporter, D-Day Stowaway» American Forces Press Service [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20150714090433/http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=43102> (дата обращения 15.11.2025).
5. Веснин А.В. Технологии формирования общественного мнения // Власть. № 6. 2016. С.70.

© Корзун Е.Е., Корзун А.В., 2025

УДК 81'271.2:82.085

Ю.А. Кошеварова
УУНИТ, Уфа, Россия
julia.rgfbgu@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВОГО МЕДИЙНОГО ИМИДЖА ПОСРЕДСТВОМ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию медийного речевого образа принцессы Дианы. Рассматриваются понятия «имидж» и «публичная языковая личность». В ходе анализа внимание акцентируется на использовании противопоставления. Представляется, что с помощью данного приема транслируются такие ценности принцессы Дианы, как человечность, сострадание и стремление к искренним отношениям. В высказываниях прослеживается намеренное дистанцирование говорящего от традиционных представлений о власти и статусе. Принцесса Диана позиционирует себя как гуманитарного деятеля, укрепляя, таким образом, эмоциональную связь с аудиторией.

Ключевые слова: медиальный имидж, публичная языковая личность, противопоставление, публика, эмоциональная связь

FORMATION OF A SPEECH MEDIA IMAGE BY CONTRAST

Abstract. The article is devoted to the study of the media speech image of Princess Diana. The concepts of «image» and «public linguistic personality» are considered. In the course of the analysis, attention is focused on the use of juxtaposition. It seems that this technique translates such values of Princess Diana as humanity, compassion and the desire for sincere relationships. There is a deliberate distancing of the speaker from traditional ideas of power and status in the statements. Princess Diana positions herself as a humanitarian figure, thus strengthening her emotional connection with the audience.

Key words: media image, public linguistic personality, opposition, public, emotional connection.

Принцесса Диана является одной из выдающихся медиальных фигур XX века. Ее активная гуманитарная деятельность, забота о больных с ВИЧ и участие в решении вопросов бездомности не оставляли никого равнодушным. Став символом человечности и сострадания для поданных Соединенного королевства, а также всего мира, она по-прежнему привлекает к себе неподдельный интерес.

Благодаря своему поведению Диана Спенсер способствовала изменению восприятия королевской семьи, а также появлению нового стандарта взаимодействия правительства с обществом.

Журналисты преследовали Диану с первых шагов в статусе члена королевской семьи до трагической гибели в Париже. Таким образом, посредством пристального медийного освещения (англ. – wall-to-wall media coverage) был создан уникальный образ, несущий в себе элементы человеческой уязвимости и королевской грации.

Звездный статус не стал гарантией счастья в личной жизни: брак принцессы с принцем Чарльзом закончился разводом, разочарование приносили и многочисленные любовные увлечения Дианы.

Целью нашей работы является рассмотрение некоторых высказываний принцессы Дианы, направленных на формирование определенного медиального образа.

Обратимся к определению понятия «имидж».

«Имидж» – целенаправленно формируемый образ (какого-либо лица, явления, предмета), призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т.п. [1, с. 570].

Имидж – обобщенный эмоционально окрашенный образ социального объекта (личности, организации, фирмы и пр.) в общественном или индивидуальном сознании [2, с. 289].

Таким образом, можно утверждать, что имидж (в том числе речевой – Ю. К.) является обобщенным, эмоционально насыщенным представлением о

социальном объекте, существующем в общественном или индивидуальном сознании. Он формируется через различные каналы информации, включая средства массовой информации, социальные сети и личные контакты, и может существенно повлиять на репутацию и успех как индивидов, так и организаций.

Для любого известного человека имидж первостепенен. Об этом пишет, например, исследователь Т. Ф. Волкова, определяющая публичную языковую личность как «личность, которая имеет регулярный опыт публичных выступлений и сложившийся речевой имидж, способствующий созданию известности, популярности человека или идеи» [3, с. 61].

Дж. Крейг отмечает, что публичный образ принцессы Дианы использовался для продвижения множества идей – от британской торговли до феминизма. Женщина была олицетворением британской королевской семьи с ее традициями, «служением и долгом», а также «мира гламура» с его богатствами, образцами высокой моды и искушениями. Принцесса воплощала собой ряд противоречий: ее тело было одновременно дисциплинированным и неуправляемым; о ней говорили как о рациональной современной женщине, контролирующей свою судьбу, и как о невротичной, ищащей внимания, параноидальной личности; также сообщалось, что она ведет экстравагантный образ жизни, путешествует по миру и одновременно является единственным членом королевской семьи, наиболее тесно отождествляющим себя с простыми людьми [4, с. 14].

По меткому замечанию Д. Чейни, публике свойственно идентифицировать себя с медиа-персонами: ... the celebrities of the public stage provide a series of reference points through which a multitude of publics can reflexively identify themselves. It could be said that celebrities provide a voice through which they both address their constituencies and through which the constituencies can speak themselves (and this can obviously happen both through positive and negative identifications) [5, с. 146].

Это в полной мере относится к принцессе Диане. Так, проблемы распада брака и послеродовой депрессии особенно сближали ее с женской аудиторией [4, с. 14].

В случае принцессы Дианы, подчеркивает Дж. Крейг, была иная заинтересованность, нежели внимание «обожающей публики» к другим знаменитостям. Исследователь предполагает, что в данном случае речь шла не о простом восхищении звездой, а о социальной, эмоциональной связи. Статус Дианы, считал Дж. Крейг, в большей степени, чем у других селебрити, был обусловлен общественной поддержкой. Позитивное общественное мнение, в свою очередь, формировалось благодаря эмоциональной идентификации с принцессой Дианой, превращая ее в «королеву сердец» [Там же, с. 19-20].

Мы выяснили, что в медийных высказываниях Диана часто позиционировала себя через противопоставление. Рассмотрим ряд ее цитат.

Желая выразить явное предпочтение душевного материальному, принцесса отрицает стремление к роскоши, делая акцент на человеческом участии: «*I don't want expensive gifts; I just want someone to be there for me*» [6]. Простота и искренность её желания выражены доступным языком: «*expensive*

gifts» и «*someone to be there for me*». Высказывание передаёт глубокое чувство уязвимости и отражает потребность в поддержке и любви.

Принцесса также противопоставляет свое понимание смысла жизни традиционному взгляду общества на главенствующую роль мужчины в жизни женщины: «*People think that at the end of the day a man is the only answer. Actually, a fulfilling job is better for me*» [6]. Она подчеркивает, что полноценная жизнь может быть достигнута не только через отношения, но и через карьерные достижения.

Принцесса говорит о собственном кодексе поведения, в котором душевное преобладает над прагматическим: «*I do things differently, because I don't go by a rule book, because I lead from the heart, not the head...*» [6]. Яркий контраст создается за счет противопоставления «*heart*» и «*head*». Та же мысль высказывается и с помощью своеобразной «подстройки снизу», где интерrogативно Диана как будто просит подданных рассудить, верна ли ее позиция: «*It is a weakness that I lead from my heart, and not my head?*»

В позиционировании себя Диана отрицает наличие политических амбиций: «*I am not a political figure. The fact is I am a humanitarian figure and always will be*» [6]. Термины «*political figure*» и «*humanitarian figure*» несут четкую смысловую нагрузку и подчеркивают различие между политической и гуманитарной деятельностью.

Дистанцирование от официальных властных структур демонстрирует и следующая цитата: «*I am not a political figure, nor do I want to be one; but I come with my heart*» [6]. Использование слова «*heart*» является метафорическим, символизирует эмоциональную привязанность, искренность и человечность.

Отсутствие амбиций по отношению к власти и престижу передает следующая цитата принцессы Дианы: «*As for becoming queen, it was never on the forefront of my mind when I married my husband*» [6]. Фраза «*never on the forefront of my mind*» указывает на то, что мысль о том, чтобы стать королевой, не была важной или доминирующей в ее жизни при вступлении в брак.

Нижеприведенная цитата может быть воспринята в контексте общественной или политической жизни, где член королевской семьи чувствует себя более близким к народу на эмоциональном уровне, нежели в официальной роли: «*I'd like to be a queen in people's hearts but I don't see myself being queen of this country*» [6].

Сопоставление обращений «*Diana*» и «*Princess Diana*» в следующей цитате создает резкий контраст между личным и общественным образом: «*Call me Diana, not Princess Diana*» [6]. Так подчеркивается индивидуальность и снижается давление социального статуса.

Скромность принцессы акцентируется и ее фразой: «*Don't call me an icon. I'm just a mother trying to help*» [6]. Выражение может быть интерпретировано как отказ от присвоения себе высокого статуса. «*Just*» здесь уменьшает значение роли говорящего, создавая образ скромного человека, не стремящегося к славе.

Таким образом, исходя из проанализированного материала, мы можем сделать вывод о том, что, благодаря использованию принцессой Дианой

противопоставления в самопрезентующих высказываниях, у нее получается создать имидж теплого душевного человека, стать символом сострадания и человечности, лишенным материальных и политических амбиций.

Литература

1. Российский энциклопедический словарь: [в 2 кн.] / гл. ред. А.М. Прохоров. Москва: Большая российская энциклопедия, 2000. 1023 с. Кн. 1.
2. Новая Российская энциклопедия [Текст]: [в 12 т.] / редкол.: гл. ред. А.Д. Некипелов [и др.]. – Москва: Энциклопедия, 2003. Т. 6. 480 с.
3. Волкова Т.Ф. Теоретические и прикладные аспекты изучения публичной языковой личности / Т.Ф. Волкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2008. № 1. С. 60-63.
4. Craig, Geoffrey. «Princess Diana, journalism and the construction of a public: an analysis of the Panorama interview» 1997, Continuum. Cultural Studies, Communication and Media Studies, Continuum Publisher: Routledge. [<https://doi.org/10.1080/10304319709359449>]
5. Chaney, David (1993) Fictions of Collective Life: Public Drama in Late Modern Culture, London: Routledge.
6. Princess Diana Quotes [Электронный ресурс]. URL: https://www.azquotes.com/author/3941-Princess_Diana (дата обращения: 12.11.2025).

© Кошеварова Ю.А., 2025

УДК 81.37

Ф.С. Кудряшева
УУНиТ, Уфа, Россия
frgf@yandex.ru

Р.С. Никифоров

Академия Русского балета им. А.Я. Вагановой, Санкт-Петербург, Россия
roman.nikiforov.fr@gmail.com

ИМПРЕССИОНИЗМ КАК ОСНОВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА М. ПРУСТА

Аннотация. Флоронимы в романе М. Пруста формируют индивидуальную картину растительного мира автора, ее особую самобытность. В них заложены основы глубинного понимания лексических единиц, обозначающих мир цветов, которые представляют не только природное явление, но и сложный культурный факт. Растительные образы играют важную роль в семантической структуре текста, дополняя его эмоциональной информацией.

Ключевые слова: стиль, концепт, индивидуальная картина мира, семантика, цветоконцепт, флороним.

IMPRESSIONISM AS THE BASIS OF M. PROUST'S ARTISTIC METHOD

Abstract. Floronims in Marcel Proust's novel form the author's individual picture of the plant world and its unique identity. They provide the basis for a deeper understanding of the lexical units that represent the world of flowers, which are not only a natural phenomenon but also a complex cultural fact. Plant images play an important role in the semantic structure of the text, adding emotional information to it.
Keywords: style, concept, individual picture of the world, semantics, color concept, floronym.

Живописная палитра красок импрессионистов 19 века получила свое отражение в смысловой структуре романа М. Пруста «В поисках утраченного времени». Как литературный стиль импрессионизм остается до сих пор предметом филологических дискуссий, поскольку под его влиянием сформировались новые приемы построения композиции художественного текста, активно используемые современными писателями (отказ от традиционного сюжетного действия, символизм пейзажа, отсутствии четкой формы, ассоциативность восприятия, мимолетность впечатления в новых и неожиданных красках).

М. Пруст воплощает в своем романе все принципы импрессионизма, которые братья Гонкур кратко охарактеризовали в одном предложении – «Видеть, чувствовать, выражать – в этом все искусство импрессионизма» [1, с. 183]. Главный герой воспроизводит свое субъективное восприятие мира в различных состояниях, когда окружающие предметы словно растворяются в игре света и тени, теряют свои очертания, разнообразит краски при описании утомленного солнцем дня, когда воздух прозрачен, а река настолько нагревается от жары, что рыба выпрыгивает из воды, чтобы почувствовать немного прохлады. Как импрессионист в литературе он стремится описать в разной цветовой гамме впечатления в какой- то определенный момент жизни главного героя, которые оставили неизгладимый след в его памяти. М. Пруст воплощает в своем романе импрессионистический принцип отображения потока сознания, выделяет деталь и важность мгновения ее восприятия. В этом заключается философия импрессионизма, основанная на субъективных ощущениях героя произведения.

Описание пейзажа в романе М. Пруста реализуется на игре света и цвета, которая стала для художников-импрессионистов возможностью запечатлеть мимолетность восприятия окружающего мира в его движении и изменчивости. Описание происходит в зависимости от психологического состояния и настроения героя. Языковые средства, благодаря которым писатель восстанавливает в памяти прогулки в саду в Комбре, подтверждают тезис, выдвинутый в когнитивной лингвистике о формировании «индивидуальной национальной языковой картины мира (О. Корнилов), в которой отображается объективная картина мира в обыденном (языковом) сознании отдельного человека – носителя того или иного национального языка»[2, с. 121]. Благодаря

памяти М. Пруст создает в тексте свою индивидуальную картину восстановления окружавшего его мира в разные периоды жизни.

Поскольку «цвет» изучается не только как физическое, но и как психологическое, философское, культурологическое явление, полученная информация позволяет рассматривать его как индивидуальный прустовский концепт, в котором содержатся знания и опыт эпохи и сообщества людей. Он содержит «ресурсы логического и чувственно-образного познания мира, является эстетической и морально-нравственной категорией и элементом мифа, культа, реализуется в цветообозначениях, словосочетаниях, идиомах» [3, с. 27].

Таким образом, кроме перечисленных выше характеристик «цвет» становится и эмоциональным фактом, обладающим также национальными особенностями в зависимости от истории, культуры, традиций того или иного народа. Для М. Пруста он представляет также важный источник эстетической информации, расширяет возможности сочетания цветов, а контекст как составляющая текста способствует реализации и увеличению семантического объема слов, выражающих этот концепт.

М. Пруст создает точки соприкосновения литературного импрессионизма с импрессионизмом в живописи. Это подтверждается в расширении семантической структуры прилагательных, выражающих цвет, появлением новых и неожиданных оттенков. В зависимости от контекста, каждый из используемых М. Прустом цветов приобретает особую и неожиданную символику.

Предметом исследования стали лексические единицы, формирующие концепт «цвет», выраженный именами прилагательными и наименованиями цветов.

Основным методом исследования является сопоставительно-семантический анализ оригинала и текста перевода, осуществленного известным переводчиком А. Франковским.

В парадигме прустовских цветов, описывающих сад, или Булонский лес, включены белый, красный, желтый, зеленый, синий, розовый. Каждый из них играет свою роль, либо доминирующую, либо второстепенную, усиливая тем самым их психологическое воздействие на читателя. Такие импрессионистические принципы как визуальность при создании образа, набор цветовых комбинаций показывают, что весь описываемый окружающий (одушевленный и неодушевленный) мир оказывается наполненный не только разнообразными красками, и смыслами. В зависимости от контекста, каждый из используемых М. Прустом цветов связывается с ассоциациями разного характера (обоняние, осязание и др.). Синестезия как дополнительный признак в изображении цвета определяет его специфику, подчеркивая тем самым роль цветовой концептосферы в создании особой глубины в организации текста, определяемой исследователями как синкретическая (Миассарова Э.Р.).

Отметим, что в тексте М. Пруста присутствует новое оригинальное восприятие действительности, которое сформировалось под влиянием идей А. Бергсона, А. Шопенгауэра, О. Ясперса и А. Хайдегера. Соответственно, изображение цвета становится для М. Пруста не просто объективной

характеристикой предметов, но также категорией их индивидуальной эстетической оценки. Цветообозначение становится мотивированной концепцией романа как факта творчества.

М. Пруст воплощает в содержании текста свои индивидуальные цветовые концепты, которые помогают ему раскрыть эмоциональность восприятия окружающего пейзажа. Традиционные лексические единицы с обозначением цвета сопровождаются личными ассоциациями, которые возможны, по мнению Ж. К. Гюисманса, между живописным и литературным импрессионизмом. Общее заключается в фиксации мимолетных впечатлений от окружающего мира. Различие состоит в том, что невозможно нарисовать эти мимолетные впечатления в живописи, сопровождая их слуховыми, зрительными, обонятельными и другими ощущениями, которые оказываются возможными в литературе.

Многие научные исследования, посвященные концепту «цвет» благодаря тексту М. Пруста, выявили вариации цвета, относящиеся к светлым тонам. Анализ примеров показал высокую частотность употребления прилагательного «розовый». Поскольку восприятие окружающего мира происходит под влиянием душевного состояния главного героя, пейзаж М. Пруста наполняется нежным и теплым светом, который проходит красной нитью по всему тексту. Л.Г. Андреев пишет в своем исследовании, посвященном автору романа: «И здесь под пером Пруста возникают один за другим импрессионистические пейзажи, сменяют друг друга вечерние и утренние краски, особенно часто рисуются краски совсем верленовские, закатные, осенние, проникнутые меланхолией, окрашенные чувствами человека, интенсивно воспринимающего природу» [4, с. 7]. М. Пруст описал не впечатления, которые имели место в его прошлой жизни, а их спонтанное воспоминание.

Как было сказано выше, среди светлых тонов Пруст оказывает предпочтение «розовому». Прилагательное «розовый» часто присутствует в описаниях разного рода (цветы, небо, свеча и т.д.). Этот светлый тон доказывает влияние на текст М. Пруста импрессионистической картины мира, стремление передать влияние этого цвета на его внутреннее состояние покоя и равновесия. Лексема «розовый», постоянно повторяющаяся в разного рода описательных контекстах, становится средством выражения мироощущения, наполненного безмятежным счастьем с некоторой грустью.

Тема традиционных прогулок, которые совершила семья в окрестностях Комбре, связана с образом боярышника. Так, М. Пруст пишет о красоте куста именно розового боярышника. Внешний вид и цвет этого растения напоминают ему цвет вкусной вещи или украшения для большого праздника. Зрительное восприятие розового цвета боярышника настолько впечатляет его, что он сопровождает его и вкусовыми, или эстетическими ощущениями. Для М. Пруста этот цвет передает естественную свежесть и непосредственность впечатления, которая ассоциируется также с чувственностью и сентиментальностью. Отметим, что М. Пруст передает свое цветоощущение не только как биологического или нейробиологического, но и как культурного

феномена, необходимыми составляющими которого являются память, знание, воображение, эмоции.

Описывая колокольню Сент-Илер, М Пруст подчеркивает цвет его шпиля как «такой тоненький, такой розовый». Тема розового цвета снова возвращается при описании готического шпиля – «взлетает ввысь готический шпиль, состоящий из вещества столь хрупкого, столь розового».

Внешний вид героинь женского пола, их наряды характеризуются также через прилагательное «розовый» как цвет женственности, цвет женской одежды, ткань для женской одежды – «одетые в розовые блузки из лоснящегося шелка», «фиолетового и розового индийского кашемира», поцеловать руку дамы в розовом...». Рассказывая о Жильберте в связи с темой цветущего боярышника, автор снова использует розовый цвет, подчеркивая особенности ее лица, покрытого розовыми пятнышками.

Этот цвет возникает также при описании крыши домов в деревне Руссенвиль «в розовом отражении черепичной крыши», или «изгороди из розового боярышника».

В других фрагментах текста розовые цветы боярышника напоминали ему окраску вкусной съедобной пищи, например, спаржы, окрашенной в ультрамариновый и розовый цвет..., творог с розовыми сливками...».

Таким образом, тема розового цвета (розовое вечернее небо, розовый минарет, розовый снег, розовое пламя церковной свечи, ярко-розовые тона бальзамина, розовые бисквиты и др.) позволяет автору показать читателю любимый цвет и создать через прилагательное «розовый» импрессионистический фон в тексте.

Присутствие в описаниях розового цвета отражает эмоциональность восприятия через моменты счастья и внутренней гармонии. Так, Т.Н. Мартышкина пишет в своем исследовании, посвященном импрессионизму, о «гармоничном, равновесном восприятии внешнего и внутреннего, объективного и субъективного в единстве и взаимопроникновении макро- и микромира оптимистическом и созерцательном осуществлении человека в культуре» [5, с. 73]. М. Пруст стремится показать свое эмоциональное единение с природой и получает от ее восприятия неожиданное впечатление и гармонию.

М. Пруст стремится показать красоту в обыденном, рисуя в литературе мгновения повседневной действительности. В его описаниях природы и использовании цветов показывается важность восприятия этого растительного мира, запечатлеть его красоту, показать уникальность каждого из них в пейзажных зарисовках, когда природа оказывается тесно связанной с состоянием души самого писателя.

В импрессионистическом описании пейзажа М. Пруст реализует свой внутренний мир как впечатление, в котором присутствуют настроение светлой грусти и печали, которые передаются читателю. Цвет становится ключевым элементом выражения такого рода эмоций и душевного состояния. В цветах М. Пруста заложена историческая, культурная, интеллектуальная и эмоциональная информация, которая усиливается также символикой, которой они обладают.

В содержании текста цветы как садовые растения составляют важную часть пейзажа. Автор текста показывает свои знания их видов и разнообразие их наименований. Каждый из перечисленных цветов произвел впечатление в детстве и запомнился своим цветом, формой, запахом и красотой, а также какими-то дополнительными ассоциациями, возникшими в воображении и сохранившимися в памяти героя.

Современные исследования уделяют значительное внимание изучению роли растительных образов (флорообразы) в художественном тексте. Они формируют в нем образность с определенными коннотациями. Роман М. Пруста «В поисках утраченного времени» раскрывает мир цветов в саду прогулок главного героя. Автор представляет как неотъемлемую часть своего повествования природу Нормандии, в частности, ее цветы. Флоронимы, введенные в описание сада, отражают предпочтения повествователя, обусловленные на наш взгляд, эстетикой, философией и культурой традиции. Горбовская С.Г. полагает, что растительные образы играют важную роль в семантической структуре текста. Они привносят в литературу «частицу вечного чувства, вечной эмоции» [6, с. 12]. Для М. Пруста мир цветов в саду представляет эмоциональную часть его воспоминаний. Глядя на них, в его душе возникают разные спонтанные цветовые ассоциации. Они становятся сложными, могут приобретать новые смыслы, в зависимости от впечатления и ассоциаций, которые они вызывают у автора текста.

В перечне цветов М. Пруст упоминает такие как «канютины глазки», которые переводятся с французского языка на русский как «мысль», «воспоминание». Это красивые цветы разной окраски, символика которых определяется в зависимости от цвета. Так, например, белый цвет ассоциируется с чистотой, невинностью, розовый с восхищением и сладостью. Многие французские художники рисовали их на своих полотнах (Кл. Моне, П. Сезанн, В. Ван Гог). Кроме приятного внешнего вида, у этого цветка приятный аромат. Незабудка «не забывай меня» является символом любви, памяти, верности. Этот маленький и нежно-голубой цветок появлялся в творчестве многих поэтов и писателей. Василек ассоциируется с чувством надежды, любви и верности. Его ярко-синий цвет передает ассоциации с вечной жизнью, бессмертием. Барвинок сине-голубого цвета является символом любви и преданности. В древности считали, что он обладает магическими свойствами. Его любят не только из-за красоты, но и за богатый символизм.

Цветы, описанные в романе М. Пруста, создают определенную систему формирования индивидуальности автора, его оригинальность. Их появление в тексте обусловлено желанием писателя не только передать растительный мир родины, но и заложить основы глубинного понимания лексических единиц, обозначающих этот красочный растительный мир. Исследование смысловой структуры текста позволяет заключить, что цвет не только природное явление, но и сложный культурный факт. М. Пруст осмыслияет каждый цветок, обогащает его символику в соответствии с окружающей средой, научными знаниями и традицией. Восприятие всех перечисленных цветов вызывают у М. Пруста мечтательное настроение и ощущение радости бытия.

Литература

1. Гонкур Р. и Ж. Дневник // Записки о литературной жизни. Том 1, Издательство «Художественная литература». – М.: 1964. С. 183.
2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеRo, 2003. – С. 121.
3. Андреев Л. Г. Импрессионизм: монография / Л.Г. Андреев. – Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1980. – 249 с.
4. Горбовская С.Г. Многоликая бездна: изд-во Нестор-историк, Санкт-Петербург, 2021. – С. 12.
5. Горбовская С.Г. Флорообраз во французской литературе XIX века. СПб. Изд-во СПб. ун-та, 2017. – 274 с.
6. Мартышкина Т.Н. Импрессионизм от художественного видения к мировоззрению. Вестник Томского государственного университета. – 2007. № 304. – С. 73.
7. Миассарова Э.Р. Функционирование светоцветовой концептосферы в текстах: на материале произведений М. Пруста и А. Белого: диссертация на соиск. кандидата филологических наук: 10.02.20. Казань, 2006. – 260 с.
8. Паstуро Мишель. Желтый история цвета. ООО Редакция журнала «Новое литературное обозрение», Москва, 2022. – 142 с.
9. Proust M. A la recherche du temps perdu. Du côté de chez Swann. Изд-во «Прогресс». – М.: 1970. – 436 с.
10. Пруст М. В поисках утраченного времени// В сторону Свана. Перевод А. Франковского. Москва, издательство «АСТ», 2017. – 573с.

© Кудряшева Ф.С., Никифоров Р.С., 2025

УДК 811.61.1 /398.95 / 598.28/ 29

Н.А. Курашкина
УУНиТ, Уфа, Россия
kurashkina76@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДИАЛЕКТНЫХ ОРНИТОНИМОВ

Аннотация: Цель настоящей статьи состоит в определении наиболее существенных особенностей диалектных орнитонимов, которые широко используются для номинации хорошо известных в народе птиц. В ходе анализа установлено, что диалектные орнитонимы, как правило, однокомпонентны, отмечены фонетической, акцентологической и словообразовательной вариативностью. Также диалектным орнитонимам свойственны омонимия и многообразие названий для одного и того же вида птицы.

Ключевые слова: орнитоним, диалектный орнитоним, научная номенклатура, морфологический признак, этологический признак.

ON SOME PECULIARITIES OF DIALECT ORNITHONYMS

Abstract/ The given article aims to define the most significant peculiarities of dialect ornithonyms which are widely used to nominate well-known birds. During the analysis it is determined that dialect ornithonyms are typically one-component and marked by phonetic, accentological and derivational variability. Dialect ornithonyms are also characterized by homonymy and diverse names for one and the same bird species.

Key words: ornithonym, dialect ornithonym, scientific nomenclature, morphological feature, ethological feature.

Несмотря на повсеместное стандартизирующее влияние литературного языка, в русских говорах по-прежнему используется довольно большое количество диалектных номинаций животного мира, в том числе номинаций птиц, о чем свидетельствуют данные лингвистического атласа [1]. Диалектные, или народные, орнитонимы несут в себе значения, основанные на глубоком знании о тех природных обитателях, с которыми люди издавна делят свое жизненное пространство, и смыслы, заряженные уважительным отношением к природе и «братьям меньшим».

Диалектные орнитонимы опираются на такие морфологические или этологические признаки птицы, которые не закреплены в научных (номенклатурных) названиях. Так, для крапивника существуют три наиболее распространенных диалектных названия: *подкоренник*, *орешек* и *задерихвост*. Диалектный орнитоним *подкоренник* отмечает этологический признак, связанный с привычкой птицы добывать корм в корнях деревьев. Орнитоним *орешек* отражает морфологический признак, указывающий на малый размер крапивника в сочетании с формой тела, напоминающей шарик (орешек). Диалектное название *задерихвост* также связано с этологией птицы, которая легко опознается по поднятому вверх хвостику. Научный орнитоним *крапивник*, по всей видимости, несет информацию об окраске оперения вида – бурого цвета, испещренная крапинками птица, т.е. крапчатая.

В настоящей статье рассматриваются русские диалектные орнитонимы воробыниных птиц, используемые в книге Д. Кайгородова [2] и лексическом атласе русских народных говоров [1] с целью выявления их наиболее существенных особенностей.

В первую очередь, следует отметить, что для научной орнитологической номенклатуры характерны бинарные названия видов, а народная номенклатура в основном представлена однокомпонентными названиями. Например, *лесная завиришка* в народной номенклатуре представлена как *крапивник*, *плетнёвка*, *тыновка*, *ольшанка*, а *пеночка-треицотка* именуется *берёзовкой*, *tüюколкой*, *желтобровкой*, *травничком*, *свистуньей* или *лесным кузнецчиком* (двуухкомпонентный орнитоним, образованный по принципу научного названия).

Диалектные орнитонимы отмечены разнообразием названий одного и того же вида птицы, что обусловлено территориальным фактором. На примере

орнитонима *синица* можно наблюдать, как в диалектных названиях этой птицы выделяются то морфологические, то этологические характеристики вида. Названия *синька*, *синюха*, *синюшка* (вологод., псков., твер.) связаны с цветом оперения, в первую очередь, синеватым отливом верха туловища и крыльев. Не исключено, что в народном сознании большие синицы и лазоревки – это несколько по-разному окрашенные синички, о чем свидетельствует использование названия *лазоревка* (*лазорька*) по отношению к синице вообще. По данным Н.А. Красовской, эти орнитонимы встречаются во владимиро-половолжских, курско-орловских и брянских говорах и связаны с преобладанием голубовато-синих оттенков в оперении [3, с. 209], свойственному лазоревке какциальному виду семейства синицевых. Названия *желтогрудка* и *желтопузка* (владимир., поволж., дон.) также характеризуют наиболее заметную деталь оперения большой синицы, равно как *зеленчик* (свердл., челяб.) и *зеляк* (яросл.), делающие акцент на зеленоватых тонах в окрасе. В орнитонимах *желтый слепух* (оренб.), *слепушка* (перм.) подмечен морфологический признак, связанный с тем, что на глаза большой синицы как бы опущена черная «шапочка». Названия *зинька* (костром., твер., перм., башкир. и ряд др. регионов), *пинька* (костром.), *тищуха* (твер.), *джинжурка* (астрах.) указывают на голосовое поведение птицы, издающей позывки *пинь*, *зинь* или *джин*. Такое широко распространенное народное название, как *кузнечик* метафорически переносит звук от ударов кузнеца по наковальне на ритмичное пение синицы. Орнитонимы *зиманка* (волгогр.), *зимушка* (твер.), *зимовка* (самар.), *северуха* (арх.) объединены на основе этологии птицы, которая зимует в местах обитания, перебираясь ближе к человеческому жилью в морозное время. Приведенные примеры показывают, что в основу номинации вида ложатся разные видовые признаки птицы, в то время как номенклатурный орнитоним *большая синица* фиксирует только величину птицы при помощи видового эпитета и окраску оперения либо голосовое поведение родовым именем.

Для известной своими вокализациями сороки существует немало диалектных названий, отражающих данную особенность птицы: *стрекотунья*, *стрекотуха*, *стрекокейка*, *трескотуха*, *трещотка*, *трещовка*, *трещуха*, *щебетуха*, *щебеталка*, *чекотуха*, *щелкотунья* [1, с. 522]. Вместе с тем, не остались в стороне от диалектного словотворчества и заметные визуальные признаки данного вида (контрастная окраска оперения): *белобока*, *белобочка*, *белозобка*, *белогрудка*, *белосизка*, *пегашка* и др. [1, с. 522]. Также наличествуют диалектные орнитонимы сороки, содержащие оценку ее этологических характеристик (голосовое поведение = болтовня; склонность к хищению блестящих предметов = воровство): *воровка*, *воришка*, *ворушка*, *ворюга*, *таскунья*, *плутовка*, *проходимка*, *сплетница*, *трепалка*, *болтушка*, *балаболка* и др. [1, с. 522].

Примечательно, что для видов, являющихся признанными мастерами пения, диалектные названия могут образовываться исключительно на основе голосового поведения, по которому птица опознается. Таковы, например, некоторые названия соловья: *болтун*, *бульбуль*, *варакуша*, *варакушка*, *заливайка*, *певень*, *певун*, *песенник*, *свистун*, *спивунец* [1, с. 500]. Как видно из

примеров, в ряде названий соловей сближается со своим родственником по семейству – варакушкой, песня которой имеет некоторое сходство с соловьиной.

Народные названия птиц могут представлять собой фонетическое варьирование номенклатурных названий, что также обусловлено бытованием орнитонима в определенной местности. См. примеры такого варьирования для орнитонима *воробей* в зависимости от региона Европейской части России: *воробей – воровей – боробей – ворубей, горобец – грабец* и т.п.). Также имеет место акцентологическое варьирование: *воробий – воробий, вороб – вороб, горобец – горобеъ, чилик – чилык*) [1, с. 264].

Широко распространено словообразовательное варьирование, обусловленное разным аффиксальным оформлением лексем, содержащих одинаковый корень, как например для орнитонима *ласточка*: *ластвочка, ластка, ластовка, ластанка, ластонька, ластушка* и др. [1, с. 426] или же для орнитонима *соловей*: *солова, соловец, соловьюн, соловейко, соловчик, соловулька* и др. [1, с. 500].

Еще одной особенностью диалектных орнитонимов является омонимия, вызванная совпадением названий, именующих разные виды птиц. Так, *синюшкой* и *слепушкой* называют большую синицу и поползня; *зорькой* – зарянку и варакушку; *кузнецом* – большую синицу и пеночку-теньковку, *дикой кошкой* – иволгу и сойку [2].

Разновидностью подобной омонимии можно назвать совпадение диалектного орнитонима одного вида птицы с номенклатурным названием другого вида. Например, зеленушка в Астраханской области именуется *овсянкой* [2, с. 129], что может ввести в заблуждение, т.к. овсянка – это представитель семейства овсянковых, в то время как зеленушка относится к семейству выорковых. Снегирь в ряде российских регионов (арх., костром., марий эл, перм., свердл., псков., удмурт. и др.) называется *жуланом* [1, с. 468] – в научной номенклатуре *жулан* принадлежит семейству сорокопутовых, а снегирь – семейству выорковых.

Некоторые диалектные орнитонимы переходят в разряд научных, как например, орнитоним *дубонос*, некогда бытовавший в Московской и Казанской губерниях [2, с. 133]. Клюв этой птицы довольно массивен и приспособлен для раскалывания твердых плодовых косточек, что и подмечено в народном названии, вошедшем в научную номенклатуру.

Подытоживая, важно отметить, что диалектные орнитонимы отличаются самобытностью, креативностью подачи орнитологической информации и являются индикаторами важности роли птиц в жизни носителей того или иного диалекта.

Литература

1. ЛАРНГ – Лексический атлас русских народных говоров. Т. 2. Животный мир. – М.; СПб.: Нестор-История, 2022. – 768 с.
2. Кайгородов Д. Из царства пернатых: Популярные очерки из мира русских птиц. – СПб.: Политехника, 2006. – 320 с.: ил.

3. Красовская Н.А. Названия синицы в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). – СПб.: ИЛИ РАН, 2018. – С. 205-211.

© Курашкина Н.А., 2025

УДК 811.111-26

В.В. Кучер
АлтГПУ, Барнаул, Россия
kuchervv@bk.ru

СЕМИОТИЧЕСКИЙ РЕЗОНАНС В ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ЛОРИ ЛИ

Аннотация. Статья посвящена изучению языковых особенностей поэтической прозы английского поэта и прозаика Лори Ли. Особое внимание уделено анализу взаимодействия фонетических, лексических и синтаксических средств, способствующих иконическому представлению репрезентируемых явлений в рамках семиотически гомогенного текста, что порождает в сознании реципиента «семиотический резонанс».

Ключевые слова: поэтическая проза, семиотический взрыв, семиотический ресурс, семиотический резонанс, художественный текст.

SEMIOTIC RESONANCE IN THE POETIC PROSE OF LAURIE LEE

Abstract. The article is devoted to the study of the linguistic features of the poetic prose of the English poet and novelist Laurie Lee. Particular attention is paid to the analysis of the interaction of phonetic, lexical, and syntactic means that contribute to the iconic representation of the phenomena being depicted within a semiotically homogeneous text, which generates a 'semiotic resonance' in the recipient's mind.

Key words: poetic prose, semiotic explosion, semiotic resource, semiotic resonance, literary text

Художественный текст является результатом «переформатирования» неоднородных семиотических ресурсов (цвет, звук, запах, вкус и т.д.) в гомогенный вербальный текст, который при восприятии реципиентом подвергается повторному означиванию, что способствует возникновению в его сознании многомерных образов. Для изучения согласования семиотических ресурсов в процессе формирования смысла семиотически гетерогенного дискурсивного пространства Е.Г. Логинова предлагает использовать понятие «семиотического резонанса» [1], которое является развитием и конкретизацией идей Юрия Михайловича Лотмана. Ю.М.Лотманом было предложено понятие семиотического пространства как многомерного поля, взаимодействие знаков в котором способно порождать новые смыслы – «смысловые взрывы» [2, с. 33]. В когнитивно-семиотическом подходе понятие резонанса является инструментом, позволяющим рассматривать взаимодействие разнородных семиотических

ресурсов при «“переформатировании” знаний из одних дисциплинарных областей и видов дискурса в другие» [3, с. 6], которое сопровождается усилением имеющихся концептуальных связей и появлением новых. Согласно Е.Г. Логиновой, семиотический резонанс представляется собой «созвучие» или «семиотическую перекличку» вербальных и невербальных ресурсов, усиление эффекта воздействия одного из них (верbalного или невербального) вследствие повторного (рекуррентного) означивания другим ресурсом при формировании и передаче смысла [1, с. 11]. Понятие «резонанс» объединяет семантику знака и его прагматический потенциал и обозначает интерпретирующую деятельность реципиента, результатом которой является «выводное» знание на основе информации, имеющей знаковую форму (вербальную и невербальную). Связью между гомогенным текстом-источником и гетерогенным текстом-дериватом являются общие ментальные образы, которые в тексте-деривате подвергаются повторному означиванию и вызывают семиотический резонанс. В связи с вышесказанным представляется возможным экстраполировать понятие резонанса в сферу изучения художественного сознания и использовать его для изучения интерпретирующей деятельности реципиента. Семиотический резонанс в этом случае возникает вследствие интерпретирующей деятельности реципиента по повторному означиванию вербального текста, результатом которого является полимодальный образ сознания.

Е.Г. Логинова выделяет три уровня семиотического резонанса, однако для нас наиболее значимым является первый (мономодальный, языковой) уровень, на котором «резонанс возникает в результате рекуррентного означивания на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях дискурса» [1, с. 31]. Семиотический резонанс реализуется в аккумуляции или конвергенции стилистических приемов. Рассмотрим пример создания семиотического резонанса в семиотически гомогенном тексте на примере творчества английского поэта и писателя Лоуренс Эдвард Алан «Лори» Ли.

Поэтичность стиля Лори Ли выражается в метафорах, где в кратком выражении свернут целый полимодальный образ ...*birds shook rainbows from from sodden branches* [4, с. 39] – птицы вспархивают с мокрых ветвей, роняя капли воды, и эти капли, падая каскадом, вспыхивают на солнце радужным светом. Обращает на себя внимание, что образность Лори Ли связана с миром вещей, а не абстракций: источником метафор и сравнений служат объекты из той же перцептивно-воспринимаемой сферы (например, табак в воздухе как облачко спор раздавленного гриба: *a faint dry cloud like an explosion of fungoid dust*). Неожиданные метафорические эпитеты и синестетические метафоры, соединяющие будничные вещи и поэтические образы – одна из черт стиля автора (например, рот телёнка раскрылся как горячая влажная орхидея: *It (a calf – прим. В.К.) opened its mouth like a hot wet orchid* [4, с. 152] – яркий и точный полимодальный образ, который передает не только визуальную, но и тактильную составляющие референта.

Средством сообщения дополнительной информации и приращения смысла в прозе автора являются фонетические средства выразительности: онomatопея и звукопись:

... thick as a forest and alive with grasshoppers that chirped and chattered ... [4, с. 2] – стрекотание насекомых в траве, помимо лексических средств (*chirped and chattered*), воспроизведено повтором глухих межзубных и щелевых звуков и звукосочетаний: [s], [θ], [st].

Характерной чертой идиостиля Лори Ли является ритмичность и рифма прозы: чередование ударных и безударных слогов в вышеприведенной фразе напоминает ритм детского стишко-лимерика: ‘*thick as a ‘forest and a ‘live with grass ’hoppers.* Приведем еще примеры подобных ритмичных фраз:

To this silent, birdless, sunless shambles, we returned again and again [4, с. 29] – помимо ритмичного чередования ударных и безударных слогов и аллитерации в данном примере наблюдается также и синтаксическое средство – инверсия.

Поэтичность стиля писателя находит отражение в ономатопеи, звукописи, аллитерации, чередовании ударных и безударных слогов не только на уровне предложения, но и межфразовых единств:

Proud in the night the beast passed by, head crowned by royal horns, his eyes split by strokes of moonlight, his great frame shaggy with hair. He moved with stiff and stilted strides, swinging his silver beard, and from the tangled strength of his thighs and shoulders trailed the heavy chains he’d broken [4, с. 26] – в данном фрагменте чередование ударных и безударных слогов передает звук шагов движущегося поочной улице чудовища. Для большей наглядности ритмичности прозы разобъем этот отрывок на строки. Помимо ритмики в данном отрывке можно заметить и рифму *night – moonlight*:

*Proud in the night
the beast passed by,
head crowned by royal horns,
his eyes split by strokes of moonlight,
his great frame shaggy with hair.*

Во второй части отрывка имеет места повтор звука [s], выступающего средством иконичности и передающего звук волочащихся за чудовищем цепей, в которые он был закован и которые ему удалось разорвать:

He moved with stiff and stilted strides, swinging his silver beard, and from the tangled strength of his thighs and shoulders trailed the heavy chains he’d broken.

Ещё один пример неточной рифмы (*god – robe – salt*) можно наблюдать в следующем фрагменте:

*Old as a god,
wearing his chains like a robe,
he exuded a sharp whiff of salt,
and every few steps he sniffed the air as though seeking some friend or victim* [4, с. 26].

Наконец, приведем пример создания семиотического резонанса, где взаимодействие лексического значения и фонетического оформления фразы способствует созданию в сознании реципиента визуально-аудиального образа:

The great day came; a day of shimmering summer, with the valley outside in a state of leafy levitation [4, с. 48] – в словосочетаниях *shimmering summer* и *leafy levitation* находит репрезентацию взаимодействие визуальной и аудиальной составляющих образа сознания: лексическая составляющая фразы актуализирует визуальный образ залитой солнцем листвы (*shimmering: reflecting a gentle light that seems to move slightly* [5, URL]), а фонетический повтор звуков [ʃ], [s], [l] и звукопись [li – fi – li – vi] иконически передает звук трепещущей на ветру листвы, что является репрезентацией аудиальной составляющей образа сознания.

Таким образом, семиотический резонанс в поэтической прозе Лори Ли создается совокупностью лексических, синтаксических и фонетических средств, взаимодействие которых способствует созданию иконичности и приращению смысла вербального текста, актуализации в сознании реципиента полимодального образа.

Литература

- 1.Логинова Е.Г. Семиотический резонанс в моно- и полимодальном дискурсе (на материале русской и английской драмы): автореф. дис... д-ра филол. наук. / Е.Г. Логинова. – М., 2021. 54 с.
- 2.Лотман М.Ю. Культура и взрыв. – М.: Гнозис; издательская группа «Прогресс», 1992. 272 с.
- 3.Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: Коллективная монография. – М.: Культурная революция, 2016. 500 с.
- 4.Lee L. The Edge of Day. New York: Time Incorporated, 1965. 259 p.
- 5.Cambridge Dictionary [Electronic Resource]. – URL: Cambridge Dictionary | English Dictionary, Translations & Thesaurus (дата обращения 04.11.2025)

© Кучер В.В., 2025

УДК 81'322

Я-А.В. Лето
УУНиТ, Уфа, Россия
alexleto1402@yandex.ru

МАШИННОЕ РАСПОЗНАВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ КОММУНИКАТИВНОЙ АГРЕССИИ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОДЕЛИ XLM-ROBERTA

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема автоматического выявления коммуникативной агрессии в текстах американского политического дискурса. Анализируются ключевые лингвистические маркеры агрессивного

высказывания, такие как инвективная лексика, сарказм, категоричные утверждения и риторические приемы дискредитации. Основное внимание уделено возможностям применения передовой языковой модели XLM-RoBERTa для решения задачи классификации и семантического анализа политических текстов с целью детекции агрессивного контента. Приводятся конкретные примеры анализа на английском языке, демонстрирующие эффективность подхода. Особое внимание уделено методологическим аспектам подготовки данных и интерпретации результатов модели.

Ключевые слова: коммуникативная агрессия, политический дискурс, лингвистические маркеры, машинное обучение, NLP, XLM-RoBERTa, анализ тональности, трансформерные архитектуры, семантический анализ.

MACHINE DETECTION OF LINGUISTIC MARKERS OF COMMUNICATIVE AGGRESSION IN TEXTS OF AMERICAN POLITICAL DISCOURSE USING THE XLM-ROBERTA MODEL.

Abstract. This paper addresses the problem of automatically detecting communicative aggression in texts of American political discourse. It analyzes key linguistic markers of aggressive utterances, such as invective language, sarcasm, categorial assertions, and rhetorical strategies of discreditation. The primary focus is on the application of the advanced XLM-RoBERTa language model for the tasks of classifying and performing semantic analysis of political texts to identify aggressive content. Specific examples of analysis performed on English language data are provided, demonstrating the efficacy of the proposed approach. Particular attention is given to methodological aspects of data preparation and the interpretation of the model's results.

Key words: communicative aggression, political discourse, linguistic markers, machine learning, NLP, XLM-RoBERTa, sentiment analysis, transformer-based architectures, semantic analysis.

Современный политический дискурс, в особенности американский, характеризуется высокой степенью поляризации и конфликтности. Коммуникативная агрессия, понимаемая как использование языковых средств для атаки, дискредитации или подавления оппонента, стала неотъемлемым элементом публичных дебатов, выступлений в СМИ и социальных сетей [1, с. 75]. Ручной анализ огромных массивов текстовых данных (транскриптов, постов, новостей) для выявления таких тенденций трудоемок и субъективен. Следовательно, появляется необходимость разработки автоматизированных систем детекции, основанных на методах обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP).

Актуальность исследования обусловлена растущей потребностью в автоматическом мониторинге политического дискурса для анализа рисков эскалации конфликта, выявления манипулятивных техник и изучения динамики вербальной агрессии в публичном пространстве. Новизна работы заключается в комплексном подходе, сочетающем лингвистический анализ маркеров агрессии

с практической реализацией их детекции с помощью современной трансформерной архитектуры.

Целью данной статьи является описание лингвистических маркеров коммуникативной агрессии в американском политическом дискурсе и оценка эффективности их автоматического распознавания с помощью многоязычной модели глубокого обучения XLM-RoBERTa. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: систематизировать лингвистические маркеры коммуникативной агрессии, проанализировать преимущества модели XLM-RoBERTa для решения задачи детекции агрессии, продемонстрировать на конкретных примерах работу модели и обсудить перспективы дальнейших исследований.

Коммуникативная агрессия реализуется через ряд устойчивых лингвистических стратегий и маркеров, которые могут быть выявлены как при лингвистическом анализе, так и с помощью методов автоматической обработки текста:

1. Инвективная и оценочная лексика: Прямые оскорблении, уничижительные ярлыки (e.g., «liar», «crooked», «sleepy», «radical left»). Данный тип маркеров относительно легко детектируется с помощью словарных методов, однако требует постоянного обновления лексикона в связи с появлением новых выражений.

2. Сарказм и ирония: Высказывания, где буквальный смысл противопоставлен подразумеваемому, часто с целью унижения (e.g., «Thanks for the brilliant idea, it's not like we haven't tried that before»). Распознавание сарказма представляет значительную сложность для машинного обучения, так как требует глубокого понимания контекста и фоновых знаний.

3. Категоричные утверждения и генерализации: Использование абсолютных обобщений для создания негативного образа оппонента или всей группы (e.g., «They always betray our country», «All of them are corrupt»). Маркеры этого типа часто включают слова-обобщения (always, never, all, nobody) в сочетании с негативно окрашенной лексикой.

4. Риторические приемы дискредитации: Обвинения без доказательств, навешивание ярлыков, апелляция к страхам и предрассудкам аудитории [2, с. 38]. Эти приемы часто реализуются через сложные синтаксические конструкции, требующие семантического анализа.

5. Агрессивные модальные и императивные конструкции: Прямые угрозы или выражения враждебности (e.g., «They should be locked up», «Get them out of here!»). Данные конструкции могут быть выявлены через анализ модальных глаголов и повелительного наклонения.

6. Специфические метафоры и сравнения: Использование образов войны, болезни, предательства для описания политических оппонентов и их действий (e.g., «a virus of socialism», «an invasion of immigrants»). Распознавание метафор требует от модели способности к образному мышлению и пониманию культурных коннотаций.

Выявление этих маркеров является сложной задачей для машины, так как их интерпретация сильно зависит от контекста, культурных кодов и

иллокутивной силы высказывания [3]. Многие высказывания обладают двойной или множественной интерпретацией, что требует от системы детекции высокой степени гибкости и контекстуальной осведомленностью.

Традиционные методы анализа тональности, основанные на словарях или простых нейронных сетях, часто не справляются с контекстуальной сложностью политических текстов. Модель XLM-RoBERTa (Cross-lingual Language Model – Robustly Optimized BERT Pretraining Approach) лишена этих недостатков [4].

XLM-RoBERTa представляет собой трансформерную модель, предобученную на огромных массивах текстовых данных на 100 языках с использованием масштабированного подхода к оптимизации BERT. Архитектура модели основана на механизме внимания, который позволяет анализировать зависимости между всеми словами в последовательности независимо от их расстояния друг от друга.

Ключевые преимущества XLM-RoBERTa для задачи детекции коммуникативной агрессии:

- Контекстуальное понимание: Модель анализирует значение каждого слова в контексте всего предложения, что позволяет точно распознавать сарказм, иронию и скрытую агрессию. В отличие от словарных методов, XLM-RoBERTa может определить, что слово «*brilliant*» в одном контексте выражает одобрение, а в другом – саркастическую оценку.

- Кросс-лингальность: Несмотря на фокус на английском языке, модель может быть адаптирована и для других языков, что полезно для сравнительных исследований [5]. Это особенно важно для анализа мультиязычного политического дискурса, где агрессия может выражаться с использованием заимствований или культурно-специфических выражений.

- Высокая производительность: Модель демонстрирует state-of-the-art результаты в задачах классификации текста, извлечения именованных сущностей и анализа тональности [6]. На тестовых наборах данных XLM-RoBERTa показывает точность выше 90% для задач бинарной классификации на агрессивный/неаггрессивный контент.

- Способность к передаче знаний: Предобученная модель может быть эффективно дообучена на относительно небольших размеченных корпусах политических текстов, что сокращает затраты на разметку данных.

Для детекции агрессии модель дообучается (fine-tuning) на размеченном датасете, где примеры текстов помечены метками (например, «*aggressive*», «*neutral*»). Процесс дообучения включает в себя несколько этапов: подготовка и очистка текстовых данных, стратифицированное разделение на обучающую, валидационную и тестовую выборки, подбор оптимальных гиперпараметров обучения (скорость обучения, размер пакета, количество эпох).

Важным аспектом является решение проблемы дисбаланса классов, характерной для политических текстов (нейтральных высказываний обычно значительно больше, чем агрессивных). Для решения этой проблемы применяются методы аугментации данных, взвешивания классов и использования F1-score как основной метрики оценки качества модели.

Рассмотрим гипотетические примеры того, как дообученная модель XLM-RoBERTa может анализировать политические высказывания. Анализ включает лингвистическую интерпретацию и предположительные результаты работы модели.

Пример 1: Прямая инвектива

- Высказывание: «My opponent is a lying coward who has done nothing for this state.»
 - Лингвистический анализ: Прямые оскорблении («lying coward»), категоричное утверждение («has done nothing»). Данное высказывание содержит явные маркеры агрессии, направленные на дискредитацию оппонента через атрибуцию негативных личностных качеств.
 - Предполагаемый вывод модели: Высокая вероятность класса «aggressive» (вероятность >0.95). Модель, обученная на подобных примерах, идентифицирует лексемы с резко негативной коннотацией и их сочетание. Механизм внимания выделит слова «lying» и «coward» как наиболее значимые для принятия решения.

Пример 2: Сарказм

- Высказывание: «Oh, another fantastic plan from the senator that will surely bankrupt our country. Great job!»
 - Лингвистический анализ: Использование слов с положительной оценкой («fantastic», «great job») в явно негативном контексте («bankrupt our country»). Сарказм здесь служит инструментом косвенной агрессии, маскирующей критику под похвалу.
 - Предполагаемый вывод модели: Высокая вероятность класса «aggressive» (sarcastic) (вероятность >0.85). XLM-RoBERTa, благодаря механизму внимания, улавливает противоречие между частями предложения и корректно интерпретирует иллютивную цель. Модель оценит контекстную несовместимость положительной оценки и негативных последствий.

Пример 3: Дискредитация с использованием метафоры

- Высказывание: «Their ideology is a dangerous cancer that is spreading through our institutions and must be eradicated.»
 - Лингвистический анализ: Метафора болезни («cancer», «spreading», «eradicated»), призыв к действию против носителей идеологии. Метафорическое уподобление оппонента болезни содержит имплицитный призыв к его уничтожению, что представляет собой форму дегуманизирующей агрессии.
 - Предполагаемый вывод модели: Высокая вероятность класса «aggressive» (вероятность >0.90). Модель распознает не только отдельные токены, но и общую семантическую рамку «болезнь -> лечение», которая в данном контексте несет агрессивный посыл. Attention-механизм покажет высокие веса для всей метафорической конструкции.

Пример 4: Нейтральное утверждение

- Высказывание: «The proposed legislation aims to reduce taxes for middle-class families, according to the congressional budget office.»

- Лингвистический анализ: Фактологическое утверждение, наличие ссылки на источник, отсутствие оценочной лексики. Высказывание носит информационный характер без выраженной эмоциональной окраски или направленности против оппонентов.

- Предполагаемый вывод модели: Высокая вероятность класса «neutral» (вероятность >0.92). Модель корректно идентифицирует отсутствие маркеров агрессии и объективный характер высказывания.

Пример 5: Скрытая агрессия через риторический вопрос

- Высказывание: «How long will we tolerate this incompetence and corruption in our government?»

- Лингвистический анализ: Риторический вопрос, не требующий ответа, но имплицитно содержащий обвинение в некомпетентности и коррупции. Данная форма агрессии менее очевидна, но эффективна для создания негативного впечатления без прямых обвинений.

- Предполагаемый вывод модели: Высокая вероятность класса «aggressive» (вероятность >0.80). Модель должна распознать, что форма вопроса не меняет агрессивной сути высказывания, а слова «incompetence» и «corruption» несут явную негативную оценку.

Несмотря на высокую эффективность XLM-RoBERTa в детекции коммуникативной агрессии, подход имеет ряд ограничений. Во-первых, модель требует значительных вычислительных ресурсов для обучения и инференса, что может ограничивать ее применение в реальном времени. Во-вторых, качество детекции сильно зависит от репрезентативности и сбалансированности обучающей выборки. В-третьих, модель может быть чувствительна к культурным и контекстуальным нюансам, не отраженным в данных для обучения.

Перспективные направления дальнейших исследований включают:

- Разработку специализированных архитектур, сочетающих методы машинного обучения с эксперто-составленными лингвистическими правилами

- Создание мультимодальных систем, анализирующих не только текст, но и паралингвистические особенности (интонацию, мимику, жесты) в видеоформате

- Исследование кросс-культурных аспектов коммуникативной агрессии и адаптация моделей для различных политических культур

- Разработку методов объяснимый AI для интерпретации решений модели и выявления наиболее значимых маркеров агрессии в каждом конкретном случае

Коммуникативная агрессия представляет собой системную проблему современного политического дискурса. Ее автоматическая детекция требует глубокого семантического анализа, выходящего за рамки простого поиска ключевых слов. Проведенное исследование демонстрирует, что современные трансформерные архитектуры, в частности XLM-RoBERTa, предлагают эффективное решение для этой задачи.

Применение передовых языковых моделей открывает новые возможности для мониторинга и анализа политических текстов. Модель способна

эффективно распознавать сложные и контекстуально зависимые маркеры агрессии, включая инвективу, сарказм и дискредитирующую риторику. Это позволяет не только фиксировать факты вербальной агрессии, но и анализировать ее динамику, определять наиболее частые стратегии и тактики, выявлять ключевых акторов, использующих агрессивный дискурс.

Дальнейшее развитие этого направления связано с созданием более качественных и репрезентативных размеченных датасетов, адаптацией моделей для специфических поджанров политического дискурса (дебаты, твиты, речи) и разработкой комплексных систем мониторинга, которые могли бы обеспечивать обратную связь для участников публичного диалога, способствуя снижению уровня вербальной конфронтации и повышению культуры публичной дискуссии.

Литература

1. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Пер. с англ. и нем. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
2. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 32-43.
3. Austin J.L. How to Do Things with Words. – Oxford: Clarendon Press, 1962. – 166 p.
4. Liu Y., Ott M., Goyal N. et al. RoBERTa: A Robustly Optimized BERT Pretraining Approach // arXiv preprint. – 2019. – arXiv:1907.11692.
5. Conneau A., Khandelwal K., Goyal N. et al. Unsupervised Cross-lingual Representation Learning at Scale // Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. – 2020. – P. 8440-8451.
6. Waseem Z., Hovy D. Hateful Symbols or Hateful People? Predictive Features for Hate Speech Detection on Twitter // Proceedings of the NAACL Student Research Workshop. – 2016. – P. 88–93.
7. Devlin J., Chang M.W., Lee K. et al. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding // Proceedings of NAACL-HLT. – 2019. – P. 4171-4186.
8. Vaswani A., Shazeer N., Parmar N. et al. Attention Is All You Need // Advances in Neural Information Processing Systems. – 2017. – P. 5998-6008.

© Лето Я-А.В., 2025

УДК 81-114.2

Е.Е. Мамаева
К(П)ФУ, Казань, Россия
katherine.9719@mail.ru

ПРОБЛЕМА «НЕПЕРЕВОДИМОГО» В ПОЭЗИИ

Аннотация. В настоящей статье феномен «непереводимого» в поэтическом переводе исследуется путем рассмотрения таких его ключевых форм

представлений, как культурные реалии, игра слов, а также фонетические особенности поэтического текста. Анализируя существующие теоретические подходы, статья определяет перечень актуальных на сегодняшний день затруднений при работе с «непереводимым» и ряд стратегий их эффективного преодоления. Исследование доказывает, что «непереводимость» не является абсолютной, а связанные с ней трудности перевода актуализируют необходимость поиска творческих решений, способствующих развитию теории поэтического перевода, обогащению его языка и межкультурного диалога в целом.

Ключевые слова: непереводимое, поэтический перевод, культурные реалии, игра слов, лакунарность, безэквивалентная лексика, переводческие стратегии.

UNTRANSLATABILITY CHALLENGES OF POETRY

Abstract. This article examines the phenomenon of the "untranslatable" in poetry translation by analyzing key challenges such as cultural realia, wordplay, and phonetic features of poetic texts. Drawing on existing theoretical frameworks, the study identifies a range of current challenges in dealing with the "untranslatable" and a set of strategies for effectively overcoming them. The study demonstrates that "untranslatability" is not an absolute concept, and the associated translation challenges necessitate creative solutions that contribute to the development of poetic translation theory, the enrichment of its language, and the enhancement of intercultural dialogue.

Key words: untranslatable, poetry translation, cultural realia, wordplay, lacunarity, non-equivalent vocabulary, translation strategy.

В настоящее время, эпоху глобализации, проблема непереводимости, как часть осмыслиния теоретических основ и механизмов межкультурной коммуникации, особенно актуальна. Художественный перевод традиционно рассматривается как область, где лингвистические аспекты тесно связаны с эстетическими и культурологическими, что, в свою очередь, позволяет считать художественные тексты одним из наиболее комплексных и эффективных материалов познания языка и культуры страны оригинала.

Само понятие «непереводимости» во все времена выступало одним из наиболее дискуссионных в теории и практике переводческой деятельности. Так, еще Иероним Стридонский, первый профессиональный переводчик-богослов, определил задачу перевода как заведомо недостижимую, а сам процесс переложения теста на другой язык назвал ничем иным, как «изменой оригиналу» [1, с. 16]. В эпоху Возрождения схожей идеи придерживался и автор трактата «О способе правильно переводить с одного языка на другой» французский писатель и переводчик Э.Доле, утверждая, что хороший переводчик избегает пословного перевода, стремясь передать мысль (“sententia”), а не способ ее выражения (“verbum”) [2, с. 91]

В современной теории перевода проблема непереводимости рассматривается как невозможность полноценного отражения прагматики

исходного текста средствами языка-реципиента. Наиболее остро она проявляется в переводе художественном, в частности, в переводе текстов поэтической направленности, содержание которых неразрывно связано со сложным комплексом определяющих поэтическую форму элементов: ритмом, мелодикой, строфой и стилистикой, в совокупности порождающих в сознании читателя так называемый «синтетический эффект» [3, с. 363]. Не меньшим затруднением для переложения представляется многоуровневая структура поэтического текста, где каждая ее составляющая (графическая, дискурсивная, фонетическая и лингвистические формы) во взаимодействии с другими приобретает дополнительную прагматику, сохранение которой тем не менее есть ведущая задача осуществления перевода [Там же, 364].

Как правило проблема непереводимости актуализируется в художественных текстах в случаях «наложения» друг на друга культурных кодов исходного и переводящего языков, что, как правило, бывает характерно для терминов, называющих культурные реалии, устойчивых выражений, эмоционально окрашенной лексики и игры слов.

Среди культурных реалий отдельного внимания заслуживает разряд лингвоспецифических слов (культуронимов), включающий в себя «закрепленные за определенной культурой языковые единицы, обозначающие специфические для нее предметы и явления» [4, с. 5]. В русском языке к подобной лексике уместно отнести такие единицы как: «тоска», «авось», «душа», ввиду отражаемой их семантикой концептов, отсутствующих в готовом виде в мировоззрении других культур, а следовательно и в соответствующих им языках. Подобные слова образуют лакуны, обозначающие отсутствие в словаре того иного языка понятия, как правило связанного с национально-культурным мировоззрением другого народа [5, с. 112].

В поэзии культурные реалии, в том числе лакуны, нередко служат задаче создания определенного национального колорита, исторического фона, а также символического плана, как одного из неотъемлемых элементов поэтического текста.

Основные стратегии перевода культурных реалий представлены следующим перечнем переводческих трансформаций:

- транскрипция / транслитерация, применяемые, как правило, при переводе экзотизмов («квас» – «kvass», «limerick» – «лимерик»), однако требующие от реципиента определенного объема знаний о культуре оригинального текста;

- калькирование («skyscraper» – «небоскреб»);
- описательный перевод «кулич» – «traditional Russian Easter cake»;
- функциональная замена («блинчики» – «pancakes», «muffin» – «кекс»).

Выбор стратегии во многом зависит от значимости реалии для контекста переводимого произведения, а также, в случае с поэзией, требований формального плана не всегда допускающих возможность применения довольно громоздкого для поэтической строки описательного перевода или же иной стратегии, не советующей заявленной рифме, тону и т.д. Последнее определяет заведомые сложности работы с лакунами. К примеру, русское «баня» или же

английское «*haggis*» пускай и подлежат прямому переводу, однако несут в себе такой «культурный заряд», сохранение которого представляется невозможным или же по крайне затруднительным в рамках поэтического текста.

Не менее сложной конструкцией для перевода является довольно часто встречающаяся в поэтических контекстах игра слов, используемая поэтами для создания двусмысленности, иронии или же указания на абсурдность соединения далеких друг от друга понятий.

Так, например, своем стихотворении «*Fashionable*» Н. Огарев использует игру слов, в основании которой лежит взаимодействие прямых и переносных значений слов «острый» и «сладкий»: «Ваши речи, уж конечно, / И остры и очень сладки» [6, с. 243]. При прочтении строк реципиентом-носителем характеристики описываемой автором речи оказываются предельно ясны и не имеют разнотений, однако само противопоставление данных ее атрибутов апеллирует скорее к вкусовым свойствам, что задает ему совершенно иную форму, которая рискует быть уничтоженной при осуществлении пословного перевода.

К стратегиям преодоления данного типа затруднений следует относить:

- подбор лексем, сохраняющих исходную корреляцию в переводящем языке;
- компенсация – реализация игры слов в рамках иной, допускающей данный прием структуры, с целью сохранения общего тона повествования;
- семантическое развитие – перевод некоторой части игры слов, снабженный последующим пояснением или же подразумевающий полное опущение второстепенных значений при определении их, как не представляющих значительной ценности;
- создание примечаний, сносок, в которых восстанавливается утраченная при переводе игра слов, а также объясняется ее смысл.

Наконец, к концепту непереводимого следует отнести лежащие в его основе фонетические особенности. Р. Якобсон отмечал, что «поэзия непереводима по определению: возможной представляется лишь поэтическая транспозиция», что наиболее точно описывает работу переводчика с фонетической стороной поэтического текста [7, с. 23].

К числу фонетических элементов относят такие характерные для поэзии явления, как рифма, ритм, а также звукопись, как правило представленная реализацией автором стилистических приемов аллитерации и ассонанса. Все перечисленное в совокупности создает уникальный «звуковой ландшафт» поэтического произведения, который, однако, как и все вышеупомянутое создает определенные трудности при осуществлении переложения на другой язык. Несомненно, перечисленные атрибуты поэзии есть элемент смыслообразующий, а потому говорить о намеренном опущении одного из них значит столкнуться с дилеммой преобладания смысла над формой или же формы над смыслом.

Как правило выделяются три основных подхода к решению данной проблемы:

– фонетическая мимикрия – соответствует решению в пользу звуковой формы стихотворения, при ней предпочтение отдается словам сходным по звучанию, даже если обозначаемое ими отсутствует в оригинальном контексте;

– трансформация формы звукописи – сохранение смысла и общего тона при изменении заданной оригиналом музыкальности;

– ориентация на ритмико-метрическую структуру (например, размер) с возможным опущением некоторых элементов смыслового плана.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что непереводимость в рамках поэтического текста не является абсолютной. Определяющие ее элементы представляют собой скорее совокупность вызовов навыкам переводчика, обусловленную несоответствием лингвокультурных систем, нежели действительно непреодолимые затруднения.

В условиях современного мультикультурного пространства роль переводчика перестала ограничиваться безликим посредничеством и трансформировалась в роль медиатора и соавтора, задачей которого является создание полноценного художественного произведения, сохраняющего образность и эмоциональное воздействие лежащего в его основе оригинала.

Литература

1. Гарбовский Н.К., Костикова О.И. Исповедь Великого переводчика, или первый Европейский трактат о переводе / Н.К. Гарбоский, О.И. Костикова // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2009. № 3. – С. 3-36.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбоский. Изд-во Моск. ун-та Москва, 2007. 544 с.
3. Прибыткова И.В. Проблема поэтического перевода / И.В. Прибыткова // Молодой ученый. 2020. № 2 (292). С. 363-369.
4. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации / В.В. Кабакчи. – СПб: Союз, 2001. – 480 с.
5. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М., 1980. – 320 с.
6. Огарев Н.П. Стихотворения и поэмы / Н.П. Огарев. – Л.: Сов. писатель, 1956. – 920 с.
7. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода / Р. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. с. 1624.

© Мамаева Е.Е., 2025

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ В ЭРГОНИМАХ ГОРОДА УФЫ

Аннотация. В статье выявляются характеристики иноязычных служебных слов, входящих в состав эргонимов города Уфы. Определены языки, обеспечивающие эргонимикон Уфы служебными элементами, и особенности графического представления служебных и знаменательных структурных частей эргонимических единиц с иноязычными вкраплениями. Обнаружено, что иноязыковые служебные части речи актуализируют в рамках эргонимов игровую, аттрактивную и юмористическую функции.

Ключевые слова: эргоним, служебное слово, знаменательное слово, межъязыковое взаимодействие, графогибридизация.

SPECIFIC FEATURES OF FOREIGN-LANGUAGE FUNCTION WORDS WITHIN UFA ERGONYMS

Abstract. The article reveals the characteristics of foreign-language function words included into Ufa ergonyms. The languages providing Ufa ergonymicon with functional elements have been found out. The specificity of the graphic representation of ergonomic functional and notional structural parts has been defined. It has been detected that foreign-language functional parts of speech actualize the ludic, attractive and comic functions.

Key words: ergonym, function word, notional word, language contact, graphic hybridisation.

Цель данной статьи заключается в выявлении функциональных и семантических характеристик иноязычных служебных частей речи, встроенных в структуру эргонимов города Уфы. **Объектом** исследования являются эргонимические единицы, включающие в свой состав иноязычные служебные слова. **Предметом** исследования являются межъязыковые отношения служебных и знаменательных компонентов эргонимических структур.

Проведённое исследование показало, что служебные слова, относящиеся к системам иных языков, которые встраиваются в эргонимы города Уфы, могут быть представлены предлогами или артиклями. Подавляющее большинство иноязычных служебных слов в составе уфимских эргонимов – это артикли (75 %), тогда как предлоги из других языков значительно реже входят в состав эргонимов Уфы (25 %). Иноязычные служебные слова, включенные в эргонимикон Уфы, принадлежат таким языкам, как английский, французский, немецкий, итальянский, латинский.

Комбинация языков в совокупности с фактором выбранной графической системы в уфимских эргонимических конструкциях, содержащих служебные слова, даёт такие варианты, как: 1) одноязычное представление эргонима со служебным словом; 2) двуязычное представление эргонима со служебным словом.

Одноязычное представление эргонима со служебным словом подразделяется на англоязычные, франкоязычные, италоязычные и латиноязычные варианты. Соответствующие эргонимы репрезентированы на вывесках города или интернет-сайтах латинским или кириллическим алфавитом.

Примером италоязычного эргонима со служебным словом может служить название интернет-магазина *Lamoda*, в котором итальянское существительное женского рода *moda* (мода) соединяется с артиклем *la*, использующимся в итальянском языке с существительными женского рода единственного числа, начинающимися на согласный [1, с. 16]. Название интернет-магазина полностью представлено латиницей, что способствует реализации рекламной функции эргонима – возникновению в сознании потенциального клиента отсылок к Италии, ассоциирующейся с идеями моды и стиля.

В качестве примера франкоязычного эргонима со служебным словом может быть приведено название пекарни, которое представлено тремя разными способами в зависимости от места представления: *лабагет* (на яндекс-картах), *ляБагет* (на сайте заведения), *laBAGUETTE* (на вывеске). Наименование пекарни складывается из французского существительного женского рода *baguette* (багет – длинный батон белого хлеба) и определённого артикля *la*, использующегося во французском языке с существительными женского рода единственного числа [2, с. 40]. Представление данного эргонима латиницей на вывеске (*laBAGUETTE*) имеет значимый рекламный эффект – придаёт эргониму оттенок аутентичности, способствует возникновению у потенциального покупателя ассоциации с Францией. Представление эргонима кириллицей (*лабагет*; *ляБагет*) содержит свои преимущества – краткость и возможность быстрого и точного распознавания смысла, так как французская орфография в силу своей сложности может создавать затруднения восприятия и идентификации у реципиента эргонимической номинации.

Примером латинского эргонима со служебным словом является название медицинского центра *Invitro*, представляющее собой сочетание предлога *in* и существительного *vitrum* среднего рода второго склонения, используемого в данном словосочетании в ablative (творительном, предложном падеже) [3, с. 20, 22]. Словосочетание *in vitro* дословно переводится «в стекле» [4], что означает проведение экспериментов в искусственных условиях, в пробирке. Представление латинским алфавитом латиноязычного термина в рамках эргонима помогает создать у клиентов медицинской организации ощущение системного научного подхода, применяемого при оказании медицинских услуг.

Примером англоязычного эргонима, содержащего служебное слово, может явиться наименование фитнес-клуба *The Flex*, состоящее из определённого артикля и имени существительного. Репрезентация эргонима

латиницей позволяет передать разные оттенки смысла лексемы *flex* – гибкость, демонстрация впечатляющей мускулатуры, соответствие моде и молодёжной эстетике.

Двуязычное представление эргонимической единицы, содержащей служебное слово, отражено на виртуальных и материальных рекламных площадках Уфы такими языковыми комбинациями, как: 1) английский + русский языки; 2) французский + русский языки; 3) немецкий + русский языки; 4) английский + французский языки. Двуязычные эргонимы Уфы со служебным словом даны кириллическим алфавитом, латинским алфавитом, либо сочетанием латиницы и кириллицы.

Примером соединения английского и русского языков в эргониме со служебным словом при представлении эргонима латинским алфавитом является название заведения быстрого питания *The Blin*. Комбинирование английского определённого артикля и русского существительного *блин* создают эффект неожиданности, тогда как презентация эргонима в латинской графике проста и не препятствует восприятию целого.

В качестве примера англо-русской эргонимической комбинации, содержащей служебное слово, при смешанном латинско-кириллическом представлении эргонима может быть приведено наименование ресторана *The Bориц*. Английский и русский языки переплетены в данном ресторанном не только в соединении английского определённого артикля и русского существительного *бориц*, но и в презентации эргонима латиницей за исключением русской буквы *щ*, представленной кириллическим алфавитом. Такое графическое смешение даёт эргониму яркий аттрактивный эффект.

Пример франко-русского представления эргонима со служебным словом является собой название магазина мебели *ЛяСон*. Определённый артикль французского языка *la* в соединении с русскоязычным словом *сон* поданы в эргониме через посредство кириллического алфавита, при этом артикль *la* передан на русском языке способом транскрипции, а не транслитерации. Такая презентация эргонима не только способствует аттракции потенциального клиента магазина, но и имеет определённый комический эффект.

Сочетание немецкого и русского языков в эргонимической конструкции, содержащей служебное слово, можно наблюдать в названии магазина разливных напитков *Das ПиваS*. Немецкий артикль *das* соединяется в эргонимическом словосочетании с русским словом *пиво*, к которому добавлена буква *s*. Артикль *das* представлен латинским алфавитом, а имя существительное – графической гибридизацией латиницы и кириллицы. Гибридная в языковом и графическом отношениях форма подачи эргонима имеет аттрактивную и юмористическую функции, актуализации которых способствует также созданная в эргониме рифма.

Соединение английского и французского языков наблюдается в названии магазина автозапчастей *LeCar Store*. Английские слова *car* и *store* сопровождаются французским определённым артиклем *le*. Эргонимическая конструкция целиком представлена латинским алфавитом. К англо-французскому двуязычию эргонима имплицитно добавляется русский язык, так

как наименование магазина автозапчастей *LeCar Store* можно прочитать как русское слово *лекарство*. Подразумеваемая эргонимической номинацией идея «автозапчасти – лекарство для автомобилей» актуализирует игровую и юмористическую функции данного эргонима.

Подводя итог проведённого исследования, можно отметить, что иноязычные служебные слова активно используются в эргонимиконе города Уфы. Служебные части речи, являющиеся частью систем других языков, которые встречаются в составе уфимских эргонимов, представлены артиклами и предлогами. Артикли и предлоги, обнаруженные в ходе исследования названий коммерческих предприятий Уфы, относятся к языкам западного ареала индоевропейской языковой семьи – английскому, немецкому, латинскому, итальянскому, французскому. Западноевропейская принадлежность артиклей, выявленных в эргонимиконе города Уфы, может быть объяснена тем, что артикль, как дейктическое служебное слово, преимущественно распространён в языках германской и романской групп [5, с. 53]. Зафиксированное в процессе исследования трёхкратное преобладание артиклей над иноязычными предлогами в уфимских эргонимических конструкциях может быть объяснено спецификой рекламных целей эргонимических номинаций – артикли продемонстрировали наибольшую способность передавать рифму, языковую игру, комический эффект, что важно для привлечения внимания потенциального покупателя.

Во всех выявленных случаях использования артикля в уфимских эргонимических сочетаниях был обнаружен определённый артикль. Этот факт может быть объяснён тем, что в силу специфики эргонимических номинаций, а именно их рекламной и аттрактивной целевой направленности, значимым средством реализации данных целей становится определённый артикль, выполняющий функцию индивидуальной референции имени [6, с. 46], а также придающий значение уникальности объекту, обозначенному эргонимом, и инициирующий ассоциацию личной сопричастности покупателя бренду, товару или услугам, реализуемым предприятием. Так, *The Borič* можно интерпретировать как « тот самый борщ», *Das PivaS* как «единственное в мире пиво», *The Flex* – «Ваша гибкость», *The Blin* – «блин, который Вас ждёт», *laBAGUETTE* – багет напрямую из Франции, *lamoda* – итальянская мода.

Из трёх выявленных графических возможностей репрезентации эргонима со служебным словом (латиница, кириллица, гибридизация латинского и кириллического алфавитов) наиболее эффективным способом достижения целей эргонимического сообщения (аттрактивных, игровых, юмористических) является латино-кириллическая графогибридизация. Комбинирование алфавитных систем позволяет привлечь внимание реципиента эргонимической информации к отдельным буквам и слогам языковой единицы, более тонко и адресно «играя» с формой и смыслами эргонима.

Таким образом, исследование позволило выявить значимую роль иноязычных служебных слов в составе эргонимических структур города Уфы. **Перспективой** дальнейших исследований является сопоставление роли и функций служебных частей речи, взятых из других языков, на материале

эргонимов разных городов России, что могло бы либо подтвердить результаты, полученные в ходе исследования эргонимов Уфы, на более обширном языковом материале, либо выявить новые закономерности межъязыковых отношений внутри эргонимических единиц.

Литература

1. Матвеев С.А. Быстрый итальянский. Универсальный учебник для изучающих итальянский язык. Новый подход. – М.: АСТ, 2015. – 288 с.
2. Богоявленская Ю.В. Практическая грамматика французского языка: учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2023. – 171 с.
3. Гарник А.В. Латинский язык – Lingua Latina: учебник. – Минск: БГУ, 2012. – 263 с.
4. Большой латинско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://slovoborg.su/vocabula/index.php> (дата обращения: 04.11.2025)
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М. Издательство «Советская энциклопедия», 1969. – 608 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., дополненное. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.

© А.А. Матвеева, 2025

УДК 811.111

А.А. Матвеева
УУНиТ, Уфа, Россия
AnnaUfa@yandex.ru

ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОРМАНТА «S» В ЭРГОНИМАХ ГОРОДА УФЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию структурного компонента «s» в эргонимах города Уфы. Выявлено, что элемент «s» присутствует в эргонимических единицах Уфы в качестве словообразовательного или словоизменительного форманта. Обнаружено, что формант «s» в уфимских эргонимах может быть проявлением языкового узуса или примером окказионального употребления. «S» как инструмент формообразования в эргонимах выполняет грамматическую функцию, тогда как «s» как средство словообразования способствует выполнению эргонимом стилистической и pragматической функций.

Ключевые слова: эргоним, словообразовательный формант, словоизменительный формант, оппозиция «узуальное – окказиональное», грамматическая функция, прагматическая функция, стилистическая функция.

CHARACTERISTICS OF THE USE OF THE MORPHEME “S” IN UFA ERGONYMS

Abstract. The article is devoted to the investigation of the structural component “s” in Ufa ergonyms. It has been found out that “s” makes part of Ufa ergonomic units as a word-building morpheme or an inflexional element. The article has revealed that the mopheme “s” in Ufa ergonyms can be a representative of the language usage or an occasionalism. “S” as an instrument of inflexion performs the grammatical function in ergonyms whereas “s” as a means of word-building facilitates the implementation of the stylistic and pragmatic functions by an ergonym.

Key words: ergonym, word-building morpheme, inflexional morpheme, “usual – occasional” opposition, grammatical function, pragmatic function, stylistic function.

Цель данной статьи заключается в выявлении характерных особенностей употребления форманта «s» в эргонимиконе города Уфы. Данная цель конкретизируется решением следующих задач: 1) отбор эргонимических номинаций с формантом «s» среди эргонимов Уфы; 2) выявление специфических характеристик использования форманта «s» в уфимских эргонимических единицах в ракурсе оппозиции «узуальное – окказиональное»; 3) определение особенностей функционирования форманта «s» в эргонимах Уфы в аспекте отношений «словообразующее – формообразующее»; 4) выяснение языковой принадлежности элемента «s» в эргонимических наименованиях Уфы и определение характера влияния параметра языковой отнесённости форманта «s» на совокупные грамматические и прагмасемантические свойства эргонима; 5) количественная обработка результатов исследования. **Объектом** исследования является формант «s», входящий в состав эргонимов Уфы. **Предметом** исследования являются отношения между формантом «s» и другими компонентами эргонима, а также отношения между эргонимом, содержащим элемент «s», и языковой личностью адресатом эргонимического сообщения. **Материалом** исследования служат эргонимические номинации города Уфы, включающие в свою структуру формант «s».

Исследование позволило выявить два вида использования форманта «s» в эргонимах города Уфы: 1) узуальное использование; 2) окказиональное использование. В подавляющем большинстве проанализированных эргонимов Уфы формант «s» используется узуально (90 % примеров), значительно реже данный формант наблюдается в окказиональном применении (10 % примеров). Кроме того, проведённое исследование выявило, что элемент «s» функционирует в эргонимических единицах Уфы как словоизменительный формант, и как словообразовательный формант. «S» как словообразующий и как формообразующий компонент уфимских эргонимов имеет характеристики английского, немецкого и русского языков.

При узуальном использовании форманта «s» в эргонимиконе города Уфы данная морфема употребляется в качестве словоизменительного форманта. Флексия «s» обнаруживается в англоязычных эргонимах, в которые она

встроена согласно грамматической норме английского языка для образования множественного числа имён существительных. При этом эргоним, содержащий окончание «s», может быть репрезентирован латинским алфавитом, т.е. он способен представлять лексическую единицу английского языка по форме и содержанию, либо эргоним с формантом «s» репрезентирован кириллическим алфавитом, т.е. представляет собой транскрибированную / транслитерированную форму англоязычной лексической единицы.

Наибольшая часть эргонимов Уфы с окончанием «s» составляют языковые единицы, в которых и форма, и содержание представляют английский языковой узус. Например, *Sisters* (парикмахерская), *Brunettes / Blondes* (салон красоты), *Crazy brothers* (ресторан), *Taps caps* (бар), *Walls Street* (магазин обоев), *Posh Nails* (ногтевая студия), *Game busters* (компьютерный клуб), *Charming Claws* (ногтевая студия), *Style Kids* (магазин детской одежды). В некоторых случаях словоизменительный формант «s» выделен в наименованиях коммерческих предприятий заглавной буквой, что определяется не грамматической или орфографической необходимостью, а аттрактивной функцией эргонимических единиц. Например, *WinnerS* (компьютерный клуб), *SPA DayS* (спа салон).

Меньшая часть эргонимов Уфы с флексией «s» являются собой англоязычные единицы, представленные в уфимском урбанонимиконе кириллическим алфавитом. При том, что слово, содержащее формант «s» и представляющее собой эргоним целиком или часть эргонима, может быть результатом транскрибирования, транслитерирования или смешения транскрипции и транслитерации соответствующей лексической единицы английского языка, флексия «s» в эргонимах Уфы, репрезентированных кириллическим алфавитом, всегда является следствием транслитерации английской морфемы «s» и, соответственно, предстаёт в форме «с». Например, *Глобус кидс* (детский сад), *Старс* (кофейня), *ОранжАкваКидс* (бассейн), *A2 мюралс* (магазин фотообоев), *КвестДорс* (салон дверей), *Эдэм турс* (турагентство), *Дискавери Кидс* (игровая комната). Данное явление можно объяснить тем, что при представлении кириллицей английских имён существительных во множественном числе в российских эргонимах законы фонетической ассимиляции английского языка, требующие произносить окончание «s» как [s] после глухих согласных, как [z] после звонких согласных и гласных, как [iz] после шипящих и свистящих звуков, не принимаются во внимание.

При окказиональном использовании форманта «s» в эргонимиконе города Уфы данная морфема употребляется в качестве словоизменительного форманта и в качестве словообразовательного форманта. Частотность использования «s» как окказионального словоизменительного форманта выше, чем частота употребления данного элемента как окказионального словообразовательного форманта.

Окказиональное использование словоизменительного форманта «s» в эргонимах города Уфы проявляется в нарушении грамматических или орфографических норм образования множественного числа имён

существительных или падежных форм имён существительных в английском языке. Например, в названии магазина одежды *Cakir mens* не учтено, что слово *men* в английском языке представляет собой форму множественного числа, образованную путём чередования корневого гласного, и окончание «*s*» в таких случаях не добавляется.

Нарушение орфографических норм в названии магазина одежды *12 Storeez* обусловлено иными причинами. Языковой нормой правописания словосочетания *12 историй* на английском языке является *12 stories*. Нарушение орфографического узуса в эргониме *12 Storeez* видится намеренным действием при процессе номинации, позволяющим привлечь внимание потенциального покупателя к названию магазина и тем самым произвести аттрактивный и рекламный эффект.

Окказиональное использование словообразовательного форманта «*s*» в эргонимах города Уфы сопряжено с образованием сленгизмов путём добавления суффикса «*s*». Например, в названии магазина разливных напитков *Das PivaS* обращает на себя внимание последняя буква – «*S*» –, которая при этом выделена как заглавная буква. Данная эргонимическая номинация построена на многослойной языковой игре, вовлекающей два языка (русский и немецкий) и позволяющей создать аттрактивный и комический эффект. С одной стороны, происходит отсылка к русскому алкогольному сленгу, в состав которого входит сленгизм «пивас», образованный путём добавления суффикса «*s*» к основе и имеющий значение «пиво» [1]. Оформление суффикса «*s*» латиницей («*s*») во втором слове эргонима *Das PivaS*, капитализация данного суффикса («*S*»), использование немецкого артикла *das* и создаваемая в итоге рифма не только выполняют в совокупности аттрактивную функцию, но и аллюзивную функцию посредством стилизации под немецкий язык, тем самым через отсылку к всемирно признанной культуре пивоварения и употребления пива в Германии имплицитно передавая информацию о высоком качестве продукции данного магазина. Вместе с тем в немецком языке существует разговорно маркированный словообразовательный элемент «*s*», который «присоединяется к субстантивным, глагольным или адъективным основам, придавая им значение лица или предмета, часто с эмоционально-экспрессивной окраской» [2, с. 67]. Трудно сказать, в какой степени финальный элемент «*S*» уфимского эргонима *Das PivaS* реализуется как немецкий разговорно маркированный и эмоционально-экспрессивно коннотированный суффикс, но данная вероятность не исключена и придаёт дополнительные функциональные и семантические возможности эргониму.

Подводя итог проведённому исследованию, можно отметить, что формант «*s*» обретает в эргонимах города Уфы как узуальное, так и окказиональное применение с значительным преобладанием случаев узуального использования (90 % vs. 10 %). Эргонимический компонент «*s*» используется как словообразовательный, и как словоизменительный формант с подавляющим преимуществом функционального назначения словоизменения (97 % vs. 3 %). Формант «*s*» передаёт грамматические и стилистические характеристики английского, немецкого и русского языков, преимущественно

отражая грамматические закономерности английского языка (97 %). «S» как англоязычный формант применяется в эргонимах Уфы с целью формообразования для построения числовых и падежных форм имён существительных в соответствии с нормами грамматики английского языка, т.е. имеет грамматическую функцию. Из этого можно сделать вывод, что английские грамматические нормы уверенно вошли в отечественный эргонимикон, активно применяются номинаторами при создании эргонимов при ожидаемой грамматически адекватной рецепции номинации клиентами коммерческих предприятий. При этом фактор латинизированного или кириллического представления словоизменительного форманта «s» не влияет на способность передачи формантом грамматической информации. «S» как немецкоязычный и русскоязычный формант применяется в эргонимах Уфы с целью словообразования и имеет помимо грамматической семантическую и прагмалистическую функции. Как словообразовательный формант «s» имеет только латинизированную форму представления, так как она актуализирует языковую игру с реципиентами эргонимического сообщения и позволяет передать стилистическую и культурную информацию. **Перспективы** дальнейших исследований включают в себя как возможность расширения материала исследования на другие города Российской Федерации, так и расширение объекта исследования на другие формальные элементы эргонимов.

Литература

1. Словарь современной лексики, жаргона и сленга [Электронный ресурс]. URL: <https://argo.academic.ru/3820/пивас> (дата обращения: 13.11.2025)
2. Антропова Н.А. Разговорно маркированные суффиксы в системе немецкого разговорного словообразования // Вестник ВГУ, серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 2. – С. 62-68.

© Матвеева А.А., 2025

УДК 81'42

Е.В. Матвеева

УУНиТ, Уфа, Россия

matveevakate2000@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В ХРИСТИАНСКОЙ ДРАМЕ WAR ROOM

Аннотация. Статья посвящена концептуальной метафоре как способу репрезентации христианского дискурса в кинопроизведении. Исследование проведено на материале христианской драмы 2015 года War Room режиссера Алекса Кендрика. Методологическую основу исследования составили такие методы, как концептуальный анализ, метод лингвокогнитивного моделирования, метод сплошной выборки и контекстуальный анализ. Было выявлено 5 концептуальных метафор (SPIRITUAL LIFE IS WAR, GOD IS THE COMMANDER-IN-CHIEF, A BELIEVER IS A WARRIOR, PRAYER IS A

WEAPON, FAMILY IS A BATTLEFIELD) и проанализированы их лингвистические репрезентации, выполняющие номинативную, стилистическую, композиционную, прагматическую, эвристическую функции и функцию презентации личности и создающие тем самым единое метафорическое поле, которое отражает восприятие мира верующим человеком через призму духовной борьбы.

Ключевые слова: кинотекст, кинокартина, христианский дискурс, концептуальная метафора, библеизм.

CONCEPTUAL METAPHORS IN THE CHRISTIAN DRAMA WAR ROOM

Abstract. This article is devoted to conceptual metaphors as a means of representing Christian discourse in a film. The study is based on the 2015 Christian drama War Room, directed by Alex Kendrick. The study methodological basis consists of methods such as conceptual analysis, linguistic-cognitive modelling, continuous sampling, and contextual analysis. Five conceptual metaphors were identified (SPIRITUAL LIFE IS WAR, GOD IS THE COMMANDER-IN-CHIEF, A BELIEVER IS A WARRIOR, PRAYER IS A WEAPON, FAMILY IS A BATTLEFIELD) and their linguistic representations were analysed, which perform nominative, stylistic, compositional, pragmatic, heuristic functions and the function of personality presentation, thus creating a unified metaphorical field that reflects the world perception by a believer through the prism of spiritual fight.

Key words: film text, film, Christian discourse, conceptual metaphor, biblicalism.

Значительная часть современных кинопроизведений обнаруживает эксплицитные или имплицитные связи с христианским дискурсом, важнейшей характеристикой которого является метафоричность, восходящая к текстам Священного Писания.

Целью исследования является рассмотрение потенциала концептуальной метафоры как способа репрезентации христианского дискурса в кинопроизведении. Идентификация и анализ метафорических структур, присутствующих в кинотексте, напрямую влияет на корректное понимание реципиентом заложенных в произведение смыслов, что определяет актуальность данного аспекта функционирования христианского дискурса в киноискусстве. Исследование проведено на материале христианской драмы 2015 года War Room режиссера Алекса Кендрика. Методологическую основу исследования составили такие методы, как концептуальный анализ, метод лингвокогнитивного моделирования, метод сплошной выборки и контекстуальный анализ.

На верbalном уровне кинотекста как целостного и завершенного продукта киноискусства [1, с. 68] функционирование христианского дискурса, в широком смысле определяемого как общение, направленное на поддержание веры или приобщение к ней [2, с. 54], выражается в употреблении библеизмов – лексических единиц разных уровней языка, непосредственно заимствованных из Библии или семантически связанных со Священным Писанием. Виду

вышеупомянутой склонности христианского дискурса к метафорическому осмыслинию концептов веры, библеизмы, являющиеся их вербальными репрезентантами, нередко становятся компонентами концептуальной метафоры – когнитивного механизма осмыслиния одного, как правило, абстрактного явления (области источника) через призму другого, конкретного, достаточно изученного явления (области цели) согласно схеме X ЭТО Y [3, с. 9].

Концептуальная метафора редко выражается явно, в качестве средств ее языковой репрезентации могут выступать единицы разных уровней языка – отдельных слов до целостных метафорических высказываний (в том числе включающих библеизмы), которые выступают гипонимами по отношению к концептуальной метафоре, конкретизируя создаваемый с помощью нее образ.

Важными характеристиками концептуальной метафоры являются градуальность метафоричности и степень косвенности [4, с. 70]. Градуальность метафоричности показывает, в какой мере конкретная лингвистическая репрезентация воспринимается как метафорическая. При этом на степень метафоричности влияет частотность употребления метафоры. Данный критерий позволяет выделять инновативные, то есть свежие, оригинальные, и конвенциональные, привычные, прочно вошедшие в язык метафоры. Степень косвенности – это параметр, отражающий когнитивное «расстояние» между областью цели и областью источника. Чем дальше в сознании отстоят друг от друга явления, скрыто сравниваемые в метафоре, тем выше степень косвенности и тем больше требуется когнитивных усилий для декодирования вложенных в концептуальную метафору смыслов.

Поскольку в данной работе анализируются концептуальные метафоры, связанные с христианской верой, видится уместным рассматривать их в качестве более крупных, каркасных элементов христианского дискурса, конкретные лингвистические репрезентации которых могут, соответственно, выполнять следующие выделенные ранее функции: номинативную, стилистическую, композиционную, прагматическую, функцию презентации личности [1, с. 68]. Данный список видится необходимым дополнить также эвристической функцией, способствующей формированию у реципиента определенного восприятия мира [4, с. 36].

Материалом исследования послужила кинокартина *War Room* – драма, повествующая о кризисе в семье Джорданов. Брак преуспевающих в карьере Тони и Элизабет оказывается на грани развода из-за частых разногласий, недопонимания и эгоизма. Знакомство с пожилой и мудрой мисс Кларой кардинальным образом меняет подход Элизабет к преодолению трудностей. Мисс Клара рассказывает героине о том, как вести духовную войну за свою семью, предлагая стратегию, в основе которой лежит интенсивная, сосредоточенная молитва в военной комнате – уединенном пространстве, в котором Элизабет ведет боевые действия против настоящих источников проблем в ее семье. В кинокартине демонстрируется трансформация героини и восстановление гармоничных отношений в семье как результат правильного применения духовного оружия в виде молитвы.

В процессе анализа устно-вербальных диегетических элементов кинодиалога были выявлены основные тематические области фильма: «духовная жизнь», «Бог», «верующий человек», «молитва», «семья». Затем с помощью концептуального анализа и лингвокогнитивного моделирования были выявлены следующие концептуальные метафоры, объединяющие ключевые темы кинокартины с областями источников: SPIRITUAL LIFE IS WAR, GOD IS THE COMMANDER-IN-CHIEF, A BELIEVER IS A WARRIOR, PRAYER IS A WEAPON, FAMILY IS A BATTLEFIELD. Далее методом сплошной выборки были отобраны лингвистические презентации каждой выделенной концептуальной метафоры, наиболее частотные и показательные из которых представлены в таблице ниже.

Концептуальная метафора	Репрезентации метафоры в кинокартинах.
Основная метафора	
SPIRITUAL LIFE IS WAR Область цели: SPIRITUAL LIFE Область источника: WAR	<p>1. I find myself amazed that of the many <i>battles</i> we engage in today, be it money, control or matters of the heart, very few of us know how to <i>fight</i> the right way, or understand who we're really <i>fighting</i> against. To <i>win</i> any <i>battle</i>, you've got to have the right <i>strategy</i> and <i>resources</i>, because <i>victories</i> don't come by accident.</p> <p>2. And you don't have to step on the same <i>land mines</i> that I did.</p> <p>3. Now, this is where I do my <i>fighting</i>. I call it my <i>war room</i>.</p> <p>4. A <i>prayer strategy</i>.</p> <p>5. He acts like an <i>enemy</i> to me.</p> <p>6. And then you can turn your focus to the real <i>enemy</i>. The one that wants to <i>remain hidden</i>. The one that wants to <i>distract</i> you and <i>deceive</i> you and <i>divide</i> you from the Lord and your husband! You see, that's how he works. Satan comes to <i>steal, kill and destroy</i>.</p>
Производные метафоры	
GOD IS THE COMMANDER-IN-CHIEF Область цели: GOD Область источника: COMMANDER-IN-CHIEF	<p>7. <i>The thief comes only to steal and kill and destroy. But I've come that you may have a life, and have it abundantly. But the Lord is faithful; He will strengthen and protect you from the evil one. Submit to God. Resist the devil, and he will flee.</i></p> <p>8. <i>But if God is fighting for her, you can hit the gym all you want to, bro. It's not looking good for you.</i></p> <p>9. <i>And my God is powerful. And my God is in charge. You can't fire Him and He'll never retire!</i></p> <p>10. <i>You are good and You are mighty and You are merciful!</i></p> <p>11. <i>Raise up warriors, Lord, who will fight on their knees, who will worship You with their whole hearts, Lord. Lord, call us to battle, that we may proclaim You King of Kings and Lord of Lords!</i></p> <p>12. <i>Elizabeth, you got to plead with God so that He can do what only He can do. And then you got to get out of the way and let Him do it!</i></p> <p>13. <i>Elizabeth, there's not room for you and God on the throne of your heart. It's either Him or it's you. You need to step down. Now, if you want victory, you're gonna have to first surrender.</i></p>
A BELIEVER IS A WARRIOR Область цели: BELIEVER Область источника: WARRIOR	<p>14. <i>Elizabeth, please forgive me for being so direct, but I see in you a warrior that needs to be awakened.</i></p> <p>15. <i>It's time for you to fight, Elizabeth. <...> It's time for you to fight the real enemy! It's time for you to take off the gloves and do it!</i></p>
PRAAYER IS A WEAPON Область цели: PRAAYER Область источника: WEAPON	<p>16. <i>If you will give me one hour a week, I can teach you how to fight the right way with the right weapons.</i></p> <p>17. <i>You will find some of my favorite scriptures in here. They were my battle plan to pray for my family.</i></p> <p>18. <i>He was pointing a knife at you and you told him to put it down in Jesus' name? / Right. Now when you write that down, don't leave out Jesus. People always leaving Jesus out. That's one of the reasons we're in the mess we in.</i></p> <p>19. <i>And you need to do your fighting in prayer!</i></p>
FAMILY IS A BATTLEFIELD Область цели: FAMILY Область источника: BATTLEFIELD	<p>20. <i>Just be careful, Elizabeth. You do not want World War III to break out in your home.</i></p> <p>21. <i>And you need to kick the real enemy out of your home with the word of God.</i></p> <p>22. <i>I will fight for our marriage.</i></p> <p>23. <i>Jesus is the Lord of this house. This house is under new management and that means you are out! And just in case you forgot, He has already defeated you.</i></p>

Рис.1. Концептуальные метафоры и их репрезентации
в кинокартине War Room

Концептуальная метафора SPIRITUAL LIFE IS WAR является основополагающей, поскольку отражает восприятие действительности верующим человеком через призму духовной войны, выполняя таким образом эвристическую функцию. Данная концептуальная метафора через конкретные лингвистические репрезентации дает объяснение причин жизненных проблем (пример 1), предлагает модель поведения дисциплинированного воина,

обнаруживающего врага (пример 6), действующего с правильной позиции (пример 3) и руководствующегося верной стратегией для победы над ним (пример 4).

Последующие метафоры являются производными по отношению к метафоре SPIRITUAL LIFE IS WAR и отражают аспекты ведения духовной войны. Тесно связаны между собой концептуальные метафоры GOD IS THE COMMANDER-IN-CHIEF и A BELIEVER IS A WARRIOR, которые описывают отношения верующего с Богом через призму военной иерархии, в которой Бог наделяется чертами верховного главнокомандующего (пример 11), обладающего неизменной верховной властью (пример 9), силой и превосходством (примеры 8, 10, 12), осуществляющего стратегическое руководство (пример 7) и обеспечивающего победу над противником (пример 13), а долгом верующего является доверять главнокомандующему, подчиняться боевым приказам и сражаться (примеры 7, 14, 15).

Концептуальная метафора PRAYER IS A WEAPON представляет молитву в качестве оружия, воздействующего на реальность (пример 18), которое требует обучения и практики (примеры 16, 19) и становится эффективным при активном использовании в рамках правильной стратегии (пример 17).

Концептуальная метафора FAMILY IS A BATTLEFIELD приписывает дому признаки зоны боевых действий (пример 20), таким образом превращая семью в стратегический объект, за который ведется борьба (примеры 21, 22). Приведенный в таблице последний пример репрезентации данной метафоры логически завершает сюжет кинокартин провозглашением победы и сохранения семьи: духовная война (SPIRITUAL LIFE IS WAR), которая велась воином (A BELIEVER IS A WARRIOR) с помощью конкретного оружия (PRAYER IS A WEAPON) по приказу главнокомандующего (GOD IS THE COMMANDER-IN-CHIEF) на конкретной территории (FAMILY IS A BATTLEFIELD) завершилась победой и установлением новой власти на завоеванной территории.

Лингвистические репрезентации обозначенных концептуальных метафор выполняют в кинотексте все выделенные ранее функции: номинативную (пример 1 емко резюмирует ситуацию духовной борьбы, о которой далее повествуется в кинокартине), стилистическую (пример 13 содержит яркий художественный образ, в котором смирение осмысляется как добровольное отречение от престола ради высшей победы), композиционную (вынесенная в название фильма метафора “*war room*” выступает смысловым стержнем нарратива), прагматическую (пример 15 содержит прямой призыв героини к решительным действиям, выражаемый повторением конструкции “*It's time...*” и идиомой “*to take off the gloves*”), функцию презентации личности (пример 18 убедительно представляет мисс Клару как опытного ветерана духовной войны, обладающего непоколебимой верой в силу имени Иисуса как действенного оружия), эвристическую функцию (пример 6 содержит мысль, которая перестраивает картину мира главной героини, поскольку переносит причину конфликта из бытовой плоскости (ссора с мужем) в духовную (атака сатаны),

открывая новое, неочевидное измерение проблемы и тем самым задавая принципиально иную стратегию ее решения).

Результаты исследования показывают, что выявленные в кинокартинах концептуальные метафоры создают единое метафорическое поле, которое отражает восприятие мира верующим человеком через призму духовной борьбы. Таким образом, концептуальная метафора может рассматриваться в качестве ключевого механизма функционирования христианского дискурса в кинокартинах, что служит подтверждением дискурсивного характера метафоры.

Литература

1. Матвеева Е.В. Киноискусство как форма репрезентации христианского дискурса // Материалы XII Международной научной конф. «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах». Челябинск, 2024. С. 67-70.
2. Бобырева Е.В. Характеристики религиозного дискурса // Lingua mobilis. 2009. № 3 (17). С. 54-63.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
4. Самигуллина А.С., Мурясов Р.З. Этюды о метафоре / А.С. Самигуллина, Р.З. Мурясов. М.: Триумф, 2023. 170 с.

© Матвеева Е.В., 2025

УДК 81'373.21

Д.Р. Миниярова
УУНиТ, Уфа, Россия
dminiyarova@yandex.ru

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ УРБАНОНИМИЧЕСКИХ СИСТЕМ ВАШИНГТОНА, ЛОНДОНА И КАНБЕРРЫ: ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ

Аннотация. Данная обзорная статья посвящена описанию экстралингвистических факторов, которые влияют на формирование урбанизмических систем трех англоязычных столиц – Вашингтона, Лондона и Канберры. В данной статье также дается краткая характеристика урбанизации рассматриваемых городов. Актуальность темы обусловлена возрастающим интересом к разностороннему исследованию городских топонимов столиц.

Ключевые слова: экстралингвистические факторы, топонимы, урбанизмы, урбанизмическая система, культура.

EXTRALINGUISTIC FACTORS IN THE FORMATION OF URBANONYMS IN WASHINGTON, DC, LONDON AND CANBERRA: REVIEW ARTICLE

Abstract. This review article focuses on describing the extralinguistic factors that influence the formation of the urbanonymic systems in three English-speaking capitals: Washington, DC., London, and Canberra. The article also offers a brief analysis of the urbanonymy of the studied cities. The topic's significance is driven by the growing interest in multidisciplinary studies of capital city toponyms.

Key words: extralinguistic factors, toponyms, urbanonyms, urbanonymic system, culture.

Значение слова не исчерпывается словарной дефиницией; оно вбирает в себя комплекс лингвистических и культурных смыслов [1]. Культура общества проявляется посредством топонимов, репрезентирующих историю народа, его ценности, верования и быт; терминов, обозначающих природные, городские и флоро-фаунистические особенности окружающей среды, а также антропонимов (имен выдающихся личностей, например, политиков, спортсменов, общественных и литературных деятелей) [2]. Антропонимы и топонимы, будучи именами собственными, являются прецедентными именами, так как широко известны носителям языка и имеют историческую связь с лингвокультурным сообществом данной территории [1]. Носитель языка языковая личность источник и конечная точка всех культурологических и языковых процессов [3].

Актуальность исследований экстралингвистических факторов, влияющих на формирование прецедентных имен, определяется возрастающим интересом к сопоставительному анализу топонимических (в том числе урбанонимических) систем, сформировавшихся в различных историко-культурных условиях и под влиянием разнообразных моделей заимствования и адаптации.

Экстралингвистическими факторами, которые участвуют в становлении процесса формирования способов и мотивов номинации в урбанонимической системе, являются доминирующая идеология, изменения моделей социальной жизни общества и этническая политика. Подобное воздействие объясняется урбанизацией, миграцией населения, развитием торговли, предпринимательства и рекламы, политическими процессами, происходящими в том числе на международном уровне. Более того, как отмечает С.В. Иванова, языковая семантика (частью которой также являются топонимы) «подвержена влиянию извне» [3]. Построение урбанонимической системы основано на применении устойчивых мотивов номинации из множества типов мотивированных признаков.

Способ отражения культурной информации в городских номинациях связан с сохранением духовной и материальной культуры народа через культурный фон в лексике для отражения ментальной картины мира и территориальной идентичности в урбанонимии [4]. Под влиянием социальных и исторических факторов происходит отбор мотивов и принципов номинации,

что способствует восприятию топонимии как «зеркала человеческой истории» [5].

Выступая как культурно-географический и лингвокультурологический феномен, урбанонимы способны к выражению ценностей общества, так как в урбанонимической лексике заключается богатая информация о системе ценностных ориентиров того или иного народа, раскрывающая особенности мировоззрения и являющаяся своеобразным ориентиром в познании окружающей среды. Формирование урбанонимических номинаций также определяется человеческой деятельностью, связанной с конкретной территорией.

Сопоставительный лексико-семантический и лингвокультурологический анализ урбанонимических систем Вашингтона, Лондона и Канберры позволяет выявить характерные национально-культурные особенности урбанонимических систем, исторические и социально-культурные аспекты мотивации в формировании названий городских объектов, а также создать целостное представление о языковом ландшафте исследуемых англоязычных столиц.

Одним из основных факторов, повлиявших на формирование языкового ландшафта Вашингтона и Канберры, является колонизация американского и австралийского континентов и связь с Великобританией как с метрополией. Важно подчеркнуть ключевое различие в историческом развитии двух стран в колониальный период, заключающееся в способе обретения независимости. Становление Соединенных Штатов Америки было следствием вооруженной борьбы за независимость от метрополии. Колонии Австралии в свою очередь в 1901 г. были объединены в *Австралийский Союз*, получивший свою независимость в 1942 году. Подобного рода различие в истории становления двух стран как независимых государств значительно повлияло на причину и мотив номинации в процессе формирования урбанонимических систем Вашингтона и Канберры. Также необходимо отметить, что с переселением колонистов на континенты происходила миграция культуры с ее религиозными, политическими, правовыми и общественными институтами. Другими словами, присваивание названий географическим объектам на новых землях в тот или иной период, зависели от стремлений и убеждений колонистов и первых поселенцев.

Колониальная эпоха в США сыграла ключевую роль в истории страны, в формировании американской национальной идентичности, а также таких политических, социальных и культурных основ нации, как поддержка общественных движений за гражданские права и символ демократии, правового государства и индивидуальных свобод. Исторические аспекты мотивировки названий городских объектов Вашингтона имеют важное символическое и политическое значение для американского общества, так как они отражают борьбу за независимость британских колоний от Британской империи.

Для урбанонимической системы Канберры характерно отражение освоения и развития Австралии через антропоурбанонимы, так как многие переселенцы австралийского континента были первыми на новом месте – они открывали и исследовали совершенно новый и незнакомый мир. Данное

первенство было увековечено в многочисленных названиях внутригородских объектов. Достижения пионеров представляется возможным распределить по следующим направлениям: становление и развитие сельского хозяйства (земледелие и животноводство), производство австралийской шерсти, сахарная промышленность, строительство водопроводов, золотодобыча, лесоводство и др. Необходимо отметить присутствие в урбанонимической системе Канберры улиц, названных в честь мореплавателей и исследователей. Подобные номинации подчеркивают важность совершенных географических и других научных открытий. Не менее важными являются фито-зоонимические урбанонимы, отражающие эндемичную флору и фауну материка, и хозяйственно-бытовые урбанонимы, демонстрирующие на языках аборигенов уникальные особенности быта коренных жителей Австралии.

Урбанонимическая система Лондона характеризуется большой вариативностью категорий номинации и культурно-историческим наследием, связанным с топонимическими пластами современного английского языка, которые отражают многовековую историю страны, так как они складывались на протяжении длительного времени под влиянием англосаксонского, нормандского, а также кельтских и скандинавских языков (город был основан в I в. н.э.). Также встречается большое количество искажений городских названий и случаев невозможности установить источник наименования. Для урбанонимической системы Лондона характерно значительное присутствие эргонимических урбанонимов, что объясняется экономическим и социально-историческим развитием города и значимостью различных профессий, развития ремесла, торговли и рыночных отношений. Эргонимические названия улиц имеют метонимическую ориентацию, так как они образовались в результате метонимической трансонимизации («принцип соприкосновения двух объектов» [6] – названия улиц мотивированы эргонимами) и метонимической онимизации апеллятива (имена нарицательные, обозначающие ремесла, профессии и предметы торговли). Значительная часть лондонских урбанонимов связана с именами владельцев недвижимости и земли (антропонимические урбанонимы), что отражает историческую тенденцию демонстрации мест проживания лондонской знати и жителей Лондона, имевших определенную собственность в этом городе. Не менее важными являются номинации городских объектов связанные с историей религии, например, улицы, названные по наименованию стационарных храмов и монастырей. В Лондоне многие улицы указывают на местоположение зданий с многовековой историей, которые являются туристической достопримечательностью города и страны.

Таким образом, названия городских объектов отражают торговые, промышленные, общественные, религиозные, архитектурные и другие аспекты языкового ландшафта столиц, а также указывают на важные исторические события и увековечивают имена людей, внесших вклад в развитие города и страны. Комплексный и многоаспектный анализ урбанонимов англоязычных столиц Вашингтона, Лондона и Канберры раскрывает лексико-семантические мотивы и закономерности формирования урбанонимического пространства рассматриваемых городов под влиянием экстралингвистических факторов и

позволяет выявить особенности в контексте их исторического и культурного развития, формируя портрет внутригородского пространства.

Литература

1. Иванова С.В. Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности: Учебное пособие. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 134 с.
2. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. – М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.
3. Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: спряжение парадигм: учебное пособие. Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 152 с.
4. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии учебное пособие / под ред. проф. В.Д. Бондалетова. – 5-е изд. – М.: Флинта, Наука, 2009. – 181 с.
5. Фаткуллина, Ф. Г. Топонимы как компонент языковой картины мира // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – С. 1174.
6. Горбаневский М.В. Русская городская топонимия. – М.: ОЛРС, 1996. – 160 с.

© Миниярова Д.Р., 2025

УДК 811.112.2'28(075)

Т.Н. Москвина
АлтГПУ, Барнаул, Россия
moskvina@altspu.ru

О СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ

Аннотация. В статье рассматриваются процессы лексического и семантического варьирования в немецких диалектах в России в русле теории языковых контактов и семантической деривации. Ключевым аспектом является обращение к фактам истории языка при синхронном описании лексики. Предпринимается попытка комплексного рассмотрения динамики развития значения лексических единиц в сопоставлении с прежним состоянием немецкого языка и его диалектов, а также определение степени влияния русского языка.

Ключевые слова: островная немецкая диалектология, языковые контакты, диалектная лексика, варьирование, вариативность, семантическая деривация.

SEMANTIC PROCESSES IN INSULAR GERMAN DIALECTS

Abstract. This article examines the processes of lexical and semantic variation in German dialects in Russia within the framework of language contact and semantic derivation theory. A key aspect is the use of historical linguistic facts in the synchronic description of vocabulary. An attempt is made to comprehensively examine the dynamics of the development of lexical unit meanings in comparison with the previous state of the German language and its dialects, as well as to determine the degree of influence of the Russian language.

Key words: insular German dialectology, language contact, dialectal vocabulary, variation, variability, semantic derivation.

Немецкие диалекты в России, сохранившиеся в отдельных регионах с компактным проживанием российских немцев и используемые уже более 250 лет в качестве языка преимущественно семейного общения, характеризуются особым типом их развития вне основного языкового ареала. Объектом исследования являются немецкие говоры разных диалектных групп, бытующих в Немецком национальном районе Алтайского края. Материалом исследования служат диалектные записи, полученные в ходе диалектологических экспедиций конца 20 в., тематические научные исследования, диалектные словари и атласы, имеющиеся в распоряжении научного коллектива УНИЛ «Языковая вариативность и межкультурное взаимодействие» лингвистического института Алтайского государственного педагогического университета под руководством профессора Л.И. Москалюк, а также полевые материалы автора 2001 и 2004 гг. и диалектологической экспедиции 2024 г. При этом привлекаются данные исторических и диалектных словарей, а также более ранние исследования немецких диалектов в России в начале 20 в., выполненные В.М. Жирмунским и его учениками.

Все говоры являются смешанными образованиями и утратили давно свои первичные диалектные признаки. Процессы смешения и выравнивания (*Ausgleich*, униформация по терминологии В.М. Жирмунского) обусловили формирование новых междиалектных образований с новыми, вторичными диалектными признаками. В ходе комплексного анализа всех уровней языковой системы исследователи отмечают, с одной стороны, консерватизм и архаизацию старых форм и значений, характерных еще для средневерхненемецкого периода, а с другой стороны, особое развитие под влиянием языка окружения, преимущественно русского языка [1]. Понятие «языкового острова» и изменение языка тесно связаны, они являются источником данных для изучения исторических процессов, выявления закономерностей для региональных вариантов немецкого языка вне основного языкового сообщества.

Случай сохранения старых значений лексем (архаизация значений), которые утрачены уже в литературном немецком языке, но частично сохранились в некоторых диалектах Германии, можно условно разделить на две группы. Первую группу будут составлять слова, значение которых еще сохранилось в языковой памяти носителей немецкого языка и интуитивно понятно им. Сюда можно отнести глаголы *jagen* в значении 'sich streiten' и *befreien* в значении 'heiraten'. Последний глагол используется исключительно в нижненемецких диалектах (*Pattdeutsch/Plautdietsch*), например, *Fremde befreie* (выйти замуж/ жениться на человеке из другого села, другой веры). Глагол *jagen* употребляется в старом значении во всех диалектных группах и в большинстве обследованных сел. Ко второй группе можно отнести собственно диалектную лексику с условно затемненной этимологией, т.е. не прослеживается связь с современным значением слова и только в исторических

словарях находятся следы и объяснение исходной семантики. Рассмотрим на примере лексемы *Fuchtele* ('ein hektischer, unruhiger Mensch, егоза'). Современное значение существительного *Fuchtel* „*umg. strenge, tyrannische Herrschaft, Zucht*“ [2]. Исторические словари (Grimm Wörterbuch, Dialektwörterbuchnetz Trier) указывают наличие в прошлом следующих значений (с сохранением орфографии оригинала):

- 1) ein degen mit breiter klinge zu flachem schlagen (шпага),
- 2) ein schlag mit der fuchtel. (удар шпагой, колоть шпагой)
- 3) eine fackel (факел)
- 4) ein fächer. schwäbisch bei Schmid windfuchtel = fächer.
- 5) eine flüchtige, viel umherfahrende leichtsinnige weibsperson (спешащая, часто легкомысленная женщина) [3].

Именно в значении (5) находим подтверждение существования ранее подобного значения, имеются отсылки к другим диалектным группам того периода. На наш взгляд, здесь мы имеем дело уже со случаем семантической деривации и можем проследить развитие значения и формирование производных значений многозначного слова (быстрое движение шпагой – быстрый как ветер – ветреный – легкомысленный).

Во многом это может быть субъективная интерпретация исследователя. На эти аспекты обращает внимание Ж.Ж. Варбот в работе «О специфике диалектной этимологии»: «результаты этимологических исследований (...) имеют гипотетический характер, что и объясняет в значительной степени не только факты смены версий происхождения определенного слова, но и возможность их сосуществования. (...) Случайное вторгается и в самый процесс этимологического исследования в форме фрагментарности доступного материала, увеличение которого зависит от случая – обнаружения, публикации новых лексических данных» [4, с. 7-9]. Это в полной мере справедливо для островных диалектов, которые имеют исключительно устную форму существования, являются исчезающим вариантом языка с небольшим количеством носителей диалекта, незначительным количеством контекстных словоупотреблений отдельных лексем.

Явления семантической деривации на материале островных немецких диалектов представляют проблемное поле в диалектологии, поскольку требует рассмотрения семантических процессов в диалектной лексике как минимум в двух плоскостях: внутренние закономерности развития немецкого языка, заложенные еще в средневерхненемецкий период и продолжившиеся уже на территории России семантические процессы, с одной стороны, и семантическая деривация/ семантическое словообразование (Е.В. Падучева, Ю.Д. Апресян) под влиянием языковых контактов с русским языком и русской культурой. Здесь мы видим два возможных вектора исследований: это попытка систематизации процессов семантической деривации и «семантических переходов» по концепции Анны А. Зализняк и выявление случаев семантического калькирования или изменения значения под влиянием лексемы с аналогичным или сходным значением из русского языка.

В своей концепции «Каталога семантических переходов» Анна А. Зализняк рассматривает случаи регулярной семантической деривации, т.н. семантические переходы, которые можно рассматривать как схему, направление изменений (например, ‘схватить’ → ‘понять’ во многих языках (нем. *begreifen*, англ. *to catch*, франц. *saisir*). Ключевым при этом является обращение к фактам диахронии при синхронном описании лексики [5, с. 13-15]. В немецкой германистике в области исторической семантики это сопоставимо с понятием *Entwicklungspfad* (путь развития) [6, S. 54f]. На диалектном материале мы можем проследить следующие закономерности. В островных говорах отсутствует базовая лексема „*weinen*“, в качестве нейтральной лексемы используются глаголы, исходная семантика которых обозначает звуки, издаваемые в основном животными: *heele* (*heulen*), *priele* (*brüllen*), *plärre* (*plärren*), *piense*, *jule* (*jaulen*), *kreine* (*greinen*), *kreische* (*kreischen*). Гипотетичность таких переходов обусловлена сопоставлением не разных языков, а разных диалектов одного и того же языка.

Другим неоднозначным процессом является семантическое калькирование. На наш взгляд, к таким случаям можно отнести глагол *abschaffen*. В немецких диалектах в России *schaffen* используется практически повсеместно в значении и вместо глагола *arbeiten*. А также его производные являются очень продуктивными. Глагол *abschaffen* встречается же в значении 'die Arbeit eine Zeitlang erledigt haben' (русс. отработать). Значение русского глагола совершенного вида передается приставкой *ab-* и в целом глагол приобретает дополнительное, несвойственное немецкому языку, значение, причем употребляется уже как непереходный глагол.

Un to hun ich in ti Schwainfirma keschafft. To hun ich 9 Johr apkeschafft. – Und da habe ich in der Schweinefarm gearbeitet. Da habe ich 9 Jahre gearbeitet. / Тогда я работал на свиноферме. Отработал 9 лет.

На наш взгляд, подобное явление может быть как случаем внутреннего языкового варьирования лексемы и приобретения ею дополнительного значения с помощью приставки, выполняя при этом компенсаторную функцию и закрывая некоторую смысловую лакуну, а также может рассматриваться как семантическая калька из русского языка. Рассматривая разные факторы, Анна А. Зализняк указывает, что «для языков, которые в принципе находятся между собой в постоянном контакте, граница между этими двумя явлениями до некоторой степени стирается... Тем самым некоторое подозрение в несамостоятельности той или иной семантической деривации имеется почти всегда» [5, с. 22].

Таким образом, фиксируя случаи изменения значения лексических единиц и случаи их многозначности, нехарактерной для аналогичной лексемы в литературном немецком языке или других немецких диалектах, мы можем предположить интерферирующее влияние русского языка. Для островной немецкой диалектологии ценность представляют все аспекты варьирования формы и содержания диалектных единиц для понимания специфики и динамики их развития в диахронии и синхронии.

Литература:

1. Москалюк Л.И. Немецкие «языковые острова» в Алтайском крае // Вопросы языкоznания. – 2014. – № 3. – С. 55-66.
2. DWDS: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. www.dwds.de
3. DWB: Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm <http://woerterbuchnetz.de/DWB/>
4. Варбот Ж.Ж. О специфике диалектной этимологии / Ж.Ж. Варбот // Этимологические исследования: Материалы I-II науч. совещаний по русской диалектной этимологии. Екатеринбург, 10-12 октября 1991 г.; 17-19 апреля 1996 г. Вып. 6. Екатеринбург, 1996. С. 7-17.
5. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкоznания. № 2, 2001. – С. 13-25.
6. Fritz G. Historische Semantik. Stuttgart, Weimar: Metzler. 1998. – 196 S.

© Москвина Т.Н., 2025

УДК 81'42

В.Р. Муравлева
ВУМО РФ, Москва, Россия
VR.Muravleva@mail.ru

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА И ДИНАМИКА СМЫСЛОВ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье рассматривается культура как динамическая система порождения и трансформации смыслов, основанная на коммуникативной деятельности человека. Анализируются механизмы формирования и трансформации культурнообусловленного «интенционального мира», определяемого pragmasemantическими процессами, а также функционированием ценностно-регулятивных систем и культурных констант. Рассматривается роль, которую в данных процессах играют международные конфликты.

Ключевые слова: смыслообразование, культура, pragmasemantika, ценности.

LANGUAGE, CULTURE, AND THE DYNAMICS OF MEANINGS: A LINGUISTIC PERSPECTIVE ON SOCIAL PRACTICES

Abstract. The article considers culture as a dynamic system of generation and transformation of meanings based on human communicative activity. The mechanisms of formation and transformation of a culturally conditioned "intentional world" determined by pragmasemantic processes, as well as the functioning of value-regulatory systems and cultural constants are analyzed. The role that international conflicts play in these processes is considered.

Key words: sense formation, culture, pragmasemantics, values.

Культура была и остается одним из феноменов человеческой жизни, вызывающим бурные споры между учеными, науками и народами. Одни делают акцент на материальной природе культуры, кто-то, напротив, на нематериальной, а некоторые и вовсе на небиологических аспектах (знания, ценности и модели их интерпретации). Так, А. Моль определяет культуру как «мозаичный след, оставляемый искусственным окружением в сознании отдельной личности» [1, с. 45], или как «структуру знаний, которыми человек обладает как элемент некоторой социальной группы» [1, с. 46].

Генетически наследуемые системы, безусловно, влияют на поведение человека, однако, ведущую роль в формировании сохранении культурного кода нации играют коммуникативные системы человека, позволяющие не только накапливать информацию, но и обеспечивать выработку и трансформацию бесконечного множества социокультурных смыслов. По мнению С.Г. Тер-Минасовой осмысление культур возможно исключительно в рамках контрастивной соотнесенности языков во всем своем многообразном проявлении [2, с. 52]. Ю.В. Чернявская также отмечает, что «языковая культура может быть определена как дискурсивно порождаемая идеологическая система ориентиров, в которой одна речевая и коммуникативная практика отличается от другой» [3, с. 82]

В связи с вышесказанным мы можем полагать, что концептуальные (культурные) картины мира реализуются непременно в некоем коммуникативном пространстве («семиотической системе восприятия и рубрикации предметного мира» [4, с. 41-42]). Что приобретает особую значимость в современную эпоху, когда человеческая деятельность зиждется на перманентном «порождении, циркуляции и трансформации ценностей и смыслов» [5, с. 212].

Так, культура каждого отдельного народа – это этноспецифический инвариант универсальной культуры, основанный на интенциональном выстраивании значимых систем культурных констант («ментальных значений, которые вызывают в нас те или иные мысли, эмоции, мотивы деятельности» [6, с. 9-10]). Это значит, что культурные артефакты (в широком, а вовсе не только материальном своем воплощении) приобретают мотивационную силу, определяющую поступки и поведение индивида, что, в совокупности с определенным уровнем преемственности культуры из поколения в поколение, позволяет людям минимизировать угрозы противоречивого мира за счет сравнения образов окружающей действительности и «образа Я (мы)».

Именно этот комплекс культурных координат определяет в сознании представителя той или иной культуры «рельеф» действительности (ее смысловой контекст), в которой он должен действовать.

Первостепенными следует считать общекультурные смысловые пространства, задающиеся прагмасемантикой таких социокультурных практик (например, политика, право), которые устанавливают ценностно-регулятивные (нормативные) параметры взаимодействия людей как внутри своей культуры, так и на межкультурном уровне.

Базовыми культурными константами любой народности можно назвать понятия «добра» и «зла», «своего» и «чужого». «К этим значимым объектам стягиваются все смысловые связи картины мира, они же задают сюжет в жизни общества, поскольку через их посредство на реальную действительность проецируется тот конфликт между «источником добра» и «источником зла», который представлен в данной культуре» [6, с. 20]. Разница культур определяется, по большому счету, их диспозициями, способами взаимосвязи и взаимодействия. И здесь немаловажную роль играет политика. Коммуникативные практики постепенно выводят ценности (новые или трансформированные) на институциональный уровень, закрепляя их в сознании индивидуумов [7]. В современных реалиях стоит отметить, что подобные политические сдвиги способствуют разжиганию, как минимум внутренних этнических конфликтов, способных разрастись до межгосударственных военных противостояний [8, с. 522]. Дело в том, что при переходе от одних ценностных координат к другим происходит частичная утрата смыслов. Осколки «былой культуры» не позволяют принять новшества, вызывая у индивидуума состояние культурно-ценостного диссонанса, существенно осложняя деятельность человека в обществе. В результате мы сталкиваемся с повышением антагонистических проявлений в коммуникативных практиках (противостояние «свой-чужой», «друг-враг») [9, 10].

Таким образом, культура, понимаемая как дискурсивно конструируемая система ценностей, смыслов и поведенческих ориентиров, служит основным механизмом, структурирующим коллективное и индивидуальное сознание. Её стабильность и трансформация напрямую зависят от коммуникативных практик, которые закрепляют ключевые бинарные оппозиции, такие как «свой-чужой» и «добро-зло». Однако в эпоху динамичных социальных изменений навязывание новых ценностных координат политическими средствами ведет к культурно-ценостному диссонансу, что чревато ростом антагонизмов и конфликтов как внутри общества, так и на международной арене, демонстрируя хрупкость и первостепенную важность семиотических основ человеческого взаимодействия.

Литература

1. Моль, А. Социодинамика культуры. М. , 1973. – 305 с.
2. Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2008. – 297 с.
3. Чернявская, Ю.В. Народная культура и национальные традиции / Ю.В. Чернявская. – Минск, 1998. – 170 с.
4. Романов, А.С. (а). Этнические стереотипы армейской субкультурной среды США в знаках языка и культуры: монография / А.С. Романов. – М.: Военный университет, 2017. – 231 с.
5. Золян, С.Т., Тульчинский Г.Л., Чернявская В.Е. Прагмасемантика и философия языка / Под ред. С.Т. Золяна. М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. 328 с.

6. Лурье, С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы: учебное пособие / С.В. Лурье. Москва: Академический Проект, 2020. 624 с.
7. Макаренко, А.С. К вопросу об индексальности языковой идеологии / А.С. Макаренко, В.Р. Муравлева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 5-2. – С. 163-165. – DOI 10.37882/2223-2982.2023.5-2.24. – EDN DRNXSC.
8. Суркова, Е.В. Военная фразеология в языке СМИ периода СВО / Е.В. Суркова // Военно-гуманитарный альманах: Материалы XVIII Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации, Военный университет Минобороны России, 28 июня 2024 года. – Москва: Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ, 2024. – С. 516-523.
9. Муравлева, В.Р. Дихотомия СВОЙ – ЧУЖОЙ: ценностные детерминанты семантики (на материале русского и английского языков) / В.Р. Муравлева, А.С. Романов, М.Б. Клименко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 1590-1595.
10. Муравлева, В.Р. К определению психосоциальной природы антагонистической семантики «СВОЙ-ЧУЖОЙ» / В.Р. Муравлева // Всероссийская ежегодная декабрьская научно-практическая студенческая конференция : Сборник трудов конференции, Москва, 02–14 декабря 2022 года. Том II. – Москва: Российский новый университет, 2023. – С. 8-11.

© Муравлева В.Р., 2025

УДК 811'111

**А.С. Нуриахметова
Э.Р. Шакирова**
УУНиТ, Уфа, Россия
nuriyakhmetovaas@uust.ru
elshakki@gmail.com

ИИ-ПЕРЕВОДЧИКИ КАК «ВЕЛИКИЕ УРАВНИТЕЛИ»: УБЫЮТ ЛИ ТЕХНОЛОГИИ МОТИВАЦИЮ ИЗУЧАТЬ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК?

Аннотация. Актуальность данной статьи связана с тем, что в эпоху стремительного развития искусственного интеллекта нейросетевые переводчики стали работать практически безупречно. Они ломают языковые барьеры в реальном времени, позволяя мгновенно понимать иностранные тексты, вести переписку и даже устно общаться. Это ставит перед обществом ключевой вопрос: останется ли у людей мотивация учить английский язык – «язык глобального общения» - если технологии предлагают мгновенное и бесплатное решение. В статье анализируется, являются ли ИИ-переводчики «убийцами» мотивации или же они, напротив, открывают новые образовательные перспективы, трансформируя саму цель изучения языков в XXI веке.

Ключевые слова: искусственный интеллект, мотивация, английский язык, переводчик.

AI-TRANSLATORS AS "GREAT EQUALIZERS": WHETHER TECHNOLOGY WILL KILL MOTIVATION TO LEARN ENGLISH

Abstract. The relevance of this article is due to the fact that in an era of rapid development of artificial intelligence, neural network translators began to work almost flawlessly. They break down language barriers in real time, allowing you to instantly understand foreign texts, correspond and even communicate orally. This poses a key question for society: whether people will have the motivation to learn English - the «language of global communication» - if technology offers an instant and free solution. The article analyzes whether AI-translators are «killers» motivations or they, on the contrary, open new educational perspectives, transforming the very purpose of language learning in the 21st century.

Key words: artificial intelligence, motivation, English language, translator.

Еще 10-15 лет назад необходимость учить английский язык была аксиомой для любого, кто стремился к карьерному росту, свободным путешествиям или доступу к мировой культуре. Сегодня нейронные переводчики, такие как Google, Reverso, Яндекс.Переводчик и встроенные функции в мессенджерах, способны переводить целые страницы, сохраняя текст и стилистику, а в режиме реального времени – озвучивать и распознавать речь. Кажется, технологии вот-вот окончательно снимут проблему языкового барьера, после чего появился вопрос, для чего тратить годы на изучение языка, если его может идеально заменить и приложения для перевода. С распространением ИИ-переводчиков знание английского пройти тот же путь, что и умение водить машину с появлением автопилотов. Из обязательного навыка оно может превратиться в премиальную компетенцию, зачем учить правила, если «автопилот» везет безопасно и быстро. Однако те, кто все-таки научился водить, получают не только практическую пользу, но и свободу, контроль, удовольствие от процесса. Так и с языком: ИИ забирает на себя рутинную работу, но углубляет пропасть между «пользователями» и «творцами» [6, 5–15].

Для многих английский язык был не целью, а средством: прочитать инструкцию, понять контракт, заказать товар на зарубежном сайте. Если ИИ это делает за секунды, то практически стимул теряется. Раньше без английского языка нельзя было претендовать на позицию в международной компании или работу в ИТ. Сегодня некоторые работодатели уже смотрят на знание языка как опцию, если основные задачи не требуют прямого общения. Также, когда у человека есть возможность мгновенного перевода, исчезает необходимость тренировать «языковую мышцу» [5].

Парадоксально, но нейропереводчики не столько убивают интерес к английскому, сколько меняют его фокус. Раньше человек, не знающий азов, боялся даже начинать. Сегодня с помощью ИИ можно сразу погружаться в

сложные тексты, смотреть сериалы в оригинале с субтитрами-переводом, вести переписку – и параллельно незаметно учиться, подсматривая конструкции и запоминая слова. ИИ прекрасно переводит слова, но не всегда передает информацию, юмор, иронию или эмоциональную окраску. Люди, которые используют английский для глубоких связей – дружбы, любви, творческих объединений – по-прежнему чувствуют: без живого языка не обойтись. Машина может перевести ваш текст, но не сможет передать ваше мышление, мнение, эмоции, креативность, харизму. В бизнесе, науке, публичных выступлениях и лидерстве знание языка становится конкурентным преимуществом, отличающим человека от того, кого полагается только на технологии. Английский остается ключом не только к информации, но и к образу мыслей. Изучая его, человек учится видеть мир иначе – через призму другой культуры. Переводчик такой опыт не обеспечит [2].

Проникновение искусственного интеллекта в сферу перевода кардинально меняет профессиональный ландшафт. Как показывают исследования, более 40% переводчиков уже столкнулись со снижением доходов в связи с автоматизацией процессов, а три четверти специалистов выражают пессимизм относительно будущего своей профессии в условиях растущего влияния ИИ. Технологии синхронного перевода в реальном времени действительно открывают перспективу мира без языковых барьеров. Однако эта кажущаяся идиллия имеет свою скрытую цену [4, с. 338-347]. Стремясь к мгновенным решениям, современное общество рискует утратить уникальное культурное достояние – искусство глубокого освоения иностранных языков, которое представляет собой не просто коммуникативный навык, но и мощный инструмент формирования мышления и познания мира [1].

ИИ-переводчики действительно становятся «великими уравнителями»: они дают базовый доступ к межъязыковому общению почти всем. Но именно это и разделяет тех, кто довольствуется функционалом «понял/ответил», и тех, для кого язык – инструмент личностного и профессионального роста [3].

Мотивация не умирает, она трансформируется. Если раньше мы учили английский, чтобы «выжить» в глобальном мире, то теперь – чтобы «живь» в нем в полную силу: создавать, вдохновлять, дружить, лидировать. Технологии забрали рутину перевода, но подарили нам шанс изучать языки на более высоком, осмысленном уровне. Так что, отвечая на главный вопрос: нет, ИИ-переводчики не убывают мотивацию. Они предъявляют нам новый вызов – учиться языки не из страха отстать, а из желания шагнуть дальше, куда искусственный интеллект без человека зайти не сможет.

Литература

1. Зачем учить английский в эпоху нейросетей. URL: https://habr.com/ru/companies/yandex_praktikum/articles/952186/ (дата обращения: 20.11.2025).
2. Искусственный интеллект в роли переводчика: оценка современных технологий и их влияние на профессиональную сферу. URL: <https://apni.ru/article/10836-iskusstvennyj-intellekt-v-roli-perevodchika-ocenka->

sovremennoy-tehnologij-i-ih-vliyanie-na-professionalnyu-sferu (дата обращения: 20.11.2025).

3. Конец эпохи изучения языков: как наушики и искусственный интеллект убивают необходимость знать английский. URL: <https://news.1777.ru/116450-konec-epohi-izucheniya-yazykov-kak-naushniki-i-iskusstvennyy-intellekt-ubivayut-neobhodimost-znat-angliyskiy> (дата обращения: 16.11.2025).

4. Клишин А. И. Практика перевода и человеческий фактор // Инновационные процессы в современной науке. Материалы Международной (заочной) научно-«Мир науки» (ИП Вострецов Александр Ильич) (Нефтекамск) 2019. С. 338-347.

5. Переводчиков заменит ИИ: учить английский бессмысленно? URL: <https://dzen.ru/a/aJGnjm7rS1cGuAmq> (дата обращения: 20.11.2025).

6. Чжу Чжитин, Хань Чжунмэй и Хуан Чанцинь. Искусственный интеллект (eAI) в образовании: новая парадигма искусственного интеллекта (J). Исследования по аудиовизуальному образованию, 2021. № 1. С. 5-15.

© Нуриахметова А.С., Шакирова Э.Р., 2025

УДК 811.161.1.

**М.А. Однокая
Т.А. Дюкова**

ФГАОУ «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», Санкт-Петербург, Россия
drmariaodinokaya@gmail.ru
dyukova.t.05@mail.ru

РОЛЬ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В ФОРМИРОВАНИИ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Аннотация. Статья посвящена анализу роли тюркских заимствований в формировании русской лексики. Рассматриваются исторические предпосылки и основные пути проникновения тюркизмов через торговые, военные и культурные контакты. Особое внимание уделяется тематическим группам заимствований, охватывающим административную, военную, торговую и бытовую лексику. Анализируется глубокое влияние тюркизмов на русский язык, включая обогащение синонимических рядов и фразеологии. На конкретных примерах показан процесс полной ассимиляции тюркских слов в русской речи.
Ключевые слова: русский язык, заимствования, тюркизмы, культурные связи, тюркский язык, исторические контакты.

THE ROLE OF TURKIC LANGUAGES IN THE FORMATION OF RUSSIAN VOCABULARY

Abstract. This article analyzes the role of Turkic loanwords in the formation of Russian vocabulary. It examines the historical background and the main routes by which Turkic words penetrated Russian through trade, military, and cultural contacts.

Particular attention is paid to thematic groups of loanwords, encompassing administrative, military, commercial, and everyday vocabulary. The profound influence of Turkic words on the Russian language is analyzed, including the enrichment of synonyms and phraseology. Specific examples illustrate the process of complete assimilation of Turkic words into Russian speech.

Key words: Russian language, borrowings, Turkic words, cultural ties, Turkic language, historical contacts.

Русский язык, являясь живым и развивающимся организмом, на протяжении всей своей истории обогащался лексикой из самых разных источников. Одним из наиболее значимых и интересных пластов заимствований являются тюркизмы – слова, пришедшие из тюркских языков. Их проникновение в русскую речь не было случайным или единовременным актом, оно стало закономерным следствием многовековых исторических, экономических и культурных контактов между Русью, а затем Россией, и многочисленными тюркоязычными народами. Значение тюркских заимствований трудно переоценить: они затронули ключевые сферы жизни – от государственного управления и военного дела до торговли, быта и кулинарии, сделав русскую лексику более образной, разнообразной и отражающей сложную историю евразийского пространства.

Тесные отношения между русскими и тюркскими народами сложились благодаря географической близости и социально-экономическим связям. Торговля, военные конфликты, миграции и дипломатия способствовали проникновению тюркских слов в русский язык. Основные пути заимствования включали прямой контакт с кыпчакскими, огузскими и другими тюркскими племенами, а также посредничество через персидский и арабский языки. Наиболее активный период заимствований приходится на XIII–XV века время Золотой Орды, а также XVI–XVII века, когда усилились политические и торговые связи.

Пути заимствования тюркских слов были разнообразны:

1. Непосредственные контакты: через войну, дипломатию, торговлю и совместное проживание на смежных территориях.
2. Торговля: Великий шелковый путь и его северные ответвления, а также оживленная торговля с Волжской Булгарией и позднее с Крымским ханством способствовали проникновению множества торговых и бытовых терминов.
3. Культурное влияние: значительный пласт лексики был усвоен через литературные произведения и устное народное творчество, а также через заимствование элементов материальной культуры, одежды, кухни.

Как отмечает лингвист Н. А. Баскаков, процесс ассимиляции тюркизмов был длительным и постепенным, многие слова настолько органично влились в русский язык, что воспринимаются носителями как исконно русские.

Тюркизмы проникли практически во все сферы жизни русского общества, что позволяет выделить несколько тематических групп.

1. Административно-государственная и финансовая лексика: с эпохи Золотой Орды пришли такие слова, как деньги (от тюрк. *tenge*), казна, таможня (от *tamga* – клеймо, печать), ямщик (от *umat* – почтовая станция). Эти термины легли в основу формирующейся российской государственной системы.
2. Военное дело: поскольку тюркские народы были искусными воинами, русский язык заимствовал множество военных терминов: кнут, кинжал, сабля, есаул, караул, орда. Эти слова отражают влияние на русское военное искусство и организацию.
3. Торговля и ремесла: через торговлю пришли слова базар, балаган (первоначально – временная торговая палатка), аршин (мера длины), товар, чемодан (от *chemadan* – место для хранения вещей).
4. Быт, одежда и украшения: эта группа одна из самых обширных. Сюда относятся тулуп, кафтан, сарафан, армяк, башлык, колпак, бирюза, жемчуг, алмаз (от *almas*), лапша, арбуз (от *харбуз*), балык, карандаш (от *kara* – черный и *das* – камень).
5. Животный и растительный мир: для обозначения специфических представителей фауны и флоры также были заимствованы тюркские названия: собака (от *köbäk*), буланый (масть лошади), кабан, табун, соловей (от *solowey*), тюльпан (от *tülbend* – тюбан, из-за сходства формы).

Влияние тюркизмов на русский язык не сводится лишь к простому пополнению словарного запаса. Оно было более глубоким и комплексным. Тюркские слова в русском языке сыграли важную роль не только в расширении словарного фонда, но и в обогащении синонимических рядов, проникновении в фразеологию и полном освоении лексики.

Обогащение синонимических рядов происходило за счет того, что тюркизмы часто вводились в язык для обозначения новых понятий или вытесняли старославянские или русские слова, придавая речи новые смысловые оттенки. Например, слово деньги вытеснило исконно славянское куны, при этом оба слова обозначают валюту, но приобрели разные стилистические и исторические оттенки.

Тюркские заимствования глубоко проникли и в русскую фразеологию. Многие тюркизмы стали основой для устойчивых выражений и пословиц, которые широко используются в речи. Примеры таких выражений: «сирота казанская», «ходить караулом», «кричать караул». Эти выражения имеют тюркские корни и несут в себе особый колорит и историческое значение, что делает их неотъемлемой частью русской культурной памяти.

Адаптация и освоение тюркских слов в русском языке достигли высокого уровня. Подавляющее большинство этих слов полностью ассимилированы: они получили русские окончания, склоняются и спрягаются по правилам русского языка. Мы даже не ощущаем иноязычности таких слов как сарай, утюг или чулок, настолько они «обрусели» и стали естественной частью русского словаря. Важно отметить, что, в отличие от заимствований из западноевропейских языков, которые часто носили «интеллектуальный» или

технический характер, тюркизмы затронули самую основу повседневной, бытовой жизни, что сделало их неотъемлемой частью народной речи.

Рассмотрим несколько ярких примеров тюркизмов, прочно вошедших в русский язык:

1. Деньги. Происходит от тюркского *tenge* – первоначально серебряная монета. Это слово полностью вытеснило древнерусские названия и стало основой для многих производных (денежный, денежка).
2. Арбуз. Заимствовано через тюркские языки из персидского (*харбуза* – дыня). Яркий пример заимствования вместе с самим предметом.
3. Сарай. От тюрк. *saray* – дворец, большое здание. В русском языке значение несколько изменилось, обозначая более простое хозяйственное строение, однако в топонимике сохранило след первоначального значения (Сарай-Бату – столица Золотой Орды).
4. Бардак. Первоначально означало «глиняный кувшин для воды». В тюркских языках слово *bardaq* до сих пор сохраняет это нейтральное значение. В русском же оно приобрело резко негативный смысл, пройдя сложный семантический сдвиг.
5. Карандаш. Состоит из тюркских основ *kara* (черный) и *das* (камень). Изначально так называли минерал графит, использовавшийся для письма.

Эти слова широко употребляются в русском языке и хорошо воспринимаются как родные, что свидетельствует о длительной ассимиляции тюркской лексики.

Таким образом, роль тюркских заимствований в формировании русской лексики является фундаментальной и многогранной. Они не просто пополнили словарь русского языка, но и стали живым свидетельством глубоких и продолжительных исторических связей между русским и тюркскими народами. Пройдя долгий путь адаптации, эти слова настолько органично вписались в языковую ткань, что стали ее неотъемлемой частью. Изучение тюркизмов – это не только лингвистическая задача, но и ключ к пониманию общей истории, культуры и взаимного влияния народов, веками сосуществовавших на огромных просторах Евразии. Эти слова продолжают жить в нашей повседневной речи, являясь немыми, но красноречивыми свидетелями давних эпох.

Литература

1. Баскаков, Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения / Н.А. Баскаков. – Москва: Наука, 1979. – 279 с.
2. Благова, Г.Ф. Этимологический словарь тюркских заимствований / Г.Ф. Благова. – Москва: Языки русской культуры, 1997. – 368 с.
3. Крысин, Л.П. Иноязычные слова в современной русской речи / Л.П. Крысин. – Москва: Наука, 2019. – 294 с.
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – Москва: Астрель, 2009. – Т. 1–4.
5. Шанский, Н.М. Историческая грамматика русского языка / Н.М. Шанский. – Москва: Учпедгиз, 1957. – 396 с.

6. Шанский, Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – Москва: Просвещение, 1994. – 380 с.
7. Шипова, Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке / Е.Н. Шипова; под ред. Э.Р. Тенишева. – Алма-Ата: Наука, 1976. – 444 с.
8. Campbell, L. Historical Linguistics: An Introduction / L. Campbell. – 3rd ed. – London: Edinburgh University Press, 2013. – 449 p.
9. Johanson, L. Turkic-Iranian Contact Areas: Historical and Linguistic Aspects / L. Johanson. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. – 234 p. – ISBN 978-3-447-11645-2.
10. Matras, Y. Language Contact / Y. Matras. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 388 p.

© Одинокая М.А., Дюкова Т.А., 2025

УДК 811.161.1:81`37

О.Д. Паршина
ТГУ, Тольятти, Россия
parshinaod@mail.ru

РЕКУРСИВНЫЙ ХАРАКТЕР ИНВЕРТИРОВАНИЯ БИНАРНЫХ ОППОЗИЦИЙ В ЭКСПЛИКАЦИИ ПРОВИНЦИИ

Аннотация. В основу рассмотрения инвертирования бинарной оппозиции «столица – провинция» могут быть положены идеи так называемой воображаемой географии. Провинция в этом случае обладает не только географическими, сколько ментальными границами. В этом случае более общим случаем оппозиции «столица – провинция» можно считать диаду «свой – чужой». Эта оппозиция может быть представлена амбивалентно по рекурсивному типу: в зависимости от нахождения точки экспликации на том или ином компоненте диады.

Ключевые слова: оппозиция, столица, провинция, рекурсия, лингвистическая провинциология.

RECURSIVE CHARACTER OF INVERTING BINARY OPPOSITIONS IN PROVINCE EXPLICATIONS

Abstract. The basis for considering the inversion of the binary opposition “capital - province” can be based on the ideas of the so-called imaginary geography. The province in this case has not so much geographical as mental boundaries. In this case, a more general case of opposition “capital - province” can be considered the dyad “friend - foe”. This opposition can be presented ambivalently in a recursive manner: depending on the location of the point of explication on one or another component of the dyad.

Key words: opposition, capital, province, recursion, linguistic provincialogy.

Членение пространства в русской языковой картине мира базируется на инвертировании оппозиции «столица – провинция», которая носит рекурсивный характер. Описание механизмов подобного рекурсивного воспроизведения представляется актуальным для понимания того, каким образом носители языка обозначают границы и свойства окружающего их пространства. Настоящая работа выполнена в рамках лингвистической провинциологии – направления научных исследований, посвященных изучению особенностей экспликации семантики провинции в русском языке. Исследования в данном направлении ведутся представителями самарской лингвистической школы профессора Е.П. Иванян на протяжении шести лет [1-5].

Е.Н. Эртнер говорит об особой форме освоения провинции и способе феноменологизации места, которое заключается в переходе внутренней речи во внешнюю форму с передачей «деталей внешнего мира и изображения пространственных образов» [6, с.16].

В основу подобного явления могут быть положены идеи воображаемой географии. Этот термин ввел в научный обиход палестинский социолог и культуролог Э. Саида в книге «Ориентализм» [7]. Согласно его концепции, воображаемая география строится на социальном воображении и властных практиках, призванных осваивать отличное от себя. В этом случае географические границы становятся неважными. На первый план выходит система образов языка и дискурсивные практики [7, с.12].

В нашей стране в рамках подобного подхода А. В. Ремнёв предложил изучать регион через «образы пространства, где регион не столько историко-географическая область, сколько ментальная конструкция с динамичными, трудно определимыми границами» [8, с. 13].

Интересны в связи с этим мысли российского географа Б.Б. Родомана, который считает, что социальный и культурный ландшафт России анизотропен в том смысле, что <...> контраст «центр – периферия» очень существен, и он важнее, чем различия между природными зонами и чем различия между западом и востоком страны» [9]. Исследователь предлагает к осмыслению интересный образ, который во многом поддерживается и развивается в культурологических и лингвистических исследованиях: трансформация пространства страны, «заложенная еще в царской или даже допетровской России, еще больше усиливавшаяся в советское время, привела к тому, что регионы превратились в универсальные ячейки жизни общества. Люди живут в этих регионах, как в домах, квартирах. Это, так сказать, дома и квартиры более высокого уровня. Они более вещественны, чем это кажется» [9].

В качестве развития последней мысли можно предположить, что более общим случаем оппозиции «столица – провинция» можно считать диаду «свой – чужой». Причем эта оппозиция может быть представлена амбивалентно – в зависимости от точки, в которой присутствует говорящий.

В первом случае, если точка экспликации находится во втором элементе диады «провинция», происходит инвертирование оппозиции «свой – чужой»: столица – чужая, а провинция – своя.

Во втором случае, если точка экспликации находится в первом элементе диады «столица», диада «свой – чужой» представлена так: столица – своя, а провинция – чужая.

Характер такой инверсии можно признать рекурсивным. Философ В.В. Тарасенко рассматривает рекурсию как особый способ масштабирования при описании пространства. Иными словами говоря, рекурсия включает не только «место в пространстве, но и действующий в данном пространстве способ масштабирования» [10, с. 116].

Рассмотрим, как рекурсивное преобразование при инвертировании диады «столица – провинция», проявляется себя в языке.

Первая точка экспликации – субъект речи находится в провинции. Обозначение территории провинции осуществляется через присвоение ей характеристик, присущих первому компоненту диады «столица – провинция». Это проявляется в двух вариантах:

Во-первых, в синтаксических структурах с противопоставлением, например: *Автомобильная столица не Самара, а Тольятти, Самара – это пригород Тольятти* (<https://web.telegram.org/k/#-1745376347>). Можно видеть, что *Тольятти* – город, который не является центром Самарской области, – обозначен как *автомобильная столица*, в то время как областной центр *Самара* представлен *пригородом Тольятти*. Так проявляется инвертирование оппозиции «свой – чужой», а рекурсивный характер подобного инвертирования связан при обозначении территории с воспроизведением диады «столица – провинция».

Во-вторых, частным случаем рассмотренных выше конструкций можно считать перифрастические конструкции с компонентом «столица». Подробное рассмотрение таких конструкций представлено в нашей статье «Рекурсивная презентация семантики столицы в русской языковой картине мира». Приведем некоторые примеры для демонстрации моделей переноса свойств столицы на территорию провинции:

1) «центр государства → центр отдельной территории»: *Екатеринбург – столица Урала; Владивосток – столица Приморья; Урюпинск – столица российской глубинки/провинции и др.;*

2) «центр государства → центр деятельности, связанной с территорией»: *Тольятти – автомобильная столица, Самара – космическая столица, Ульяновск – авиационная столица, Сызрань – вертолетная столица и т.д.;*

3) «центр государства → центр атрибута, связанного с территорией»: *Томск – столица деревянного модерна, Великий Устюг – столица Деда Мороза, Сызрань – помидорная столица и т.д.*

Вторая точка экспликации – субъект речи присутствует в столице. В этом случае территория столицы сохраняет свои характеристики, территория провинции усиливает отрицательные, свойственные второму компоненту диады «столица – провинция». Рассмотрим пример: *Депутат Госдумы считает, что столица Урала резко контрастирует с областной провинцией, в которой население влечит жалкое существование... (С. Дементьев. Вооружен политехнологиями и очень опасен. Труд-7, 19.12.2003).*

Подобные отношения свойственны и другим компонентам семантического поля «Провинция»: *глушь, глубинка, глухомань* и т.д.

Например, лексема *глубинка* также может быть использована для рекурсивного во воспроизведения семантики диады «столица – провинция» по фрактальному типу: *Мировая глубинка, испуганная глобализацией, крахом традиционных ценностей, патриархальной семьи... пошла в контрнаступление на глобальный мегаполис* (Эйдман И. *Мировая глубинка против мегаполиса*. 2020) – глобальное пространство в отношении к центру); *Да как вам сказать, станция Подгорное, село Подгорное – областная глубинка, до Воронежа две сотни километров* (Известия. 06.07.2000) – пространство региона/области; *Оставим на время Кронштадтский тупик, городскую глубинку, куда такси и десяткой не заманишь, и обратимся к заботам квартала в центре Смоленска* (Известия. 30.08.1997) – пространство отдельного населенного пункта.

Таким образом, можно утверждать, что процедура номинации пространства провинции в русской языковой картине мира строится на основании инвертирования диады «свой – чужой». Процедура инвертирования сопровождается рекурсивным воспроизведением свойств первого или второго элемента оппозиции «столица – провинция». Для дальнейшего изучения вопроса можно признать важным проанализировать как происходит перераспределение признаков элементов диады в текстах разных типов и как происходит варьирование этой модели в зависимости от типа субъекта речи.

Литература

1. Иванян Е. П. К вопросу о проприальных единицах Российской провинции // Наука и культура России. 2022. Т. 1. С. 119-122.
2. Паршина О. Д. Рекурсивная презентация семантики столицы в русской языковой картине мира // Языковое сознание. Речевая коммуникация : Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Е. Гольдина, Саратов, 14–16 октября 2020 года. Саратов: ИЦ «Наука», 2020. С. 98-101.
3. Паршина О. Д. Русская глубинка: языковая экспликация семантики провинции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 12. С. 3859-3868.
4. Паршина О. Д. Семантические роли номинации «глушь» в категоризации пространства русской провинции // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России : материалы XIV Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 10 марта 2023 года. Том Выпуск 14. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2023. С. 217-221.
5. Бычкова В. С. Взаимоотношения центра и регионов, вербализованные в языковой паре «москвич - провинциал» // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России : материалы XIV Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 10 марта 2023 года. Том Выпуск 14. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2023. С. 222-225.

6. Эртнер Е.Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX - начала XX века: автореф. дис. На соискание учен. степени д-ра филол. наук / Уральский государственный ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2005. 42 с.
7. Сайд Э. Ориентализм. СПб.: Русский Мир, 2006. 639 с.
8. Сибирь в составе Российской империи / под ред. Л.М. Дамешека, А.В. Ремнева. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
9. Родоман Б.Б. Россия – административно-территориальный монстр [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01015/nauka03.php> (дата обращения 01.11.2025).
10. Тарасенко В. В. Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания. М.: Ленанд, 2020. 248 с.

© Паршина О.Д., 2025

УДК 81'23

Н.П. Пешкова
УУНИТ, г. Уфа, Россия
peshkovanp@rambler.ru

«СМЫСЛОВЫЕ СКВАЖИНЫ» ТЕКСТА КАК ИНСТРУМЕНТ ЕГО ПОНИМАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы понимания информации в форме текста, связанные с наличием в его содержании «смысловых скважин», т.е. пропусков автором определенной информации. Рассматриваются последние экспериментальные данные, свидетельствующие об актуальности проблемы для современной коммуникации. Обсуждаются особенности нового гипертекста, используемого в интернет-коммуникации и имеющего определенные преимущества, с точки зрения заполнения «смысловых скважин» и достижения наиболее полного понимания.

Ключевые слова: текст, гипертекст, содержание, смысл, «смысловые скважины», понимание, интерпретация.

“SEMANTIC GAPS” IN THE TEXT CONTENT AS AN INSTRUMENT OF ITS COMPREHENSION IN MODERN COMMUNICATION

Abstract. The paper discusses the problems of comprehending information in text form, related to the presence of "semantic gaps" in its content that is, certain information not mentioned by the author. The article examines recent experimental data demonstrating the relevance of this problem for modern communication. The article also discusses the characteristics of new hypertext used in Internet-communication, which offers certain advantages in terms of filling these "semantic gaps" and achieving the most complete comprehension.

Keywords: text, hypertext, content, sense, " semantic gaps", comprehension, interpretation.

Проблема восприятия, понимания и интерпретации текста сохраняет актуальность во всех своих аспектах в современной коммуникации, как интракультурной, так и межкультурной. Несмотря на множественные разработки различных теорий и моделей, большая часть вопросов, связанных с полным пониманием информации в форме текста, остается нерешенной и по сегодняшний день. Один из таких вопросов относится к понятию, так называемых, «смысловых скважин», введенному известным российским психологом, исследователем текста в процессах его продуцирования и осмыслиения, Н.И. Жинкиным, в одном из своих известных трудов и затем используемым им самим и его последователями [1].

Так, последователь теории текста Н.И. Жинкина, А.И. Новиков, отмечал, что решение проблемы достаточно полного понимания зависит от наличия некоторой взаимосвязи автора и адресата в процессах коммуникации. При этом, содержание текста всегда предполагает присутствие в нем «смысловых скважин», а «величина скважности определяется степенью взаимопонимания партнеров коммуникации» [2, с. 110]. Однако, при решении вопросов формализации содержания текста, именно, наличие подобной «скважности» в структуре содержания и смысла речевых произведений является одним из серьезных препятствий для успешной реализации задач, стоящих перед разработчиками программ. Избежать обращения к данной проблеме невозможно, поскольку любой текст естественного языка маркирован «скважностью» в той или иной степени.

Современные исследователи продолжают использовать данное понятие в связи проблемами интерпретации содержания текста, его многозначностью и многосмыслием, информативностью, способами формализации и т.п.

Так, на последнем, 21-ом Международном симпозиуме по психолингвистике и теории речевой деятельности обсуждались вопросы «смысловых скважин» в связи с пониманием и переводом различных видов современных текстов, включающих художественный и научный; последний – в плане преодоления его двусмысленности [3, с. 308].

Что касается изучения художественного текста в связи с обозначенной выше проблемой, его автор приходит, казалось бы, к достаточно банальному выводу о том, что при переводе преодоление неизбежных «смысловых скважин» напрямую зависит не только и не столько от передачи переводчиком (или, добавим мы, компьютерной программой) содержания текста-оригинала, сколько «от смысловой информации, которую имеет или не имеет переводчик» [4, с. 306].

Иными словами, при всей очевидности особой роли смыслового компонента текста, как при его восприятии и интерпретации на родном языке, так и в процессе перевода, единственным решением проблем полного понимания, связанных с данным аспектом, остается неизбежное заполнение «смысловых скважин», построенное на знании и адресатом текста, и тем, кто (или что) осуществляет перевод не просто информационно-содержательных компонентов, но и смысловых доминант, выходящих за пределы содержания.

Преодоление «скважности» текста является значимым и при оценке уровней понимания любого текста. К такому выводу можно прийти, проанализировав результаты экспериментального исследования, посвященного выявлению таких уровней и также представленного на упоминаемом выше психолингвистическом симпозиуме. Выполнение заданий, предложенных участникам эксперимента, требует от испытуемых формулирования их личных оценок и мнений, в том числе, связанных с оцениванием собственного понимания, а также передачи основной мысли и смысла прочитанного текста.

Все это предполагает обращение к имеющимся у них знаниям по проблемам, представленным в тексте; привлечение жизненного опыта; опору на культурные стереотипы и базовые ценности их социума в целом или подсоциума. Приведение в действие подобных механизмов способствует заполнению пропусков или «скважин» в содержании и смыслах текстов любого вида, не только художественных, на материале которых осуществлялось изучение различных уровней понимания письменного текста [5, с. 314-315].

Изучению таких механизмов, работающих на заполнение семантических пробелов в содержании текста, было посвящено и наше исследование. В предшествующих исследованиях с использованием метода «встречного текста» мы выявили, прежде всего, реакции участников наших экспериментов, эксплицирующие, непосредственно, сам процесс интерпретации ими содержания и смысла воспринимаемого текста. К ним мы отнесли такие, хорошо известные по данным оригинальной методики, виды, как: ассоциация и визуализация, интертекст и инфиксация, генерализация, перефразирование и перевод [6, с. 67-68]. Нами также были выявлены и описаны некоторые механизмы заполнения «смысловых скважин», реализуемые названными выше реакциями [7, с. 234-235].

В настоящее время мы бы выделили следующие механизмы, сохраняющие актуальность на сегодня, способствующие снижению скважности и достижению относительно полного понимания. Это: *интеграция* фрагментов информации разного рода, индивидуальных предварительных знаний и новой информации, извлеченной из содержания воспринимаемого текста; *дополнение* содержания, представленного в тексте, информацией, порой не связанной с ним, но имеющей значение для адресата; и *трансформация*, связанная с домысливанием содержания и смысла текста и внесением собственного видения проблем и ситуаций, представленных автором текста.

Следует сказать несколько слов о проблеме преодоления «скважности» содержания и в связи с новыми видами текстов, используемыми в интернет-коммуникации, в частности, о гипертексте.

Первоначально большинство исследователей ассоциировали гипертекст с компьютерной средой, считая его методом объединения большого количества документов в сеть, или рассматривали в качестве гипертекста большие информационные массивы, в пределах которых задаются и автоматически поддерживаются смысловые и ассоциативные связи между определенными фрагментами информации.

В современной коммуникации исследователи полагают что, наряду с гипертекстом интернет-коммуникации, такими же характеристика обладают тексты энциклопедий, справочной литературы, научные и профессиональные тексты, сопровождаемые предметным указателем. Иными словами, любой текст, преодолевающий смысловую избыточность с помощью тех же самых информационных пробелов, или «смысловых скважин», сопровождаемых авторскими ссылками на другие источники информации по проблемам, представляющим интерес для адресата, можно рассматривать в качестве гипертекста.

При этом «скважность» информации текста в подобных случаях, с одной стороны, позволяет конденсировать его содержание, следя еще одной современной тенденции, сжатия внешней формы речевого произведения, а с другой – дважды облегчает процесс восприятия текста, уменьшая его физический объем и направляя адресата в направлении, соответствующем его интересам, теоретического или прикладного характера.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что при понимании любого текста «смысловые скважины» в его содержании потенциально выступают механизмом, запускающим в языковом сознании адресата процессы информационно-смысловой интерпретации, но не всегда способствующим полному пониманию содержания и авторских смыслов. Однако, в условиях современной коммуникации такая ее характеристика, как гипертекстуальность, представляет собой одно из проявлений «смысловых скважин» и, одновременно, служит инструментом преодоления «скважности» текста, облегчая адресату смысловое восприятие информации и, тем самым, обеспечивая успешную реализацию полного понимания письменного текста в любой области деятельности коммуникантов.

Литература

1. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 159 с.
2. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
3. Николаева Н.Н. Двусмысленность в англоязычных научно-технических публикациях: коммуникативная проблема или необходимость // Теория речевой деятельности – новая парадигма в науке о языке: материалы XXI Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации в преддверии 90-летия со дня рождения А.А. Леонтьева и к 90-летию со дня рождения Е.Ф. Тарасова. – Воронеж: «Научная книга», 2025. – С. 306-308.
4. Масленникова Е.М. Смысловые скважины и информативность текста // Теория речевой деятельности – новая парадигма в науке о языке : материалы XXI Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации в преддверии 90-летия со дня рождения А.А. Леонтьева и к 90-летию со дня рождения Е.Ф. Тарасова. – Воронеж: «Научная книга», 2025. – С. 303-306.
5. Скаврон Е.А. Психолингвистическое исследование уровней понимания художественного текста // Теория речевой деятельности – новая парадигма в

науке о языке: материалы XXI Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации в преддверии 90-летия со дня рождения А.А. Леонтьева и к 90-летию со дня рождения Е.Ф. Тарасова. – Воронеж: «Научная книга», 2025. – С. 313-316.

6. Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 64-76.

7. Пешкова Н.П. Имплицитность в тексте: препятствие VS стимул и условие его понимания // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 223-236.

© Пешкова Н.П., 2025

УДК 81'43

А.М. Погорелко

Т.Н. Герасина

УУНиТ, Уфа, Россия

Pogorelkoam@mail.ru

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ МОДЕЛИ ШЕННОНА-УИВЕРА

Аннотация. Статья имеет целью рассмотрение ряда элементов модели коммуникации Шеннона-Уивера с точки зрения лингвистической интерпретации этих элементов как компонентов верbalного коммуникативного процесса. Их языковое преломление дает возможность дополнить классическое представление модели Шеннона-Уивера в теории коммуникации с помощью лингвистического взгляда на техническую в своей основе схему.

Ключевые слова: теория коммуникации, модель Шеннона-Уивера.

ON THE LINGUISTIC INTERPRETATION OF THE SHANNON-WEAVER COMMUNICATIVE MODEL

Abstract. The article deals with the linguistic interpretation of some elements of the Shannon-Weaver communicative model as components of natural language communication. Such kind of interpretation contributes to the classical presentation of the Shannon-Weaver model via linguistic viewpoint on the originally technical scheme.

Key words: communication theory, the Shannon-Weaver model.

В теории коммуникации к числу фундаментальных схем коммуникативного взаимодействия, сохраняющих свою актуальность до настоящего времени применительно к широкому кругу коммуникативных параметров, относится модель Шеннона-Уивера.

В данной статье мы ставим перед собой задачу показать, каким образом некоторые элементы и понятия модели Шеннона-Уивера могут быть прокомментированы и дополнены с точки зрения лингвистики, представляя

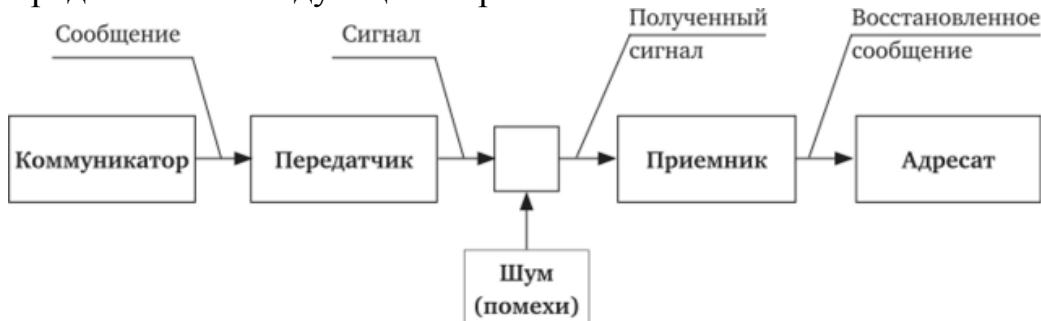
таким образом возможность использования элементов этой модели для описания ряда существенных свойств вербальной коммуникации.

Авторами модели, как известно, являются математики и криptoаналитики Клод Шеннон и Уоррен Уивер. Основой их модели послужила новая техническая концепция информации, оформленная статье К. Шеннона *Математическая теория связи*. Уивер позднее адаптировал технически сложное содержание этой концепции для более широкой аудитории в уже совместной с Шенноном работе. Разработанная Шенноном схема оказала фундаментальное влияние на последующее развитие теории информации и разные направления теории коммуникации. Прежде всего значимость новой концепции проявилась в областях, связанных с телекоммуникационными системами. Именно на этой сфере Шеннон и Уивер сосредоточили основное внимание, поскольку главные проблемы, которые их модель была призвана решать, относились к эффективности, точности и помехозащищенности передачи информации. Предложенная авторами математическая конструкция, соотносящая неопределенность (энтропию) и избыточность в передаваемых сообщениях (сигналах), позволила ввести практически удобные численные параметры в анализ потока передаваемой информации.

Следует отметить, что Шеннон и Уивер предусматривали в исследовании передачи информации три типа проблем: проблемы уровня А (технические), уровня В (семантические) и уровня С (проблемы эффективности) [1]. Однако собственно математическая теория информации была предназначена для проблем только первого типа – технических, что первоначально ограничило распространение качественных выводов их исследования на коммуникацию других типов. Семантические проблемы Шенноном и Уивером специально не рассматривались, поскольку авторы считали, что совершенствование декодирования само по себе способно обеспечить семантическую адекватность коммуникативного взаимодействия [4].

Тем не менее модель Шеннона-Уивера вовсе не ограничивается математическим аппаратом, ее конструктивные элементы показали свою работоспособность и в совершенно нетехнических системах коммуникации. Ее применимость в лингвистике мы и попытаемся прокомментировать.

Так, например, в графическом виде модель коммуникации Шеннона-Уивера обычно представляют следующим образом:

При попытке буквального применения этой схемы к языковой коммуникации возникает естественный вопрос: а нужны ли языку и лингвистике такие элементы как передатчик и приемник? Вне технической

области они представляются совершенно излишними. Однако нетрудно убедиться, что для этих компонентов логично обнаруживается теоретически значимый лингвистический смысл. Сообщение, оформленное в мысленной форме, превращается в сигнал, пройдя через «преобразующее устройство», в роли которого выступают семантика и грамматика языка. Именно языковая система кодировки и будет являться аналогом передатчика в вербальном переложении схемы Шеннона-Уивера. Аналогичным образом семантика и грамматика работают приемником для реципиента, расшифровывающего лексические значения, морфологию и синтаксис в содержательные структуры мысли. Такое представление знаковых преобразований удобно как для объяснения ограничений, накладываемых языком на многообразие ситуативных и индивидуальных оттенков смысла кодируемой мысли, так и на сложности и ошибки при восстановлении этого исходного многообразия при обратной операции, производимой реципиентом.

Существенным дополнением современной лингвистики к интерпретации этой коммуникативной схемы является необходимость учитывать поликодовый характер языкового общения. С одной стороны, вербальная коммуникация сопровождается подключением невербальных знаковых систем, которые работают в тесном взаимодействии с языком и при этом дополняют, дублируют, а иногда и видоизменяют семантику языковых знаков. С другой стороны, в саму лексическую семантику тоже оказываются «встроены» дополнительные коды, в роли которых выступают коды культуры. Их смысловое влияние очевидным образом выходит за границы словарных значений и очевидным же образом определяет логическую правильность и прагматическую эффективность понимания лексики.

Концепция культурных кодов базируется на теоретическом основании семиотико-символической трактовки культуры. Из этой трактовки следует, что любая культурная подсистема помимо своего когнитивного, этического, эстетического или просто вещественного содержания обязательно выполняет коммуникативную функцию, передает какую-то психологически значимую закодированную информацию. Такая информация заключена в значении символов, ассоциируемых с материальными элементами соответствующей культурной сферы (предметами, событиями, действиями, ситуациями и даже пространством и временем). Как указывают исследователи, «объекты окружающего нас мира (как природные, так и артефакты), помимо выполнения своих прямых функций, обретают ещё и функцию знаковую, оказываются способными нести некие добавочные значения» [2, с. 39]. Названия таких объектов приобретают символическое наполнение и образуют вторичные знаковые системы, которые и получили обозначение «коды культуры». Эти коды, согласно формулировке В.Н. Телия, получают выражение «в разных семиотических системах, культурные установки рассеяны в содержании наименований культурных “вещей”, явлены в пословицах, поговорках, в различного рода стереотипах, эталонах, символах, в крылатых выражениях и т.п.» [5, с. 238]. Вопрос определения термина «культурный код» в теоретическом отношении весьма проблематичен по причине чрезвычайной

многоаспектности явлений, образующих смысловое пространство культуры. Поэтому понятие кода в работах исследователей обычно получает осторожную, описательно-метафорическую дефиницию (как, например, в известном определении кода В.В. Красных: «сетка, которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [3, с. 232]).

Дополнительная смысловая нагрузка культурных кодов оказывает значительное влияние на интерпретацию лексической семантики и в этом отношении выступает полноправным компонентом кодирующего и декодирующего блоков в лингвистическом понимании схемы Шеннона-Уивера.

Еще одним характерным примером лингвистической интерпретации модели Шеннона и Уивера может служить введенное ими понятие коммуникативного шума (*noise*). Авторы модели предложили как само понятие, так и первую типологию коммуникативных шумов. В процессе передачи информации, утверждали Шеннон и Уивер, сообщение может быть «непроизвольно, то есть помимо воли источника или получателя информации, искажено или изменено. Эти искажения называются потерями информации, или шумами. Шум – это все, что добавляется к сигналу или отнимается от него без намерения источника в процессе передачи» [1]. Шеннон и Уивер прежде всего имели в виду физические помехи, искажающие прием сигнала в телекоммуникационных системах, однако теория коммуникации охотно заимствовала понятие шума и для описания потерь информации в самых разных системах. Возможность более широкой интерпретации была очевидна и самим авторам модели, поскольку Шеннон и Уивер предусмотрели в своей концепции две группы шумов механические и семантические.

Если механические шумы имеют отношение к физическим дефектам и сбоям при передаче и приеме сигнала, то семантические шумы призваны описать различные типы искажений смысловой части сообщения. Шеннон и Уивер выделили два типа семантических шумов: шум источника и шум получателя. Шум источника может представлять собой искажение смысла сообщения по причине ошибок в использований знаков соответствующей сигнальной системы. Со стороны же получателя шум будет проявляться в потерях информации, вызванных неполной или ошибочной расшифровкой полученного сигнала. В качестве основной причины возникновения шума получателя обычно указывается субъективность интерпретации языковых знаков.

Семантические шумы в модели Шеннона-Уивера являются элементом, наиболее близким лингвистической области исследования коммуникации, и именно лингвистика способна показать многообразие и сложность параметров, задействованных в семантическом измерении коммуникации. Поэтому лингвистическое представление семантического шума требует более подробного описания.

С нашей точки зрения, семантический шум в языковой коммуникации, для простоты картины рассматриваемый по отношению к носителям одного и

того же языка и культуры, представляет собой группу из, как минимум, трех типов явлений:

1. Самым очевидным применительно к субъективным факторам интерпретации являются индивидуальные различия в языковой компетенции участников общения. К этой группе относятся неизбежные несоответствия словарного запаса коммуникантов, вызванные возрастными, культурными, психологическими, социальными (образовательными, профессиональными, т.д.) факторами. В данном случае шумом для получателя будут любые неизвестные ему лексические и фразеологические единицы. Круг таких лексических помех, вызывающих пробелы в понимании сообщения, вполне широк даже в случае повседневной коммуникации, не ограниченной узкими рамками какой-то профессиональной сферы. Многосторонний характер современной социальной и технической реальности естественным образом вводит в обыденное общение термины самой разной природы – компьютерные, медийные, технологические, медицинские, экономические и т.п. Полное совпадение объема знаний коммуникантов из совершенно разных областей одновременно очевидным образом недостижимо. Значимым источником нераспознаваемой лексики является жаргон, особенно в случае ощущимой социальной и культурной дистанции между коммуникантами. Общение представителей разных возрастных и социальных групп будет неизбежно осложняться наличием неизвестных или малопонятных друг другу слов и выражений, характеризующих коммуникантов как представителей социально-возрастной страты или более специализированной субкультуры. Незнакомая лексика также может иметь источником территориальные языковые расхождения – диалекты. Аналогичным образом незнакомыми для получателя могут оказываться архаизмы, историзмы, редкие неологизмы и заимствования. Все эти примеры представляют собой случай нераскрытия или сложностей расшифровки значения лексических элементов сообщения. Интересно отметить, что использование знаков этой группы вполне может быть намеренным средством усложнить для адресата понимание сообщения. Говорящий в этом случае осознанно выбирает лексику, которая может сбить получателя с толку. Специально создаваемый таким образом семантический шум может реализовывать достаточно большой спектр намерений говорящего, например, подавить коммуниканта авторитетом, замаскировать какие-то невыгодные говорящему детали, спровоцировать ситуацию разрыва коммуникации и т.д.

2. Вторая разновидность семантических шумов в приеме верbalной информации относится к проблемам понимания уже не значения единиц языка, а их смысла. Это случай непонятной или неизвестной получателю референции объектов или ситуативного контекста. Для реципиента в данных коммуникативных условиях нет препятствий в знании лексических единиц – их словарная семантика ему известна, но неясно, с чем именно эти единицы ситуативно соотнесены: на какие конкретно вещи, места, действия, события или лица говорящий ссылается в своем сообщении. Ключевым проверочным вопросом для семантических помех этой группы является вопрос *Что ты*

имеешь в виду? Помимо собственно ситуативной референции типичными случаями смысловых сбоев будут также непрочитываемые адресатом стилистические приемы – метафора, ирония, сарказм, а также прецедентные речевые явления.

3. Наконец, к третьей группе мы считаем необходимым отнести интерпретации и прогнозы намерений говорящего со стороны слушающего, которые не оправдываются, не совпадают с реальными его намерениями. Как утверждает концепция стратегий и тактик коммуникативного поведения, коммуниканты сознательно или неосознанно строят мысленную схему как своего процесса общения, так и реакций собеседника. В случае несовпадения этих реакций с прогнозом неожиданные для получателя элементы сообщения будут представлять собой не что иное, как разновидность семантического шума. То, что коммуникант не ожидает услышать, будет помехой для прогнозирования поведения собеседника, может отвлечь внимание, вызвать раздражение, заставить пропустить какие-то действительно нужные адресату фрагменты информации и т.д. Кроме того, с точки зрения коммуникативных интересов получателя к помехам аналогичного типа можно отнести вообще почти любые несущественные для получателя элементы сообщения, не отвечающие его ожиданиям и коммуникативным целям. Это прежде всего актуально для ситуаций, когда реципиенту важно получить какую-то информацию от получателя, но при этом ожидание такой информации затягивается, когда говорящий сбивается на посторонние для реципиента и отвлекающие его внимание от главного темы разговора.

Примеры, подобные приведенным выше, показывают, что модель коммуникации Шеннона-Уивера, несмотря на сугубо технический в своей основе характер, вполне допускает дополнительные интерпретации, полезные для лингвистического представления ряда особенностей языкового коммуникативного процесса.

Литература

1. Гавра Д. Основы теории коммуникации: Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2011. 288 с.
2. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
3. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
4. Основы теории коммуникации: Под ред. проф. М.А. Василика. М.: Гардарики, 2003. 615 с.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 288 с.

© Погорелко А.М., Герасина Т.Н., 2025

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК ГЛАЗАМИ НЕМЦЕВ

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты репрезентативных опросов, проведенных Институтом немецкого языка им. Г.В. Лейбница (Мангейм, Германия) в период с 2017 по 2022 гг. по вопросам, касающимся отношения немцев как к немецкому языку в совокупности его вариантов, так и к другим языкам. Основное внимание в статье сфокусировано на двух темах – состоянии диалектного ландшафта и оценки современного состояния немецкого языка.

Ключевые слова: социолингвистика, немецкоязычный ареал, Германия, немецкий язык, диалекты, языковая ситуация.

THE GERMAN LANGUAGE THROUGH THE EYES OF THE GERMANS

Abstract. This article presents the results of representative surveys conducted by the Leibniz Institute for the German Language (Mannheim, Germany) between 2017 and 2022 on questions concerning Germans' attitudes toward both the German language in its various varieties and other languages. The article focuses on two topics: the state of the dialect landscape and an assessment of the current state of the German language.

Key words: sociolinguistics, German-speaking area, Germany, German language, dialects, language situation.

Институт немецкого языка им. Лейбница (Мангейм, Германия) совместно с Германским институтом экономических исследований (Берлин, Германия) регулярно проводит репрезентативные опросы жителей Германии по вопросам языковой ситуации и языковой компетенции. Первый такой опрос был проведен в 1997 г., основное внимание тогда было направлено на сравнение языковой ситуации на западе и на востоке недавно объединенной Германии. Следующий ряд опросов приходится на 2008, 2016 (совместно с Институтом нижненемецкого языка), 2017 и 2022 годы. Применяя и комбинируя различные методы опроса (структурированный и неструктурированный опрос, интервью и др.), исследователи в разные годы предлагали своим респондентам ответить на следующие вопросы:

- на каких диалектах говорят в Германии?
- какие диалекты передаются в семье?
- на каких языках говорят в Германии?
- каково отношение к разным языкам и полилингвальным детским садам?

- на каких иностранных языках говорят в Германии?
 - диалект и стандарт в профессиональной коммуникации
 - какие языки и диалекты нравятся или не нравятся жителям Германии?
- какие изменения замечают респонденты в немецком языке и изменился ли их язык?

Как свидетельствует представленный список, одной из важных и частотных тем является диалект. На него и будет направлено наше основное внимание, но прежде, чем перейти к рассмотрению некоторых результатов данных опросов, считаем необходимым предварить их небольшой справкой об особенностях языковой ситуации в Германии.

Как известно, немецкоязычный ареал не ограничен рамками одного государства – немецкий язык существует в виде нескольких национальных стандартных вариантов, множества диалектов и таких же многочисленных промежуточных языковых форм. Языковая ситуация варьирует от государства к государству. А.И. Домашнев и Л.Б. Копчук, отмечая неоднородность языковой ситуации немецкоязычного ареала в лингвогеографическом, социолингвистическом и лингвопрагматическом аспектах, указывают, что «камнем преткновения» являются «расхождения, а иногда и контрасты в состоянии диалектов и их социофункциональном статусе» [1, с. 373].

Эти «расхождения и контрасты» характеризуются в Германии, дихотомией «север» - «юг». Различие между диалектами Северной и Южной Германии проявляется как в степени близости к языковому стандарту, так и в диапазоне их использования в повседневной коммуникации. Так, нижненемецкие диалекты не подверглись влиянию второго передвижения согласных, что обусловило их дистанцированность от языкового стандарта: следствием этой «большой лингвистической пропасти» является отсутствие промежуточных форм, как это имеет место в других субарелах [1, с. 377]. Что касается их социофункционального статуса, то здесь наблюдаются полярные оценки – от представления об их реликтовом, периферийном положении (У. Аммон) до признания нижненемецкому статуса отдельного языка (Х. Клосс) [1, с. 377]. Относительно положения верхненемецких диалектов исследователи скорее единодушны в своих оценках: их позиции традиционно считаются сильными.

Рассмотрим теперь результаты опросов. Проведённый в 2017 г. опрос показал, что на вопрос «Говорите ли вы на каком-либо немецком диалекте?» положительный ответ дали 40,7% опрошенных [2, с. 17]. Из 13 диалектных ареалов наибольшее количество говорящих на своем диалекте приходится на западно-верхненемецкий и баварский ареалы (оба находятся на юге Германии), а наименьшее – на нижнефранкский, вестфальский и восточновестфальский диалекты, относящиеся к нижненемецкому ареалу (там же). Несмотря на меньшее количество говорящих на нижненемецких диалектах, их носители оценивают свои знания также высоко, как и носители верхненемецких диалектов [2, с. 18]. Что касается наиболее частотных диалектов, то первую

тройку с большим отрывом от остальных составили швабский, баварский и саксонский диалекты [3, с. 52].

Интересные результаты были выявлены при сравнении симпатий и антипатий, которые высказывали информанты по отношению к разным диалектам. Сопоставляя результаты опросов 2008 и 2017 годов, исследователи приходят к выводу, что ситуация остаётся стабильной: среди самых симпатичных и просто симпатичных называются баварский, швабский, «северный немецкий» (Norddeutsch) и саксонский. Однако среди диалектов несимпатичных фигурируют те же диалекты, только чуть в другой последовательности: стабильно сильной остаётся антипатия к саксонскому диалекту, за ним следуют баварский и швабский [4, с. 32]. Что касается «северного немецкого», то такого диалекта не существует. Это неверное обозначение объясняется отсутствием лингвистических знаний у информантов. Как предполагают исследователи, за этим названием скрывается регионально окрашенный вариант стандартного языка [4, с. 30]. В этой связи следует отметить, что стандартный вариант немецкого языка в целом во всех опросах получает очень высокие положительные оценки, что свидетельствует о его высоком статусе.

Другой интересный аспект этих опросов связан с тем, как информанты оценивают актуальное состояние немецкого языка. Во время опроса 2017 г. респонденты были поделены на две группы. Входившие в первую группу должны были оценить актуальное состояние немецкого языка, а вторые – оценить современные тенденции его развития. Результаты в этих двух группах оказались противоположными: если состояние немецкого языка оценивалось в основном положительно, то тенденции его развития – наоборот, скорее отрицательно [2, с. 20-21]. Что касается возрастной дифференциации информантов, то при оценке тенденций развития немецкого языка наблюдается относительное единодушие среди разных поколений с незначительной долей «менее негативных» ответов среди старшей группы респондентов (1929-1947 гг. рождения); эта же группа также оказалась чуть более позитивно или менее негативно настроена при оценке состояния языка [2, с. 21].

В ходе опроса 2022 г. вопрос об отношении к тенденциям в развитии немецкого языка был сформулирован иначе: замечают ли респонденты происходящие в языке изменения, что конкретно меняется и как эти изменения оцениваются. 24,8% опрошенных не заметили никаких изменений либо оценили их как незначительные, изменения заметили 87,2% респондентов, из которых 24,1% считают эти изменения значительными, а 17,4% даже очень значительными [5, с. 34]. Для почти половины опрошенных (46,0%) актуальной представляется в этом плане тема «английский язык», для 26,6% – «гендер», а для 20,4% респондентов – «молодёжный сленг» [5, с. 35]. Хотя большинство оценок, даваемых названным изменениям, носят нейтральный характер, однако по количеству отрицательных оценок лидирует английский язык, а среди «очень негативных» – гендерная тематика [5, с. 36].

Представленный здесь обзор отдельных тем, касающихся восприятия немцами своего языка, его вариантов и изменений, происходящих в нём,

помогает лучше понять современную языковую ситуацию в Германии и использовать их в дальнейших социолингвистических исследованиях.

Литература

1. Домашнев А.И. / Копчук Л.Б. Типология сходств и различий языковых состояний и языковых ситуаций в странах немецкой речи. (2001) // А.И. Домашнев. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. – СПб: Наука, 2005. – С.316-423.
2. Adler A./Silveira M.R. Spracheinstellungen in Deutschland – Was die Menschen in Deutschland über die Sprache denken.//Sprachreport. – Heft 4. – 2020. – S. 16-23.
3. Adler A./Silveira M.R. Welche Dialekte werden in Deutschland gesprochen? // Sprachreport. – Heft 1. – 2021. – S. 52-53.
4. Adler A./Silveira M.R. Welche Dialekte finden die Menschen in Deutschland sympatisch? // Sprachreport. – Heft 3. – 2025. – S. 26-33.
5. Adler A. / Roessel J. Welche Veränderungen fallen Menschen in der deutschen Sprache auf?//Sprachreport. – Heft 3. – 2023. – S. 34-38.

© Поздерова Г.Ф., 2025

УДК 81'42

А.А. Полякова
УУНиТ, Уфа, Россия
alina16polyakova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ АККАУНТА Д. ТРАМПА В СЕТИ "TRUTH SOCIAL")

Аннотация. В настоящей статье рассматривается специфика речевого воздействия в социальной сети, потенциал оказания влияния на аудиторию при помощи инструментов новых медиа. Объектом исследования служит социальная сеть "Truth Social," предметом – аккаунт президента США Дональда Трампа. В работе представлены речевые приемы, которые используются политиком для поддержки и усиления своего авторитета, увеличения числа сторонников, а также формирования общественного мнения.

Ключевые слова: речевое воздействие, речевое манипулирование, новые медиа, социальные сети.

CHARACTERISTICS OF SPEECH INFLUENCE IN SOCIAL NETWORKS (USING THE EXAMPLE OF D. TRUMP'S ACCOUNT ON THE NETWORK "TRUTH SOCIAL")

Abstract. This article examines the specifics of verbal influence on social media and the potential for audience using new media tools. The research focuses on the social network "Truth Social," and the subject is US President Donald Trump's account. The

paper presents the speech techniques used by the politician to support and enhance his authority, increase his following, and shape public opinion.

Key words: speech influence, speech manipulation, new media, social networks.

Средства массовой информации представляют неотъемлемую часть жизни современного человека, оказывая на его взгляды и мировоззрение большое влияние. Наряду с традиционными СМИ, представленными газетами, телевидением, радио и т.д., огромное значение в жизнедеятельности человека приобрели средства новых медиа, реализующими информационный контент через цифровые платформы, подкасты, блоги и социальные сети в Интернете [1, с. 143].

Большой поток информации обнаруживает серьезный потенциал для оказания воздействия на сознание массового реципиента. Это отличный инструмент для политических лидеров выстраивать отношения с гражданами страны, привлекать новых сторонников, сообщать какую-то информацию с нужной им позиции.

Отметим, что понятие речевого воздействия в рамках коммуникации вошло в круг научных интересов во второй половине XX века, а сейчас в период медиатизации проблема речевого воздействия становится актуальной как никогда. Средства коммуникации на платформах новых медиа меняют общественный уклад, мировоззрение человека и его взгляды. Влияние на человека в данной плоскости подразумевает управление его поведением и стимулирование у него мотивов выполнить определенное действие. Рассматривая политический дискурс, основной целью для политика станет привлечение большего числа сторонников и поддержание уже приобретенного авторитета.

Понятию речевого воздействия удалено значительное внимание, одно из последних толкований данному феномену дал Негрышев А.А., определяющий речевое воздействие как «проявление психологического коммуникативного воздействия, которое осуществляется только или преимущественно посредством языка и речи и направлено явным и/или скрытым образом как на сферу рационально-критического, так и неосознанного восприятия» [2, с. 37]. Связывая инструменты новых медиа и речевое взаимодействие, важным в предложенном ученым толковании является именно психологический аспект речевого воздействия, а также влияние как на сознание человека, так и на бессознательное восприятие той или иной информации, спровоцированное безграничным и непрерывным потоком входящей информации.

Так, в свою очередь А.А. Волков подчеркивает явление принудительности содержания в условиях необъятных информационных потоков, ученый пишет о том, что «массовая информация способна формировать общее мнение и влияет на восприятие той или иной ситуации обществом, тем самым делая сообщения фактически обязательным. Лишь высоко осведомленные индивиды способны свободно от стереотипов и настроений общества понимать ситуацию» [3]. Однако, большинство следуют

популярным и доступным источникам, создавая иллюзию свободы выбора контента. При этом зависимость от воздействия контента усиливается [2, с. 50].

Анализируя речевое воздействие в рамках новых медиа, следует выделить некоторые его особенности:

- нелинейность сообщения (аудитория имеет возможность менять последовательность воспринимаемой информации, переходить к гиперссылкам и другим источникам – таким образом, продуцент может направлять внимание реципиента);

- интерактивность и диалогичность (массовый реципиент имеет возможность выразить свое мнение, прокомментировав информацию, участвовать в дискуссии, что повлечет эмоциональный отклик и усилит вовлеченность и доверие к источнику);

- многие высказывания продуцента имеют не только сверхбыструю скорость распространения за счет репостов и использовании информации в СМИ, но и имеют шанс стать вирусными, то есть распространиться мгновенно и стать узнаваемыми большинству онлайн пользователей, создается «эффект присутствия»;

- благодаря технологиям анализа баз данных информация может быть адресована конкретной аудитории, попадая точно согласно интересам индивида, усиливая эффект убеждения;

- из-за стремительно растущего объема информации, сообщения имеют лаконичный характер, они краткие и емкие для быстрого усвоения реципиентом;

- стирание границ между создателем контента и его потребителем, увеличение значимости отдельных индивидов.

Речевое воздействие в пространстве новых медиа изобилует инструментами и методами, которые влияют на восприятие информации. Технологии современности могут создать комплексные стратегии коммуникационного влияния с учетом психологических особенностей аудитории, подстраиваться под информационный фон. Однако, наряду с такими практически неограниченными возможностями информационный поток сложно поддается проверке на предмет достоверности и недостоверности информации (“fake news”).

Формат социальной сети на сегодняшний день является одним из эффективных способов взаимодействия с гражданами, усиления своих позиций и привлечения сторонников. Многие ученые, занимающиеся проблемой новых медиа (И.М. Дзялошинский, В.Н. Степанов) отмечают, что благодаря этим цифровым инструментам продуцент имеет практически неограниченный потенциал охвата аудитории, контент доставляется в режиме реального времени, объем информации также не имеет ограничений [4, с. 67].

В данной статье рассмотрим аккаунт Дональда Трампа, 47 президента США в социальной сети Truth Social. Отметим, что политик всегда активно пользовался инструментами цифровых медиа, в период своей первой предвыборной кампании и первого президентства Д. Трамп собрал одну из самых крупных онлайн-аудиторий на просторах сети X с количеством более 95

млн. человек. После блокировки его аккаунта в 2022 Д. Трамп запустил свою собственную сеть – Truth Social. На данный момент количество его подписчиков насчитывается более 11 млн.

Анализируя его посты можно выделить некоторые речевые приемы, которые направлены оказать эффективное воздействие на сознание аудитории, достичь поставленных целей и сформировать нужную лидеру позицию граждан к определенным вопросам.

1. Доступность и ясность подачи информации.

В период предвыборной кампании 2015-2016г. Дональд Трамп ввел в политическую речь девиз “*Make America great again*” («Сделаем Америку снова великой»), который стал его визитной карточкой. Во второй предвыборной кампании (2024-2025г.) данный лозунг приобрел новую форму, сократившись до аббревиатуры “*MAGA*”. Сейчас эти выражения в активном речевом обороте политика, причем Трамп употребляет его и в качестве атрибута, например, “*MAGA people*”, “*MAGA warrior*” (воин за великую Америку), “*MAGA Republicans*” (однопартийцы, сторонники Трампа) или “*you are not MAGA people*”, в отношении тех, кто противоречит политике Трампа и мешает ему сделать свою страну вновь великой [5].

2. Эмоциональная включенность и заинтересованность.

Посты Д. Трампа всегда носят яркую эмоциональную окраску и элементы пафоса, иногда на грани взрыва эмоций. При этом акценты в сообщении политика могут быть выделены заглавными буквами.

Например, в одном из последних постов Д. Трамп выразил негодование, разочарование в республиканцах, которые не перераспределили избирательные округа с целью получения дополнительных мест в Конгрессе США: “*Very disappointed in Indiana State Senate Republicans for not wanting to redistrict their State, allowing the United States Congress to perhaps gain two more Republican seats*”.

В начале ноября Трамп обрушился с резкой критикой системы здравоохранения, созданной в рамках Obamacare, яростное сообщение было опубликовано заглавными буквами: “*NO MORE MONEY, HUNDREDS OF BILLIONS OF DOLLARS, TO THE DEMOCRAT SUPPORTED INSURANCE COMPANIES FOR REALLY BAD OBAMACARE. THE MONEY MUST NOW GO DIRECTLY TO THE PEOPLE, TAKING THE “FAT CAT” INSURANCE COMPANIES OUT OF THE CORRUPT SYSTEM OF HEALTHCARE*” [TS]. Одним из направлений внутренней политики является модернизация системы финансирования здравоохранения и страхования людей. В неудачно выстроенной системе Д. Трамп обвиняет демократов и отказывает им в дальнейшем финансировании.

3. Повторение ключевых пунктов.

Одним из наиболее используемых в речи выражений можно считать “*fake news*” (фейковые, фальшивые новости). Данное высказывание применяется им регулярно в отношении некоторых информационных агентств (CNN, The New York Times, ABC), которые когда-то опубликовывали не соответствующие, предвзятые (по мнению Д. Трампа) факты о нем. В целом, вся информация

газет и журналов, не отвечающая интересам Трампа, противоречащая ему, наделяется атрибутами: *failing* (провальный), *corrump fake news* (коррумпированные фальшивые новости), *third rate reporters* (третьюесортные репортеры), *corrump journalists* (коррумпированные журналисты), *fake spin* (фальшивый пиар). Фейковыми новостями назвал Трамп информацию о передаче ракет большой дальности для нанесения ударов по территории России: “*The Wall Street Journal story on the U.S.A.’s approval of Ukraine being allowed to use long range missiles deep into Russia is FAKE NEWS!*” [5].

4. Прямые обращения к избирателям с призывом к действию.

В начале ноября в США состоялись выборы в Конгресс и в два штата: Нью Джерси и Вирджиния. Д. Трамп в своей социальной сети открыто призывал избирателей голосовать за своих фаворитов, призывая голосовать за Марка Лэмба: “*Mark Lamb has my Complete and Total Endorsement to be the next Congressman from Arizona’s 5th Congressional District HE WILL NEVER LET YOU DOWN!*”; Ника Лэнгвортти: “*Nick Langworthy has my Complete and Total Endorsement for Re-Election HE WILL NEVER LET YOU DOWN*”; за Джона Макгуайера: “*John McGuire has my Complete and Total Endorsement – He will never let you down*”. Призыв Д. Трампа голосовать за республиканцев традиционно оканчивается заверением, что кандидаты никогда не подведут своих избирателей. Дональд Трамп всегда поддерживает свою партию, агитируя голосовать за нее, обещая хорошую, благополучную жизнь: “*VOTE REPUBLICAN FOR A GREAT AND VERY AFFORDABLE LIFE*” [5].

5. Критическая оценка политической деятельности демократов.

Д. Трамп регулярно критикует своих оппонентов, но и наделяет их прозвищами. Так, предшественник политика Джо Байден получил прозвища “*sleepy*” (сонный) “*crooked*” (жуликоватый). Сталкиваясь с очередной проблемой, политик спешит обвинять демократическую партию и 46-го президента США Д. Байдена, при этом подчеркивает свою компетентность и результаты своей работы, например, говоря о высокой инфляции при Д. Байдене и сейчас: “*Cost, and INFLATION, were far higher under the Sleepy Joe Biden Administration, than they are now*” [5]. Трамп не единожды говорит о том, что Джо Байден был худшим президентом Америки: “*Sleepy Joe Biden was, by far, the worst President in American History*” [5].

6. Укрепление доверия к себе.

Д. Трамп создает образ успешного и сильного лидера Америки, который может решить все проблемы. Он считает себя самым компетентным во многих вопросах, на его странице в Truth Social можно увидеть такую запись: “*LESS CRIME, MORE TRUMP!*” (меньше преступлений, больше Трампа). Позиционируя себя спасителем Америки, он заявляет, что несмотря на все происки конкурентных, криминальных сил его вновь избрали для спасения Америки: “*He left office issuing blanket pardons to Radical Democrat criminals and thugs, as well as members of the Biden Crime Family But despite it all, President Trump would get Re-Elected, and SAVE AMERICA!*” [5]. Открыто критикуя и обвиняя в предательстве целей республиканцев Марджори Тейлор Грин, которая баллотировалась в Конгресс от штата Джорджия, Трамп подчеркнул

свою эффективность и верность своим ценностям, заявляя о результатах своей работы: “*Over the past few weeks, despite my creating Record Achievements for our Country including, a Total and Complete Victory on the Shutdown, Closed Borders, Low Taxes, No Men in Women’s Sports or Transgender for Everyone, ending DEI, stopping Biden’s Record Setting Inflation, Biggest Regulation Cuts in History, stopping EIGHT WARS, rebuilding our Military, being RESPECTED by every Country in the World (as opposed to being the laughingstock that we were just 12 months ago!), having Trillions of Dollars (Record Setting!)*”(проработан вопрос с правительством, закрыты границы, налоги снижены, введен запрет участия мужчин в женских видах спорта и переход на гендерно-нейтральные местоимения для всех, остановлена инфляции, страна обрела уважение со стороны всех стран, получила доход триллионы долларов).

Таким образом, рассмотрев контент аккаунта Дональда Трампа в социальной сети Truth Social, можно выявить определенные речевые приемы, которые подчинены единой стратегии влияния на аудиторию для достижения поставленных задач. Перечисленные речевые особенности являются инструментом формирования общественного мнения, привлечения нового избирателя, а также усиления политического влияния.

Литература

1. Полякова А.А. Понятие и сущность новых медиа // Доклады Башкирского университета, 2025. – Том 10. – № 3. – С. 140-149.
2. Негрышев А.А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ: учебное пособие // А.А. Негрышев. – Владимир: ВГГУ, 2009. – 144 с.
3. Волков А.А. Филология и риторика массовой информации [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://evartist.narod.ru/text12/05.htm> (дата обращения: 02.11.2025).
4. Интегрированные коммуникации в новых медиа: монография / по ред. Шестеркиной Л.П. – Челябинск: ЮУрГУ, 2016. – 210 с.
5. Donald Trump, Social Media Archive, Truth Social [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://rollcall.com/factbase/trump/topic/social/?platform=truth+social&sort=date&sort_order=desc&page=1 (дата обращения: 12.11.2025).

© Полякова А.А., 2025

УДК 811.13

Н.И. Рябцова
УУНиТ, Уфа, Россия
ryabcova.nadezda@gmail.com

РУССКИЕ НАЗВАНИЯ УЛИЦ НА КАРТЕ ПАРИЖА

Аннотация. Статья посвящена исследованию русских названия улиц Парижа как важной части городского и культурного наследия, отражающего историю связей между Францией и Россией. Анализируются причины появления этих

годонимов, их исторический контекст и значение в сохранении памяти о выдающихся деятелях и событиях. Статья подчеркивает роль русских наименований улиц в формировании культурной идентичности города и их значение для обеих стран.

Ключевые слова: топонимы, ойконимы, урбанонимы, годонимы, этнокультурные стереотипы

RUSSIAN STREET NAMES ON THE MAP OF PARIS

Abstract. The article is dedicated to the study of Russian street names in Paris as an important part of the city's urban and cultural heritage, reflecting the history of connections between France and Russia. It analyzes the reasons for the appearance of these toponyms, their historical context, and their significance in preserving the memory of prominent figures and events. The article emphasizes the role of Russian street names in shaping the cultural identity of the city and their importance for both countries.

Key words: toponyms, oikonyms, urbanonyms, hodonyms, ethnocultural stereotypes.

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что в современном мире, где растёт интерес к вопросам культурной идентичности, памяти, урбанистики и символического пространства, изучение городских наименований – в частности, названий улиц (годонимов) – приобретает особое значение. Годонимы отличаются от других топонимов не только по предметной области, но и по своим функциям. Как отмечает Е.В. Смирнова, годоним – это не просто наименование, а «речевой маркер, несущий смысловую нагрузку, выходящую за пределы его формального адресного назначения» [1, с. 45]. В городской среде годонимы выполняют не только адресную и ориентирующую функции, но и служат инструментами сохранения исторической памяти и наследия, отражая ценности и приоритеты общества, а также историю взаимоотношений между странами.

Годонимы относятся к категории урбанонимов, которые, в свою очередь, включаются в разряд топонимов. Топонимы – это особый вид лексических единиц, обозначающих собственные имена географических объектов, таких как населённые пункты, реки, горы, улицы, площади и другие элементы пространства. Как отмечает А.В. Суперанская, топонимы выполняют номинативную функцию; однако, в отличие от нарицательных наименований, они обладают устойчивой связью с конкретной реальностью, которая закреплена в языковой и культурной практике [2, с. 18]. При этом топоним не просто служит названием объекта, но и фиксирует его значимость в ментальном и культурном пространстве носителей языка.

Как отмечает Р.З. Мурясов, топонимия – это не просто совокупность географических наименований, а «органически встроенная часть языковой системы, выполняющая функции хранения и трансляции информации о национальной культуре» [3, с. 22]. «Любая топонимическая система развивается в результате сложных процессов взаимодействия ее компонентов,

что отражается в закреплении в ней этнокультурных стереотипов, представлений о мире, духовных ориентиров и исторической памяти общества» [4, с. 4].

Годонимы классифицируются по различным признакам, что позволяет определить их структурно-семантические особенности и функциональное предназначение:

- по типу объекта: улица, переулок, бульвар, проспект, набережная и т.д.;
- по источнику номинации: имена людей, исторические события, географические объекты, религиозные и мифологические образы;
- по мотивации: описательные (*Широкая улица*), ассоциативные (*Солнечный переулок*), политизированные (*улица Маркса*) и др. [5, с. 48]. Таким образом, годонимы, будучи частью топонимов, подчеркивают культурное и историческое наследие общества, одновременно выполняя важные лингвистические и коммуникативные функции в городской среде.

Город Париж выбран неслучайно, поскольку он является одним из древнейших и богатейших историей мегаполисов, что обеспечивает обширный материал для изучения годонимов как в лингвистическом, так и в культурологическом аспектах. Система названий улиц Парижа складывалась веками. Она отражает важные этапы развития французского государства: от римского Лютеция до современной республики. Как правило, улицу обозначали либо по ближайшей церкви, либо по какой-нибудь местной достопримечательности. Официальное присвоение улицам названий началось только в начале XVII века. Таблички с номерами домов и названиями улиц появились лишь в следующем столетии.

Современные названия улиц в столице Франции, как правило, соответствует их историческим названиям. Лингвокультурная картина мира, представленная через годонимию, выступает как «фоновое знание», благодаря которому улицы Парижа становятся «текстом», подлежащим интерпретации [6, с. 117]. В городской топонимике Парижа можно проследить историю взаимодействия Франции и России: некоторые улицы сохраняют воспоминания о визитах царственных особ, памятниках архитектуры, событиях войн и революции, демонстрируя близость культур [7].

В Париже есть места, связанные с русской культурой и историей, которые оставили значимый след на карте города. Русско-французские связи переживали различные периоды, что находило свое отражение в урбанизации Парижа, изучение которой позволяет проследить динамику культурных и исторических взаимодействий между двумя странами. «Из пяти с половиной тысяч парижских улиц и площадей более полусотни так или иначе связаны с Россией» [8]. Улицы столицы Франции – это не просто географические ориентиры, но и символические тексты, в которых зашифрована история, идентичность и ценности общества.

Несколько улиц Парижа носят названия русских городов и рек, например: в 8-ом округе есть улица Москвы, Московская (*rue de Moscou*), и улица Санкт-Петербурга, которая пересекается с улицей Москвы (*rue de Saint-Pétersbourg*).

Французы переименовывали улицу столько раз, сколько Санкт-Петербург менял своё наименование. В 1828 г. в момент основания это была улица Санкт-Петербурга, а в 1914 г. она сменила название в честь Петрограда, в 1945 г. улица стала именоваться Ленинград, и в 1991 г. наконец вернула себе изначальное наименование.

Неподалёку находится улица Невы, Невская (*rue de Neva*). Название улицы объясняется соседством с православным собором Александра Невского (*Cathédrale Saint-Alexandre-Nevsky*) на улице Дарю. Параллельно Невской улице простирается улица Петра Великого (*rue Pierre le Grand*) в честь Императора Петра Первого, который первым из русских самодержцев посетил Париж в 1717 году. Он посещал заседания парламента, Монетный Двор, королевскую ковровую мануфактуру. Впоследствии он открыл в Санкт-Петербурге ковровую фабрику.

Во Франции существует около 50 авеню, бульваров и скверов, названных в честь В.И. Ленина (*rue Lenine*). В центре Парижа такой улицы нет. Однако на окраине города, в Иври-сюр-Сен (*Ivri sur Seine*), есть улица с этим названием, которое она получила потому, что в начале XX века там жил В.И. Ленин со своей семьёй.

В 18 округе с 1997 году существует улица Москвы-реки (*rue de la Moscova*), которая названа в честь Бородинского сражения на Москве-реке между русской и французской армиями в 1812 году. В честь великой битвы на Волге во второй мировой войне названы улицы Волги (*rue de la Volga*) и Малахова кургана (*avenue de Malakoff*).

След в городской топонимике оставили не только войны и императоры, но и деятели русской культуры. Так, например, улица Мусоргского (*rue de Moussorgsky*) названа в 1991 году в честь русского композитора Модеста Петровича Мусоргского (1839-1881). Среди имен российских художников и композиторов на уличных табличках встречаются также П.И. Чайковский (*rue Tchaïkovski*), С.С. Прокофьев (*rue Prokofiev*) в 16-м округе, Н.А. Римский-Корсаков (*rue Rimski-Korsakov*), а также М.З. Шагал – русский и французский художник (*rue Chagall*). В 1994 году русское имя появилось на карте Парижа, когда одна из улиц была названа в честь Осина Цадкина (*rue Zadkin*) (1890-1967), французского художника и скульптора русского происхождения.

Вторым по популярности после города-героя Сталинграда в топонимике Франции стал советский лётчик-космонавт Юрий Гагарин. В 2013 году в 60 городах Франции улицы и площади носили его имя. В Париже есть улица, названная в честь Юрия Гагарина. Этот проспект Гагарина (*avenue Iouri Gagarine*), который находится в пригороде Парижа, в городе Бобиньи, в департаменте Сен-Сен-Дени, является данью уважения первому человеку, совершившему полёт в космос.

Около Марсова поля есть маленькая улица (180 м.), которая называется Франко-русская авеню (*avenue Franco-Russe*). В 1867 году во время Всемирной выставки здесь были представлены и вызвали большой интерес российские эталонные жеребцы. В 1911 году на этой улице находилось здание франко-русского сообщества, что подтверждает тему русско-французской дружбы.

«Русские» улицы столицы Франции неслучайно получили свое название: за каждым из них стоит определённый источник, будь то имя выдающейся личности – антропонимы (увековечивание имён исторических, культурных, научных и политических деятелей), значимое историческое событие (названия, связанные с революциями, войнами, датами национальной памяти), топографический ориентир (отражение ландшафта или расположения природных объектов) или отражение имперского прошлого. Таким образом, улицы Парижа представляют собой не просто географические ориентиры, но и являются символическими текстами, расшифровка которых помогает погрузиться в историю, определить идентичность и ценности общества.

Современная практика оформления городских табличек подразумевает наличие не только самих названий улиц, но и дополнительной справочной информации, включающей исторические справки и QR-коды, ведущие к дополнительным ресурсам. Таким образом, каждый прохожий получает уникальную возможность отправиться в познавательное путешествие, узнав больше о людях и событиях, чьё наследие увековечено именно этими улицами. Это делает город открытым образовательным пространством, урботекстом, наполненным важными историческими, социальными и идеологическими значениями.

Литература

1. Смирнова Е.В. Годонимы как отражение культурной памяти // Вестник МГУ. 2012. №6. С. 44-51.
2. Суперанская А.В. Общая топонимика: монография. М.: Наука, 1969. 208 с.
3. Мурясов Р.З. Топонимы в системе языка. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. 108 с.
4. Уразметова А.В. Английская топонимика как лексическая подсистема языка (на материале топонимической лексики Великобритании и США): специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Уфа, 2016. 38с.
5. Крюкова И.В. Годонимы Парижа: лингвокультурологический анализ // Вопросы ономастики. 2018. №2. С. 45-62.
6. Эко У. Парижские улицы: семиотика городского пространства // Искусство и топонимика. 2002. С. 112-126.
7. Уразметова А.В. Английские и французские ойконимические фразеологизмы / А.В. Уразметова // Вестник Башкирского университета. 2009. Т.14, № 2. С. 421-424.
8. Названия русских улиц и площадей в Париже URL: <https://bookmix.ru> (дата обращения: 11.10.2025)
9. Larousse. Dictionnaire des noms de lieux. Paris: Larousse, 2003. 412 р.

© Рябцова Н.И., 2025

А.С. Самигуллина

А.Р. Бодулева

А.В. Корзун

УУНиТ, Уфа, Россия

SamigullinaAS@uust.ru

boduleva-a@yandex.ru

annakomarova86@rambler.ru

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ОБЛАСТИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Аннотация. Статья представляет собой рассуждение на тему обоснованности и актуальности применения междисциплинарного подхода в лингвистике. В частности, особый интерес вызывает интеграция методик двух активно развивающихся направлений современного языкознания, а именно лингвоэкологии и лингвосинергетики. Синтез этих гуманитарных отраслей открывает новые перспективы для более глубокого и всестороннего исследования языка и коммуникации, а также демонстрирует свою эффективность для анализа структурирования и функционирования широкого круга языковых явлений.

Ключевые слова: междисциплинарность, лингвоэкология, лингвосинергетика, междисциплинарный подход, область языкознания.

INTERDISCIPLINARY APPROACH IN THE LINGUISTIC FIELD

Abstract. The aim of the paper is to consider the relevance and validity of application of the interdisciplinary approach in Linguistics. The work is based on the synthesis of methods of analysis introduced by the two current linguistic fields, i.e. Linguoecology and Linguosynergetics, which opens up opportunities for a more profound and comprehensive study of both language and speech. The integrated approach confirms the effectiveness of its application to the analysis of structuring and functioning of a wide range of linguistic phenomena.

Key words: interdisciplinarity, linguoecology, linguosynergetics, interdisciplinary approach, linguistic field.

The advancement of scientific thought has increasingly embraced interdisciplinarity (or transdisciplinarity in some resources) across various fields over the past few decades. This trend has its roots in the anthropocentric paradigm, which considers a human being as the essential element that interconnects all the processes that occur around him. Consequently, the findings from diverse disciplines should be combined and integrated when it comes to a human being as an object of the study and all the aspects of his life activities should equally be taken into account. Vladimir I. Vernadsky foresaw the impending convergence of scientific disciplines based on the inherent similarities in the problems they address long before this process was officially initiated and became universal [1].

Linguistics, being a science of language study, could not ignore the rapid spread of these processes since it is the language that serves as a means of communication of a human being with other people and the world around him. The convergence and integration of diverse disciplines have resulted in the formation of a number of linguistic subfields or branches, such as Linguoculturology, Psycholinguistics, Sociolinguistics, and further on Linguoecology and Linguosynergetics. Lyubov A. Kozlova in one of her works makes an attempt to outline the preconditions for the interdisciplinary pursuit in Linguistics. The scientist points out that the “how Linguistics,” i.e. descriptive or internal Linguistics gradually transformed into the “why Linguistics,” i.e. explanatory or external Linguistics, which incorporates information from other sciences to explain the internal structure of language. This transition of interest justifies the current increasing focus on the transdisciplinary approach [2].

This paper briefly defines the two key areas of contemporary Linguistics, i.e. Linguoecology and Linguosynergetics, and their interconnection as a vivid example of the effective use and beneficial outcomes of the interdisciplinary approach to the analysis of numerous and various linguistic phenomena.

The former branch – Linguoecology – emerged from the fusion of Ecology and Linguistics, reflecting a transition from anthropocentric to ecocentric perspectives within scientific discourse. This shift signifies an increasing desire to integrate ecological principles into various facets of human existence. Nataliya G. Solodovnikova observes that both natural and even humanitarian disciplines started to adopt the concepts, methodology and terminology of the biological Ecology in their researches [3]. Victor I. Shakhovsky, one of the most renown scholars in the fields of Emotiology (or Linguistics of Emotions) and Ecolinguistics, goes further and states that Linguoecology aims at maintaining the language as the main means of human interaction with the environment. This in its turn ensures the preservation of natural habitats and health of a human being and proves the strong interconnection of the triad: “language ↔ human being ↔ environment” [4].

The integration of Linguistics and Synergetics has led to the appearance of the latter subfield – Linguosynergetics. Synergetics is generally defined as a science that studies complex systems and their self-organization in accordance with certain stages and specific principles. The science rapidly gained the interdisciplinary status due to its universal methodology and conceptual framework that found application in the Humanities as well. Later on Linguistics effectively adopted these core principles and postulates, adapting them to analyze various and diverse linguistic phenomena (e.g. metaphors, concepts, text and discourse and many others) on the assumption that language itself (together with its basic notions and categories) is a complex system. Synergetic approach differs from the classical view at language and can be illustrated by the opposition: a static linear system vs. a dynamic non-linear system.

For example, lately there have been a number of researches into the nature of discourse in general and types of discourse in particular. The method of fractal modelling proves to be very promising when applied to the study of discourse, since the latter has the fractal structure and possesses the features attributed to any synergetic system. Frequently enough, it is very convenient to investigate into the

communicative side of language through artistic discourse as the closest one to the situations of real-life communication. Since the artistic discourse can be represented in the form of a fractal model (“concentric circles”, “spiral”, “tree” and “rhizome”), it makes it possible to consider which of the models are more ecological or non-ecological from the point of view of Ecolinguistics. A recent study has shown that the models “concentric circles” and “spirals” are more ecological due to their relatively smooth structure that embodies the gradual development of communication. The “tree” and “rhizome” models are most often characterized as non-ecological because of their rather uneven organization and, as a result, chaotic development of meaning [5].

The interdisciplinary approach to linguistic phenomena proved to be exceptionally relevant and effective. Besides, it is worth noting that Linguosynergetics and Linguoecology quite successfully complement each other. On the one hand, language serves to bridge the gap between a human being and environment. On the other hand, language represents a complex system, the openness of which ensures interaction between society and surrounding reality. This proves the strong interconnection of the two above mentioned linguistic branches [6].

Thus, the significant potential of interdisciplinarity for its practical application across various scientific fields offers broad opportunities for comprehensive and integrated investigation into diverse issues of both theoretical and applied nature. By combining two distinct approaches – linguoecological and linguosynergetic – which in their turn emerged at the intersection of seemingly disparate disciplines, it becomes possible to examine complex linguistic phenomena that demand a versatile perspective. Such an interdisciplinary approach to language analysis expands the horizons for its application and enables the implementation of diverse empirical data as well as the exploration of a rich array of linguistic concepts and system-forming notions.

Литература

1. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. – М.: Наука, 1981. – 359 с.
2. Козлова Л.А. Принцип трансдисциплинарности и его аппликационный потенциал // Язык. Культура. Личность. сборник научных трудов, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Л.А. Козловой. – Барнаул, 2020. – С. 11-24.
3. Солодовникова Н.Г. Содержание научного направления «Эмотивная лингвоэкология»: Проблемы и перспективы // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – 450 с.
4. Шаховский В.И. Триада экологий – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике: монография. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017. – 358 с.

5. Корзун А.В. Англоязычный художественный дискурс через призму эмотивной лингвоэкологии и лингвосинергетики (на материале цикла романов «Дающий. Квадрология» Лойс Лоури): дисс. ...канд. филол. наук. – Уфа, 2024. – 267 с.
6. Дрожащих Н. В. Введение в динамическую синергетику языка. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. – 252 с.

© Самигуллина А.С., Бодулева А.Р., Корзун А.В., 2025

УДК 81

О.И.Таюпова
УУНиТ, Уфа, Россия
o.tayupova@mail.ru

ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА РЕКЛАМНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМ БЕЗРЕЦЕПТУРНЫХ ПРЕПАРАТОВ)

Аннотация. Статья посвящена вопросам перевода рекламных медиатекстов с немецкого языка на русский язык в прагматическом ракурсе. Установлено, что переводчик в современном медиапространстве призван осуществить не только лингвистическую, но и национально-культурную адаптацию, чтобы обеспечить адекватное декодирование рекламного медицинского медиатекста и заинтересованность целевой аудитории.

Ключевые слова: прагматика перевода, медицинская медиареклама, безрецептурные препараты, лингвистическая и национально-культурная адаптация медиатекста, адресат.

PRAGMATICS OF TRANSLATING ADVERTISING MEDIA TEXTS (BASED ON OVER-THE-COUNTER DRUG ADVERTISEMENTS)

Abstract. This article examines the translation of advertising media texts from German into Russian from a pragmatic perspective. The study argues that in the modern media space, translators are called upon to provide not only linguistic but also socio-cultural adaptation to ensure adequate decoding of medical advertising media texts and the interest of the target audience.

Key words: pragmatics of translation, medical media advertising, over-the-counter drugs, linguistic and socio-cultural adaptation of media text, target audience.

Цель настоящей работы состоит в раскрытии сущности, задач и особенностей прагматики перевода одного из наиболее востребованных современных нехудожественных медиатекстов – текстов реклам, представленных в гетерогенном рекламном дискурсе.

Объектом исследования являются рекламы немецких лекарственных препаратов, отпускаемых без рецепта врача, что, несомненно, актуально, поскольку названные рекламные тексты содержат информацию, необходимую для поддержания активного образа жизни потребителей.

Раскрывая теоретическую сущность прагматики перевода, заметим, что по мнению В.Н. Комиссарова, одного из основателей отечественного переводоведения, это, по сути, ни что иное, как влияние, с одной стороны, на сам процесс, а с другой – на результат перевода с намерением воспроизвести прагматический потенциал оригинала с целью обеспечить желаемое воздействие на адресатов переведенного текста [1, с. 139]. Анализ показывает, что для достижения адекватного прагматического потенциала текста в процессе перевода, как правило, необходима соответствующая прагматическая адаптация текста перевода [2, с. 232]

В трудах представителя Немецкой школы перевода известного лингвиста и авторитетного переводоведа Альбрехта Нойберта [3, с. 30-31; 4] значительное внимание уделяется необходимости в любом адекватном переводе сохранять специфику прагматики исходного текста, поскольку именно прагматический ракурс напрямую связан с текстом, который подвергается переводу [3, с. 21-33]. Кроме того, во всех случаях следует учитывать особенности адресатов с учетом их национального менталитета.

Интерес заслуживает и проведенная с позиции переводоведения классификация различных жанров и типов текстов, предложенная ученым, предпринятая с учетом их прагматического потенциала. Согласно разграничению текстов на четыре группы, рекламы выделяются на том основании, что апеллируют к одним и тем же потребностям и интересам адресатов исходного и целевого языка. Переводчику необходимо произвести культурно адекватный, иначе, аутентичный, перевод текста [2, с. 224]. Поэтому можно утверждать, что перевод, в нашем случае, рекламных текстов производится не только с одного языка на другой, а с одной культуры на другую.

Рассмотрим следующий текст немецкой рекламы лекарственного препарата, находящегося в свободном доступе и отпускаемого без рецепта врача, в котором содержится культурно-маркированная лексика: „Meine Familie ist mir sehr wichtig! Es gibt für mich kaum Schöneres, als für meine Lieben zu kochen oder gemeinsam mit Ihnen Plätzchen zu backen. Meine dünnen Nägel nahmen mir das oft übel und risen schnell ein. Seit ich morgens nach dem Aufstehen BIO-H-TIN Vitamin H Tabletten nehme, kann ich ohne mir Gedanken zu machen auch mal in meiner Küche herumwirbeln“ (Bild der Frau. Nr. 41, 2 Oktober 2025, S. 125). («Моя семья очень важна для меня! Для меня нет ничего лучше, чем готовить для близких или печь с ними рождественское печенье. Мои тонкие ногти часто реагировали на это и быстро ломались. С тех пор, как я начала принимать таблетки витамина H BIO-H-TIN после пробуждения, я могу спокойно вертеться на кухне».) /Здесь и далее перевод наш – О.Т./

Приведенную выше рекламу безрецептурного препарата, в которой рекламирование осуществляется от первого лица и соответственно, с использованием прямой речи, можно считать информативной. Её задача – сформировать спрос и, главное, убедить купить рекламируемый безрецептурный препарат благодаря приведенным в тексте аргументам. Немаловажен тот факт, что текст подается от первого лица как потребителя

лекарственного препарата, отпускаемого без рецепта врача, когда только сам адресат принимает решение о его покупке. Именно на реализацию функции убеждения и направлена вся совокупность задействованных в рекламе языковых средств [5, с. 437].

Культурно-маркированной лексической единицей является здесь слово *Plätzchen* (рождественское печенье), которое пекут в Германии преддверии католического Рождества ориентировано с середины ноября. Поэтому данное слово следует переводить не просто печенье, а именно рождественское печенье с учетом его семантики. Не только адресат, но и сам адресант сталкиваются в данном случае с национально-культурными стереотипами, формируемыми в процессе аккумуляции социального опыта потенциальных потребителей. Текст рекламы лекарственного препарата от боли в суставах призван не только заинтересовать женскую аудиторию, но и убедить его купить.

Обращаясь к следующему примеру, заимствованному из журнала *Brigitte*, отметим, что данная реклама безрецептурного препарата EMS создана для убеждения его купить для того, чтобы избавиться от боли в горле, ср.: „*Raus mit dem Frosch im Hals!*“ (*Brigitte*. Nr. 20. 08.09.2025, S. 31) (Прочь лягушку из горла). Вместо литературной формы *heraus* задействуется разговорно окрашенная форма *raus*. В русскоязычной культурной традиции боль в горле не сравнивают с лягушкой, а говорят о некоем коме (комке) в горле, когда человек охрип или ему трудно говорить. Таким способом метафорически описывается ощущение инородного тела в воспаленном горле человека.

Все же при чем здесь лягушка? Это связано с тем, что название слюнной железы под языком происходит от лат. *ranula* – лягушонок. Именно ранула или лягушачья опухоль и используется в немецкой идиоме. В других германских языках, например, в английском языке, также есть подобная идиома, ср.: *a frog in one's throat* (лягушка в горле). Безусловно, поговорки, пословицы и идиомы как когнитивный инструмент познания человеком внешнего мира, будучи средством его языковой концептуализации и вербальными знаками культуры, являются важнейшим объектом лингвокультурологии. Согласимся, что лингвокультурология «привнесла новое понимание перевода» [2, с. 224].

На основании вышесказанного можно считать, что прагматика перевода рекламных текстов представляет собой адресное воздействие на переводческий текст для того, чтобы он вызывал у целевой аудитории желаемые эмоции, ассоциации и побуждал к совершению соответствующего действия, в частности, покупке или запоминанию определенного бренда. С этой целью необходим учет прагматических особенностей рекламных медицинских медитекстов, к совокупности которых можно отнести не только краткость, яркую образность, оригинальность, использование неологизмов и разговорной лексики, но и национально-окрашенной лексики. Перевод рекламного текста подразумевает его переложение с одного языка на другой с адекватным обеспечением соответствия для адресатов, говорящих на другом языке. Этот процесс включает в себя как лингвистическую, так и культурную корректировку медиарекламы безрецептурных препаратов, чтобы обеспечить релевантность, эффективность и заинтересованность целевой аудитории.

Литература

1. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – Москва: ЕТС, 2002. – 424 с.
2. Евсюкова Т.В., Бутенко Е.Ю. Лингвокультурология. – 5-изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2022. – 480 с. – ISBN 978-5976518230
3. Neubert A. Pragmatische Aspekte der Übersetzung. Grundlagen der Übersetzungswissenschaft // Beihefte zur Zeitschrift „Fremdsprachen“. – Leipzig, 1968. – Beiheft II. – S. 21-33.
4. Neubert A. Das unendliche Geschäft des Übersetzens. – Stuttgart: Hirzel, 2007. – 59 S. – ISBN 978-3-7776-1526-4.
5. Таюпова О.И. Реклама как вид медиатекста // Российский гуманитарный журнал. – 2017. – Т.6. – № 5. – С.435-443. – DOI:10.1564/libartrus-2017.5.9

© Таюпова О.И., 2025

УДК 81'255

**О.С. Терентьев
С.Л. Зорина**
УУНиТ, Уфа, Россия
zorinasvetlana105@yandex.ru

ПЕРЕВОД ИНТЕРФЕЙСА В ВИДЕОИГРЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей перевода и локализации видеоигр на материале видеоигры “Minecraft”. В работе выделяются ключевые этапы локализации по А.Б. Епифановой, раскрываются различия между понятиями «перевод» и «локализация», а также анализируются основные переводческие трансформации, применяемые при передаче видеоигрового интерфейса и контента. На основе примеров из “Minecraft” показано, как использование конкретизации, генерализации, транскрипции и культурной адаптации способствует сохранению смысловой и эмоциональной составляющей оригинала. Сделан вывод о том, что успешная видеоигровая локализация требует не только лингвистической компетенции, но и глубокого понимания игрового контекста и культурных реалий целевой аудитории, что делает данный процесс самостоятельным направлением в сфере современного переводоведения.

Ключевые слова: перевод, локализация, видеоигра, интерфейс, трансформация, культурная адаптация.

TRANSLATION OF A VIDEO GAME INTERFACE

Abstract. The article is devoted to an investigation of features of translation and localization of video games on the material of the video game “Minecraft”. The work highlights the key stages of localization according to A.B. Epifanova, reveals the differences between the concepts «translation» and «localization», and analyzes the main translation transformations applied in the transfer of video game interface and

content. Based on examples from “Minecraft” shows how the use of concretization, generation, transcription and cultural adaptation contributes to the preservation of the meaning and emotional component of the original. It was concluded that successful video game localization requires not only linguistic competence, but also a deep understanding of the gaming context and cultural realities of the target audience, which makes this process an independent direction in the field of modern translation. *Key words:* translation, localization, video game, interface, transformation, cultural adaptation.

Видеогровая индустрия занимает одно из ведущих мест в современной культуре и мировой экономике. Абсолютное большинство видеоигр создается на английском языке, что мешает им достичь международного успеха в полной мере без привлечения переводчиков или владеющих несколькими языками энтузиастов в сфере видеоигр. Актуальность данной темы обусловлена тем, что перевод видеоигры это не только перевод текста, но и адаптация продукта к культурным, техническим и языковым особенностям принимающей аудитории, иными словами – локализация, – что значительно усложняет работу над продуктом и увеличивает время процесса подготовки к выпуску товара на переводимый язык и культуру. Целью исследования являются особенности перевода видеоигрового интерфейса с английского на русский язык, а также анализ примеров успешной языковой и культурной локализации видеоигры “Minecraft”.

Широко распространенное и привычное многим понятие «перевод» в контексте данного дискурса является ничем иным как составляющей локализации переводимого продукта. Когда речь ведется о переводе, обычно подразумевается непосредственная замена текста с языка исходного материала на переводимый язык. Такие элементы, как навигации, инструкции и функциональные элементы игры, переводятся строго с сохранением смысла. Этот процесс фокусируется на точности передачи информации, не всегда на адаптации. Локализация же выходит за рамки перевода это форма межкультурной коммуникации, включающая не только перевод, но и адаптацию продукта под социокультурные особенности целевого региона [1, с. 166–169]. Этот процесс принимает во внимание культурные, социальные и контекстуальные факторы и включает адаптацию шуток, символов, шрифта, изображений, музыки и другого подобного контента, чтобы он был понятен и легко принят целевой аудиторией. Однако это так же означает, что локализованный продукт может существенно отличаться от оригинала, чтобы лучше соответствовать как привычкам, так и предпочтениям различных культур [2]. Стоит отметить, что при локализации игры с иностранного языка на русский, готовый продукт часто называют русификацией.

Итак, в контексте видеоигр локализация охватывает перевод интерфейсов, субтитров, графических и звуковых элементов. Цель переводческого процесса сделать продукт естественным для носителя языка перевода, элементы функционального интерфейса максимально удобными в использовании, сохранив при этом авторскую идею видеоигры.

По А.Б. Епифановой [3, с. 30], процесс локализации включает пять этапов:

1. Подготовка проекта определение целевой аудитории и целей адаптации.
2. Создание терминологической базы унификация терминов.
3. Перевод и редактирование – лингвистическая адаптация текста.
4. Тестирование – проверка качества перевода и функциональности.
5. Финальная подготовка документации и релиз.

Видеогровая локализация делится на предрелизовую (до выхода игры) и постстрелизовую (после релиза), а по объему – на локализацию интерфейса, интерфейса и графики, либо полную локализацию с дубляжом.

Рассмотрим особенности локализации видеоигры “Minecraft” [4] в переводе с английского на русский язык. Локализация видеоигр требует использования различных переводческих трансформаций. Основные из них конкретизация, генерализация, калькирование, компенсация, транслитерация, и др. [5, 117 с.; 6, 78 с.] Рассмотрим примеры:

“*Hat*” – «Головной убор» – генерализация. В данном случае “hat” (шляпа, головной убор) переводится как «головной убор». Это позволяет передать общее значение слова, не уточняя его конкретный вид, поскольку в контексте этого примера имеется в виду верхний слой головы скина (“skin” – кастомизированный внешний вид игрока) играбельного персонажа.

“*Villager*” – «Крестьянин» – конкретизация, передающая сеттинг игры на временном отрезке, подобном историческому Средневековью. В игре эти неиграбельные персонажи (“NPC” – non-playable character) позиционируются как сельские жители, проживающие в деревнях и занимающиеся возделыванием сельскохозяйственных культур, чем они и занимаются. Этот пример хорошо адаптирован под реалии игры.

“*Creeper*” – «Крипер» – транскрипция + замена реалий. Имя неиграбельного персонажа не было переведено как «Ползун» или «Крадущийся», а оставлен как «Крипер». Благодаря использованию такой же трансформации и на другие переводимые языки мира, в совершенно разных культурах название стало узнаваемым брендом.

Эти примеры демонстрируют сочетание точности и адаптивности перевода, позволяющее сохранить смысловую составляющую и общую атмосферу оригинала.

Несмотря на то, что в игре превалируют функциональные элементы, требующие точный перевод, в “Minecraft” так же встречается достаточное количество литературных элементов. Чтобы приблизить игровой контент к восприятию целевой аудитории, специалисты обращаются к культурной адаптации. Например, культурная адаптация проявляется в локализации внутриигровых достижений:

“*Isn’t It Iron Pick?*” – «И кирка без дела ржавеет» В оригинале название достижения является отсылкой к песне “*Ironic*” Аланиса Мориссетта, непосредственно к строке: “*And isn’t it ironic? Don’t you think?*”. Что касается русской адаптации переводчик решил полностью заменить выражение,

поскольку представляется маловероятным, что русскоязычному игроку такая отсылка будет понятной. Вместо этого была использована русскоязычная пословица, означающую, что нужно находить применение всему, что у вас имеется.

“Sweet dreams” – «Спи, моя радость, усни». Переводчик-локализатор применил культурную адаптацию, вместо буквального: «спокойной ночи»/«сладких снов». «Спи, моя радость, усни» – известная строчка из детской колыбельной Вильгельма Готтера, ставшей одной из самых известных колыбельных не только на немецком, но и на многих других языках, в том числе и на русском. Такая аллюзия хорошо знакома русскоязычной аудитории и, как отзываются сами игроки “Minecraft”, «по-настоящему греет душу».

“Beaconator” – «Маяковский». Это достижение образовано от слова “beacon” и суффикса “-ator”, создав слово, которое подразумевает действие или предмет. Соответственно, если преобразовать слово «маяк» схожим образом, мы могли бы получить «Маякер», но локализаторы решили не останавливаться на этом, а сделать культурную отсылку на известного русского и советского поэта, драматурга и киносценариста – Владимира Владимировича Маяковского, позаимствовав его фамилию.

“Not today, thank you.” – «Не дождется!». Это достижение игрок получает при отражении определенной атаки – попадания стрелы в щит. Локализаторам удалось оставить смысл фразы, при этом культурно адаптировав его на русский язык: переведенное буквально «Не сегодня, спасибо.», звучало бы довольно странно от игрока при таких обстоятельствах. Поэтому более дерзкий ответ «Не дождется!» – отличный вариант для успешной адаптации.

Таким образом, переводчики стремятся сохранить эмоциональное воздействие оригинала, заменяя малоизвестные аллюзии на культурно-близкие для носителей языка аналоги.

Помимо достижений, в конце игры представляется самый объемный литературный элемент. Это текстовое послание в форме диалога с философской основой, которое воспроизводится в качестве титров – “End Poem” («Поэма Края»). Поэма написана специально по заказу создателя игры, Маркуса Перссона, ирландским писателем Джеком Гофом. При прочтении поэмы на английском языке, можно отметить некоторые особенности при переводе на русский язык. Разберем следующие примеры:

“I see the player you mean. It has reached a higher level now.” – «Я вижу игрока, которого ты имеешь в виду. Он теперь достиг более высокого уровня.»

В оригинальном тексте к игроку обращаются через местоимение “it”, что грамматически не свойственно для русского языка («игрок» – «он» – мужской род). Таким образом, в переводе используется местоимение «он» вместо «оно», выбор обусловлен грамматической категорией рода русского языка.

“Words make a wonderful interface.” – «Слова – это прекрасный интерфейс.»

При дословном переводе это предложение не будет являться грамотным на русском языке – «Слова делают прекрасный интерфейс». Мог быть

возможен вариант более развернутого преобразования, например, «из слов получается прекрасный интерфейс». Однако, учитывая объем знаков и особенности интерфейса при отображении поэмы текста на экране компьютера, отрывок требует более краткого перевода. Поэтому итоговый вариант «слова – это прекрасный интерфейс» представляется наиболее подходящим и успешным.

Анализ терминологической и практической составляющих данной работы доказал, что видеоигровая локализация является комплексным процессом, требующим сочетания переводческих и культурных компетенций. Успешная локализация достигается балансом между точностью передачи смысла и культурной релевантностью. В играх жанра «песочница», в основном, превалирует функциональная и терминологическая адаптация, но также может использоваться творческая. Переводчик-локализатор должен владеть не только языком, но и игровым контекстом, культурой и механизмами восприятия аудиторий исходного и переводимого языка.

Видеоигровая локализация представляет собой самостоятельное направление переводоведения, объединяющее лингвистику, культурологию и технологию перевода. Рассмотренные примеры показали, что грамотное применение переводческих трансформаций и культурных адаптаций обеспечивает успех продукта на международном рынке и способствует формированию единого игрового пространства.

Литература

1. Сухарева Е.Е., Шурлина О.В. Локализация сайта как форма межкультурной коммуникации // Вестник ВГУ, 2013. – 166-169 с.
2. Как сделать локализацию игр, которая покорит мировой рынок. // Что такое локализация и почему она важнее перевода | Университет СИНЕРГИЯ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://synergy.ru/akademiya/gejmdev/kak_sdelat_lokalizacziyu_igr_kotoraya_pokorit_mirovoj_ruinok.
3. Епифанова А.Б., Комиссарова А.Б., Ремизова С.В. Локализация и роль перевода в процессе локализации //Лингвистика, перевод, межкультурная коммуникация, дискурс травелога. – 2017. – С. 28-32.
4. Minecraft [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.minecraft.net/>.
5. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
6. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практик. – М., 1974. – 216 с.

© Терентьев О.С., Зорина С.Л., 2025

КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА *FRIENDSHIP* В СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «THE GIRL IN THE TOWER» КЭТРИН АРДЕН

Аннотация. Данная статья демонстрирует ход и результаты анализа концепта *FRIENDSHIP* в рамках сказочного дискурса на примере романа «The Girl In The Tower» автора Кэтрин Арден. Работа содержит краткую теоретическую справку о понятии и свойствах сказочного дискурса. Практическая часть исследования показывает процесс контекстуального анализа изучаемого концепта в рамках выбранного произведения, а также полученные по его завершению результаты.
Ключевые слова: концепт *FRIENDSIP*, сказочный дискурс, номинативное поле, контекстуальный анализ, когнитивная лингвистика.

COGNITIVE FEATURES OF THE CONCEPT OF FRIENDSHIP IN FAIRY TALE DISCOURSE: THE CASE OF CATHERINE ARDEN'S NOVEL "THE GIRL IN THE TOWER"

Abstract. This article demonstrates the process and results of analyzing the concept of *FRIENDSHIP* within the framework of fairy-tale discourse, using the novel "The Girl in the Tower" by Katherine Arden as an example. The article provides a brief theoretical background on the notion of concept and the properties of fairy-tale discourse. The practical part of the study shows the process of contextual analysis of the studied concept within the chosen work, as well as the results obtained at the end of the analysis.

Key words: concept of FRIENDSIP, fairy-tale discourse, nominative field, contextual analysis, cognitive linguistics.

Изучение концептов, которые можно отнести к духовным или морально-этическим понятиям, всегда было актуально в лингвистике. Понимание подобных явлений во многом объясняет модели поведения людей в обществе, так как по тому, как в сознании индивида формируются такие понятия, как *добро, зло, любовь, дружба* и др. можно понять о его ценностных ориентирах в общем [4, с. 44].

Надежной эмпирической базой для изучения когнитивной природы концептов является дискурс, который в рамках современного языкознания все чаще является ориентиром. Так, в рамках данного исследования под термином «дискурс» понимается совокупность текстов, объединенных одной тематикой (в частности, жанром) [2, с. 382]. Для исследования концепта *FRIENDSHIP* одним из наиболее удачных подвидов дискурса является именно сказочный дискурс, так как ему свойственны такие черты, как дидактичность (наличие

моральных установок и поучения) и аксеологичность (изображение ценностей общества) [1, с. 102].

Так, существует множество методов исследования концептов, однако наиболее эффективными будут те, которые позволяют исследователю рассмотреть его в естественной среде – в «живом» тексте, в дискурсе [3, с. 2]. Таким образом, контекстуальный анализ – изучение примеров употребления слова-репрезентанта концепта в тексте является подходящим методом исследования.

Перед тем, как приступить к контекстуальному анализу, исследователь может расширить ядро изучаемого концепта другими денотатами или синонимичными понятиями. В рамках настоящей работы концепты *FRIEND* и *FRIENDLY* также являются частью проводимого анализа, так как: 1) слова-репрезентанты этих концептов – прямые деривативы ключевого концепта исследования, 2) включение концептов *FRIEND* и *FRIENDLY* расширит набор выведенных когнитивных признаков, тем самым углубив понимание концепта *FRIENDSHIP*. Таким образом, рассмотрим первый пример:

- “*Dmitrii Ivanovich,*” *Vasya called again, ignoring Kasyan’s grip. Her eyes watered with the pain, but she was determined to speak. “You promised me friendship once. I beg you”* *The prince rounded on her with savage eyes. “I promised friendship to a liar, and to a boy that is dead,” he said. “Get her out of my sight.”*”

В данном случае можно наблюдать довольно типовое для сказочного дискурса уподобление концепта *FRIENDSHIP* концепту *ALLIANCE* (союза). Такой прием можно назвать скорее стилистическим, так как употребление слова «дружба», в значении «союз» (напр. «дружба государств») создает эффект старинного текста, что, следовательно, стилистически выгодно для произведений, сеттинг которых происходит в средние века/древность и т.п. Так, можно выделить *alliance* как один из когнитивных признаков изучаемого концепта. Следующие примеры демонстрируют такой когнитивный признак концепта, как *trust*:

- *Sasha, in his turn, had sent a trusted friend, Brother Rodion, to his own father’s home at Lesnaya Zemlya to warn of war brewing.*
- *He glanced at the scrum and said, “We will have a bite to ourselves, and a little talk among friends. This way.”*

Также, в романе изучаемый концепт имеет такой когнитивный признак, как *not hostile*:

- *Dmitrii laughed. “You did indeed. A wise boy. A wise boy, indeed; for only fools trust, when they are alone on the road. Come, I wish you to be friends.”*
- *She couldn’t see her brother but Vasya could hardly tell friend from foe in the wicked light.*
- *Solovey lowered his head, ears pricked in a friendly way.*

Таким образом, концепт *FRIENDSHIP* в сказочном дискурсе имеет следующие особенности и когнитивные признаки:

1. Концепту свойственно быть синонимичным понятию *alliance/союз*. Такое уподобление помогает сохранить стилистику старинного текста, так как раньше такое понимание концепта *FRIENDSHIP* было более распространено.

2. Схожий по значению когнитивный признак *not hostile* также выделяется в выбранном произведении.

3. Также, концепт имеет такой когнитивный признак, как *trust*. Это говорит о том, что в дискурсе сказки доверие является важным семантическим компонентом понятия дружбы.

Таким образом, в произведении Кэтрин Арден «The Girl In The Tower» концепт *FRIENDSHIP* в первую очередь имеет значение надёжного союза и крепких взаимоотношений.

Литература

1. Астафурова Т. Н., Акименко Н. А. Англосаксонский сказочный дискурс // Дискурс-Пи. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglosaksonskiy-skazochnyy-diskurs>
2. Нухов, С.Ж. Особенности языковой игры в кинематографическом дискурсе / С.Ж. Нухов, К.Д. Войцех // Вестник Башкирского университета. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 382-389. – DOI 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.27.
3. Самигуллина, А.С. Семантические особенности концептов *happiness* и счастье в рамках жанра антиутопии / А.С. Самигуллина, Д.Д. Старикова // Языки в диалоге культур: проблемы многоязычия в полиглоссическом пространстве: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Уфа, 05 июня 2020 года / ответственный редактор: Газизов Р.А.. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. – С. 326-331. – EDN SGUEOA.
4. Старикова, Д.Д. Компоненты значения концепта "happiness": когнитивный и психолингвистический подходы / Д.Д. Старикова // Доклады Башкирского университета. – 2022. – Т. 7, № 1. – С. 43-47. – DOI 10.33184/dokbsu-2022.1.9.

© Фатах Мардан Таха Фатах, 2025

УДК 81'42

А.Л. Фёдорова
УУНиТ, Уфа, Россия
anna_frgf@rambler.ru

ПРОЗАИЧЕСКИЙ ЦИКЛ В ЛИТЕРАТУРЕ НА ПРОСТОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Ю. ШОХ)

Аннотация. В статье рассматриваются сюжетные, композиционные и стилистические особенности прозаического цикла современной германской писательницы Юлии Шох на простом немецком языке. На материале дилогии, опубликованной в сборниках литературного проекта LiES – Literatur in einfacher Sprache (Литература на простом языке), исследуются возможности циклизации

в прозаическом произведении, написанном на особом, упрощенном варианте немецкого литературного языка. Демонстрируются авторские художественно-выразительные приемы, позволяющие создать оригинальное дилогическое единство, отвечающее требованиям литературы на простом языке.

Ключевые слова: цикл, прозаический цикл, дилогия, простой язык, художественная литература на простом языке, немецкий язык, Юлия Шох.

A PROSE CYCLE IN PLAIN LANGUAGE FICTION (BASED ON THE STORIES OF J. SCHOCH)

Abstract. The article examines the plot, compositional and stylistic features of the prose cycle of the modern German writer Julia Schoch in plain German. Based on the material of the dilogy, published in two collections of the literary project LiES (Fiction in Plain Language), the possibilities of cyclization in a prose work written in a special, simplified version of the German literary language are explored. The author's expressive techniques are demonstrated, allowing for the creation of the original dilogy that meets the requirements of literature in plain language.

Key words: cycle, prose cycle, dilogy, plain language, fiction in plain language, German language, Julia Schoch.

Создание оригинальных литературных текстов на простом языке ознаменовало новый этап в развитии художественной литературы. В немецкоязычном пространстве локомотивом наметившегося движения стал проект LiES – Literatur in einfacher Sprache литературного дома во Франкфурте, объединивший усилия современных профессиональных писателей. Творческим итогом проекта стали 2 сборника рассказов („LiES. Das Buch“, „LiES. Das zweite Buch“), написанных на простом немецком языке и опубликованных в издательстве Piper в виде печатной книги, в электронном формате и в аудиоверсии. Простой язык (англ. plain language, нем. Einfache Sprache) – особая письменная форма национального языка, в 2023 г. закрепленная международным стандартом ISO, согласно которому текст на простом языке по своему содержанию, структуре и оформлению должен обеспечивать читателю легкий поиск, доступность понимания и использования информации [1]. Целевая аудитория текстов на простом языке мыслится достаточно широко и в первом приближении может быть обозначена как «читатели с трудностями чтения». Дальнейшая стратификация читательской аудитории позволяет говорить о таких группах населения, как мигранты с недостаточным уровнем владения языком страны-пребывания, пожилые граждане с возрастными особенностями концентрации внимания, памяти и, как следствие, с трудностями чтения и понимания, читатели с особыми потребностями в силу заболевания, перенесенной травмы или др. Несомненно, первую линию текстов на простом языке составили документы правового, медицинского, социально-бытового содержания, жизненно важные памятки, инструкции и пр. Революционный характер проекта LiES видится в том, что его создатели расширили круг первостепенных потребностей пользователей простого языка,

акцентируя внимание общественности на информационной доступности культурно-досуговой сферы. Художественная литература на простом языке мыслится создателями проекта LiES как максимально возможное привлечение всех заинтересованных читателей, так как простое и лаконичное обладает немалым потенциалом творчества и новаторства: литература на простом языке – это настоящее искусство, подчеркивает в предисловии к сборникам руководитель проекта LiES Х. Хюкстедт [2; 3]. В ходе обсуждения и реализации проекта были впервые сформулированы правила написания художественного текста на простом немецком языке, позволяющие творить вымышленные миры, создавать нетривиальные образы, выстраивать захватывающие сюжеты, сохраняя доступность чтения и понимания (см. подр. [4]).

Среди авторов LiES признанные мастера художественного слова – А. Вальзер, А. Гайгер, Ю. Герман, Т. Шахингер, В. Шорлау, Ю. Шох и др., писательский талант которых красноречиво подтверждают престижные литературные премии и успешное сотрудничество с ведущими европейскими издателями. Неудивительно, что сотворчество с литературным домом Франкфурта в проекте LiES стало для многих писателей своеобразной экспериментальной площадкой. Во-первых, трансформируется привычный инструмент – язык. Место стандартного литературного немецкого языка занимает его регламентированный вариант – простой язык, достаточно ограниченный по форме, лексическому наполнению и грамматической структуре. Во-вторых, лаконичная языковая форма закономерно требует поиска новых художественно-выразительных средств, жанровых и сюжетных решений, которые бы отвечали требованию доступности чтения и одновременно оставляли простор для творчества. Именно такие литературные инновации, реализованные средствами простого языка, представляют особый интерес в контексте филологического исследования художественной выразительности.

Одним из ярких литературных решений проекта стала диология Юлии Шох – рассказы «Ich verlasse dich» и «Ich bringe die Katze zurück» [2; 3]. Они объединены не только одним автором и особой формой повествования – на простом языке. В сюжетном, композиционном, стилистическом плане рассказы с первых строк обращают на себя внимание читателя. Истории имеют законченную форму и идейное содержание как по отдельности, будучи самостоятельными художественными произведениями, так и в перекличке друг с другом, что позволяет говорить об их диологическом единстве. Как отмечает О.Е. Баланчук, «целостность диологии может приравниваться к целостности единого произведения» [5, с. 16].

Следует подчеркнуть, что оба сборника LiES составляют исключительно произведения малой формы – рассказы, что продиктовано правилами литературного текста на простом языке, выработанными авторами на этапе подготовки проекта. Ю. Шох прибегает к известному литературному приему цикличности и нивелирует указанное ограничение, на поверхностном уровне объединяя свои рассказы единой сюжетной линией и создавая диологию. На глубинном уровне в рассказах прослеживаются разнообразные дополнительные

элементы структуры текста, реализующие принцип циклизации. Представленные рассказы можно рассматривать как прозаический цикл, или «художественное единство, обладающее завершённостью, в котором каждая часть художественной общности имеет как точную позицию внутри этой общности, так и определенную степень автономности» [6, с. 41]. По мнению многих исследователей феномена цикла в литературе, произведения, составляющие прозаический цикл, объединяются тематически, композиционно, стилистически, что создает ассоциативные связи, перекличку между произведениями внутри цикла, открывает новые смыслы (см., напр., [5; 6; 7]). В рамках настоящей статьи анализируются художественные приемы, позволяющие автору создать целостное литературное пространство прозаического цикла на простом языке.

Герои рассказов – семейная пара, которая после многих лет брака переживает кризисный этап отношений, грозящий разрывом. Первый рассказ написан от лица героини. Лейтмотив повествования вынесен в заглавие – «*Ich verlasse dich*» (пер. Я от тебя ухожу.). Уставшая от бытовой рутины женщина, привычно ждет мужа к ужину и перебирает в памяти события, из которых, словно из отдельных фрагментов, воссоздается картина обычной семейной жизни: знакомство, влюбленность, рождение детей, повседневные радости и печали, угасание чувств и обиды. Сквозь череду воспоминаний пульсирует пугающая героиню мысль о том, чтобы наконец решиться и сказать судьбоносные слова «*Ich verlasse dich*». Второй рассказ «*Ich bringe die Katze zurück*» (пер. Я верну кошку) описывает события из жизни героя, происходящие в тот же день: пока героиня собирается с духом, чтобы сообщить о решении расстаться, герой обходит близлежащие улицы и дворы, надеясь найти кошку, любимицу жены, убежавшую через незакрытую плотно входную дверь. Герой догадывается о намерениях жены. Первым явным мостиком в диалогии становится ключевая фраза «*Ich verlasse dich*». Она вынесена в заглавие первого рассказа и лейтмотивом пронизывает повествование героини. Во втором рассказе, где повествование ведется от лица главного героя, слова о возможном расставании, подобно ярким всполохам, вспыхивают в моменты наибольшего эмоционального напряжения: напр., герой понимает внутреннее состояние жены и стремится не допустить разрыва: *Der Plan meiner Frau ist: sie will mich verlassen. Ich weiß, dass sie es will. (...) Es macht mich wütend, dass meine Frau zu mir sagen will: Ich verlasse dich.* (пер. План моей жены – она хочет от меня уйти. Я знаю это. ...) *Меня приводит в бешенство мысль о том, что она хочет мне сказать: Я от тебя ухожу.).* Еще один соединительный элемент в диалогии Ю. Шох – зачин, первое предложение в рассказах. Оба повествования начинаются с фразы: *Es ist ganz einfach* (пер. Это так просто.). Эти слова успокаивают героя, дарят надежду, что все наладится. Героиня поражена простоте слов, с которых начинается любовь и которыми она заканчивается: *Ich liebe dich. Ich verlasse dich.* (пер. Я люблю тебя. Я от тебя ухожу.). Достаточно трех слов, чтобы сказать самое важное: *Drei Wörter am Anfang, drei Wörter am Ende. Das Wichtigste im Leben lässt sich mit sehr wenig Wort-Material sagen.* (пер.

Три слова в начале, три слова в конце. Нужно так мало слов, чтобы сказать самое важное в жизни.).

Оба рассказа – воспоминание героев о 30 годах, прожитых вместе. Нужно отметить, что Ю. Шох мастерски владеет искусством ретроспекции. Писательница отрицает идею «общего прошлого»: время проходит, меняются отношения и сам человек. Подобно паре, которая вместе провела отпуск и по возвращении по-разному вспоминает совместное путешествие, у каждого своя «капсула времени», свои воспоминания. Возможность говорить о прошедших событиях и заново проживать их спасает от противоречивых чувств и спутанных мыслей [8]. Идею уникальности проживания прошлого автор вкладывает в уста героя: *Jeder Mensch erinnert sich an etwas anderes. Auch wenn wir das ganze Leben miteinander verbringen. Wir verbringen Stunden und Tage und Wochen und Monate und Jahre zusammen. Trotzdem erinnert sich nach 30 Jahren jeder an ein anderes Leben.* (пер. *Каждый человек вспоминает о чем-то своем. Даже если вся жизнь прошла вместе. Мы проводим друг с другом часы, дни, недели, месяцы и годы. Но спустя 30 лет у каждого свои воспоминания.*). Он и она вспоминают одни события, но детали и акценты у каждого свои.

Удивительным образом перекликается стилистический прием перечисления, используемый в дилогии. Герой вспоминает, как в самом начале отношений описал возлюбленной картину их будущей жизни: от пылкой влюбленности и нежной привязанности к постепенному угасанию, а затем счастливому возрождению чувства любви, когда можно вновь гулять, держась за руки, и смеяться шуткам друг друга. Героиня также вспоминает, как прошли 30 лет: подробно, с важными для нее бытовыми деталями (покупками, поездками, семейными праздниками и житейскими неурядицами). Женский взгляд в прошлое фиксирует и то, как незаметно, но драматично менялись отношения с мужем – появилось сначала чувство необъяснимой тоски, затем отчуждения и, наконец, потеряянности и «одиночества вдвоем» в квартире, со временем ставшей огромной, как космос. Ю. Шох оставляет читателю надежду на счастливое продолжение истории семейной пары – простые на первый взгляд слова *Ich verlasse dich* остаются несказанными. Обращаясь к мужу, героиня произносит обнадеживающие слова *Ich liebe dich*. Герой в finale дилогии также оптимистичен: он возвращается домой с кошкой и уверен, что она не убежит, если ее хорошо кормить: *So einfach ist das.* (пер. *Вот так просто.*). Повторение ключевой в идейном содержании фразы завершает кольцевую композицию и рассказа героя, и дилогии в целом.

Таким образом, Юлия Шох ярко демонстрирует возможности для творческого эксперимента в литературе на простом языке. Создавая оригинальный прозаический цикл, автор подтверждает непреходящую ценность поиска новых форм организации художественного пространства в литературе, в том числе и средствами доступного языка.

Литература

1. ISO Plain Language Standard // PLAIN Plain Language Association International [Электронный ресурс]. – URL: <https://plainlanguagenetwork.org/plain-language/iso-plain-language-standard/> (дата обращения: 23.10.2025).
2. Schoch J. Ich verlasse dich // LiES. Literatur in Einfacher Sprache / Hrsg. von H. Hückstädt. – München: Piper Verlag, 2020. – 288 S.
3. Schoch J. Ich bringe die Katze zurück // LiES. Das zweite Buch. Literatur in Einfacher Sprache / Hrsg. von H. Hückstädt. – München: Piper Verlag, 2023. – 256 S.
4. Фёдорова А.Л. Художественные средства выразительности в литературе на простом языке (на материале рассказа Ю. Герман «Ловушка») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 10. – С. 3186-3192. – DOI 10.30853/phil20230496.
5. Баланчук О.Е. Дилогия в русском литературном процессе: генезис и эволюция // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2010. – Т. 1, № 2. – С. 7-16.
6. Пивоварова Е.Л. Принцип циклизации как эксперимент в прозе в начале XX в.: к постановке вопроса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – № 1. – С. 40-43.
7. Гареева Л.Н. Вопросы теории цикла (лирического и прозаического) // «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева: Вопросы поэтики. – Ижевск: УдГУ, 2004. – С. 19-27, 81-82.
8. Hähnel-Mesnard C. „Schreibend bekommt man die Vergangenheit in den Griff“ [Электронный ресурс] // Germanica. – 2021. – № 68. – Р. 141-150. – URL: <http://journals.openedition.org/germanica/11174> (дата обращения: 09.11.2025).

© Фёдорова А.Л., 2025

УДК 81'373

Р.Б. Хакимова

УУНиТ, Уфа, Россия

Ralina.sun@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОМЕННЫХ ИМЁН КАК ОСНОВА ЦИФРОВОЙ НОМИНАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена лингвистическому анализу доменных имён как номинативных единиц, функционирующих в цифровом пространстве. Рассматриваются предпосылки формирования системы доменных имён, их структурная организация (имя второго уровня и домен верхнего уровня), а также ономастический и семиотический потенциал. Особое внимание уделяется роли доменных имён в процессе нейминга, цифровой идентификации и презентации в интернет-дискурсе.

Ключевые слова: доменное имя, ономастика, идентификатор, модификатор, цифровая номинация, интернет-дискурс, нейминг, лингвистический анализ

THE LINGUISTIC POTENTIAL OF DOMAIN AS A BASIS FOR DIGITAL NAMING

Abstarct. The article is devoted to the linguistic analysis of domain names as nominative units operating in the digital space. It examines the prerequisites for the formation of the domain name system, their structural organization (second-level and top-level domains), as well as their onomastic and semiotic potential. Particular attention is given to the role of domain names in naming practices, digital identification, and representation within Internet discourse.

Key words: domain name, onomastics, identifier, modifier, digital nomination, internet discourse, naming, linguistic analysis.

Развитие сети Интернет и расширение её возможностей привели к формированию особого типа наименования, связанного с необходимостью идентификации информационных ресурсов в цифровом пространстве. Одним из ключевых инструментов такой идентификации является *доменное имя (DNS)*, которое представляет собой символный адрес веб-ресурса и обеспечивает удобство навигации, запоминаемость и доступ к информации.

Изначально изучение доменных имён началось в контексте технического нормирования и регламентации адресного пространства сети. В настоящее время доменные имена рассматриваются как ономастические единицы, обладающие семантическими, прагматическими характеристиками и коммуникативной направленностью. Доменное имя включает два структурных компонента: идентификатор (*имя второго уровня, Second-Level Domain, SLD*) и модифицирующий элемент (*домен верхнего уровня, Top-Level Domain, TLD*), что позволяет говорить о доменном имени как о комбинированной модели, в которой языковые средства используются для обозначения, позиционирования и дифференциации объектов в сети. Именно интерпретация доменного имени в качестве единицы языка, а не только технического адреса, и определяет актуальность данного исследования. Анализ доменных имён в лингвистическом аспекте позволяет выявить закономерности их формирования и функционирования, что важно для понимания современных процессов нейминга в цифровой среде.

Цель данной статьи состоит в рассмотрении доменных имён как объекта лингвистического анализа с учётом их происхождения, ономастической природы, особенностей нейминга и структурной организации. В рамках исследования последовательно прослеживаются этапы формирования системы доменных имён, анализируется их соотнесённость с другими типами собственных наименований, описываются принципы выбора и функционирования доменных имён в практике нейминга, а также уточняется взаимодействие идентифицирующего и модифицирующего компонентов в их структуре.

В основе адресного пространства сети Интернет лежит система доменных имен (*Domain Name System, DNS*), разработанная в 1983 году американским инженером Полом Мокапетрисом для обеспечения удобного для восприятия

человеком способа адресации сетевых ресурсов. До внедрения *DNS* доступ к сайтам осуществлялся преимущественно по числовым *IP-адресам*, представляющим собой последовательность цифр, например: 172.217.16.78. Подобные адреса были функциональны, но затрудняли запоминание и не позволяли пользователю соотнести адрес с содержанием или назначением ресурса. Введение доменных имен стало ответом на необходимость создания символического обозначения, способного выполнять не только техническую, но и коммуникативную функцию.

Официальное определение доменного имени было закреплено в 1987 году в спецификациях *RFC 1034 «Domain Names – Concepts and Facilities»* и *RFC 1035 «Domain Names – Implementation and Specification»*. В *RFC 1034* доменное имя определяется как «последовательность символьных меток, разделённых точками, каждая из которых соответствует уровню иерархии в пространстве имен» [4]. Таким образом, доменное имя изначально создавалось как иерархическая языковая структура.

Имя второго уровня (*Second-Level Domain, SLD*) представляет собой индивидуализированную символическую часть доменного имени, которая обычно указывает на конкретный ресурс, организацию или продукт. Оно выполняет функцию первичной идентификации и чаще всего содержит элементы, отражающие наименование компании, сферы деятельности, ключевые понятия или маркетингово значимые конструкции. Например, в доменном имени *example.com* элемент *example* представляет собой имя второго уровня, служащее уникальным идентификатором конкретного ресурса в пределах выбранной доменной зоны.

Домен верхнего уровня (*Top-Level Domain, TLD*), в свою очередь, располагается в правой позиции иерархии и выполняет функцию модификатора – он указывает на тип ресурса, его географическую принадлежность или функциональное назначение (например, *.ru*, *.org*, *.edu*). Таким образом, структура доменного имени демонстрирует двойную маркировку: с одной стороны – уникальность конкретного обозначения, с другой – его категоризацию в рамках цифрового пространства [5].

Первоначально система доменных имён была разработана исключительно как технический инструмент иерархической адресации ресурсов в сети, однако в настоящее время она всё чаще становится предметом лингвистического анализа. Как подчёркивает М.Н. Дубинина, развитие национальных и тематических доменов, внедрение *IDN* (интернационализированных доменных имён) и стремление к языковой адаптации цифровой среды создают условия для формирования лингвистически значимых практик именования в Интернете [1, с. 27]. Доменные имена всё чаще рассматриваются как элементы ономастического пространства цифровой коммуникации, где языковая форма вступает в прямое взаимодействие с прагматическими и культурными задачами дискурса.

В современных условиях доменное имя функционирует не просто как вспомогательный адрес, но как инструмент смыслового позиционирования, встраивающийся в широкие стратегии цифровой идентичности. Это

обусловлено тем, что пользователи всё чаще воспринимают доменное имя как часть лингвистического представления о бренде, ресурсе или явлении. Как подчёркивает Д. Кристал, интернет-язык развивается по собственным законам и формирует уникальные типы дискурсивных единиц, среди которых доменные имена выполняют функции узнавания, оценки и ассоциативного соотнесения [3, с. 18]. Само наличие символной формы домена побуждает к выбору наименования, способного отразить не только содержание, но и ценности, стиль или идеологию создаваемого ресурса.

Особенности лексико-семантической структуры доменных имён обусловлены не только pragматическими задачами бренда или ресурса, но и спецификой национального языкового сознания, культурных кодов и стилистических предпочтений [2, с. 316]. Доменные имена нередко формируются по моделям, типичным для конкретного языкового сообщества: используются характерные морфемные конструкции, устойчивые словосочетания, ассоциативные ряды и экспрессивные формы, близкие и понятные целевой аудитории. Так, например, в англоязычном сегменте сети предпочтение отдается доменам с элементами языковой игры, аллюзиями, сокращениями и эффектом запоминаемости, тогда как в русскоязычной практике наблюдается тенденция к прямому наименованию с отражением тематики ресурса и его профиля.

Подобные различия иллюстрируют не просто стилистическую вариативность, а демонстрируют участие доменных имён в более широких когнитивных и культурно-языковых процессах. В наименовании доменов проявляются особенности менталитета, коммуникативной стратегии, уровня дигитальной грамотности и степени языковой креативности. Как следствие, доменное имя становится маркером не только адресации, но и презентации, заключающей в себе элементы коллективной идентичности.

Кроме того, доменные имена подвержены влиянию глобальных тенденций в маркетинге, моде на определённые слова, лексемы или стилистические приёмы. Появление суффиксальных форм типа *-hub*, *-tech*, *-lab*, активно внедряемых в международных *TLD*, демонстрирует формирование квазиморфологической системы внутри цифровой номинации. При этом культурные шаблоны и ассоциативные ожидания аудитории накладывают свои ограничения на восприятие таких конструкций, делая их более или менее уместными в конкретной языковой среде.

В заключение стоит подчеркнуть, что доменное имя представляет собой не просто инструмент цифровой навигации, но и полноценную единицу языковой системы, в которой переплетаются ономастические, семантические и pragматические характеристики. Возникнув как элемент технической инфраструктуры, доменное имя прошло путь функциональной трансформации, став частью коммуникативного, культурного и лингвистического пространства.

Исследование доменных имён с лингвистической точки зрения позволяет выявить механизмы цифровой номинации, отражающие ценности, представления и коммуникативные стратегии различных языковых сообществ. Структура и выбор компонентов доменного имени – идентификатора и

модификатора – подчиняются не только требованиям удобства и узнаваемости, но и принципам символического позиционирования в цифровой среде. В этом контексте доменные имена становятся важными маркерами цифровой идентичности, способными транслировать определённые смыслы, культурные коды и дискурсивные намерения.

В условиях глобализации и стремительного расширения интернет-пространства роль лингвистических исследований в области цифрового нейминга продолжает возрастать. Анализ доменных имён как ономастических единиц открывает перспективы для более глубокого понимания процессов языковой адаптации технологий, формирования новых номинативных практик и развития языкового сознания в цифровую эпоху. Таким образом, доменные имена оказываются не только частью технического устройства Интернета, но и живыми элементами речевой деятельности, требующими комплексного и многоуровневого анализа.

Литература

1. Дубинина М.Н. Цифровые и национальные домены: тенденции ономастики в интернет-коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 2. – С. 25-32.
2. Уразметова А.В., Хакимова Р.Б. Доменные имена салонов красоты Великобритании и США как объект лингвистического исследования // Казанская наука. – 2025. – № 5. – С. 315-318.
3. Crystal D. Language and the Internet. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – С. 1-23.
4. Mockapetris P. Domain Names – Concepts and Facilities. – RFC 1034. – November 1987. – URL: <https://www.rfc-editor.org/rfc/rfc1034> (дата обращения: 10.11.2025).
5. Mockapetris P. Domain Names – Implementation and Specification. – RFC 1035. – November 1987. – URL: <https://www.rfc-editor.org/rfc/rfc1035> (дата обращения: 10.11.2025).

© Хакимова Р.Б., 2025

УДК 81:070

Р.Н. Чиж
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
romanchizh@inbox.ru

КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕДИАДИСКУРСА

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса использования креативных средств языка, характерных для английского медиадискурса. Также отмечаются тенденции, оказывающие большое влияние на современный медиадискурс, приводятся примеры креативных единиц, обнаруженных в англоязычных медиа, которые были подвергнуты анализу. Делается вывод о

том, что в медиадискурсе как динамичной системе активно используются такая категория как лингвокреативность, достигаемая за счет использования большого арсенала креативных средств.

Ключевые слова: медиадискурс, креативность, лингвокреативность.

CREATIVE POTENTIAL OF MEDIA DISCOURSE

Abstract. The article is devoted to the study of the use of creative language means characteristic for English media discourse. It also notes the trends that have a great impact on modern media discourse, provides the examples of creative units found in English language media that are being analyzed. The article concludes that media discourse, as a dynamic system, actively uses the category of linguistic creativity, which is achieved through the use of a wide range of creative means.

Key words: media discourse, creativity, linguistic creativity.

Медиадискурс¹ в настоящий момент времени переживает ряд знаменательных трансформаций. В значительной степени это обусловлено технологическим прорывом прошлого и настоящего столетия, внедрением широкого спектра технологий в сферу медиа, в результате чего появился конвергентный подход в медиа, воплощаемый в том, что информация стала передаваться при помощи различных каналов, появились новые жанры, а также формы презентации контента, различные типы дискурсов в медиа начали активно сливаться, образуя гибридные дискурсы, которые взаимодействуют, оказывая влияние друг на друга, границы между создателем и реципиентом информации практически стерлись. Этот процесс трансформации медиа продолжается, оказывая огромное влияние на содержательную сторону создаваемых в рамках медиа медиатекстов, а также на саму деятельность, предшествующую их созданию. Здесь уместно привести также цитату В.И. Ивченкова, иллюстрирующую изменения в походе журналиста к его работе в рамках происходящих трансформационных процессов: «В дискурсе СМИ, документальном по своей природе, наблюдается усиление авторского начала, которое минимально проявлялось в журналистике прошлого века. Современный журналист – это личность, коммуникативный лидер, который говорит с читателем, рассуждает, анализирует, информирует (*docere*), реализует коммуникативные установки, раскрывая свою мировоззренческую позицию, побуждает к действию (*movere*), аргументирует и развлекает, склоняя аудиторию на свою сторону (*delectare*). Высказанное журналистом мнение становится в ряд других мнений, представленных на медийных и веб-платформах. Оно одно из многих... Эти обстоятельства требуют от журналиста приложения особых усилий в донесении мысли до адресата. От того, насколько он будет убедительным, зависит его профессиональный успех» [4].

¹ В рамках настоящего исследования медиадискурс понимается вслед за Н.Ф. Алефиренко как «...речемыслительное образование событийного характера в совокупности с pragmatischen, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами...» [1].

Для того, чтобы привлечь внимание широкой аудитории журналист в настоящее время стремится искать новые формы подачи и изложения своего материала, обращается к приемам экспрессии, активно пытается использовать разнообразные средства языковой выразительности. В этих условиях широкое распространение в медиапрактике получает такое понятие как креативность.

Креативность трактуется исследователями как:

«...уровень творческого потенциала, способности к творчеству, составляющей относительно устойчивую характеристику личности» [3, с. 70] и содержит в себе «...прошлые, сопутствующие и/или последующие характеристики процесса, в результате которого человек (или группа людей) создает что-либо, не существовавшее прежде.» [6, с. 99].

Говоря о креативности, некоторые ученые противопоставляют ее «– материальному как недуховному, – старому, обыденному, банальному, – отсутствию сотворческого вклада интерпретатора в создание значения, – буквалистскому восприятию, – нечаянному действию (ошибке) [2, с. 33].

Рассматривая категорию креативности применительно к медиадискурсу, в котором генерируется бесчисленное множество идей, замыслов, воплощаемых в текстах, следует говорить о лингвистической креативности.

Креативность в медиадискурсе включает в себя следующее: *генерацию новых оригинальных идей; детализацию и углубление уже имеющихся идей; создание новых текстов, содержащих образные выразительные единицы, словообразовательные новации, интерактивные элементы; использование речевых стратегий и тактик, способствующих включению ассоциативного мышления, а также воздействию на реципиента.*

Рассмотрим примеры креативного компонента, задействуемого в английском медиадискурсе. Большое число лингвокреатем (термин Г.А. Копиной и А.П. Сквородникова) – единиц, под которыми мы понимаем «преднамеренно отобранные или преобразованные средства языка, а также новообразования, нацеленные на создание эстетического впечатления» [5, с. 101], мы обнаруживаем в названиях публикаций, например:

Sausage dog walk in Paris – and other news in pictures², Chef's table craze takes off as diners want front-row drama³ (прием создания комического эффекта), *Foreign student tax threatens London's competitive edge⁴* (прием олицетворения, т.е. перенос качеств живого человека на объект), *Blame rotten individuals, not systematic racism⁵* (прием использования оксюморона, т.е. сочетания противоположных понятий), *Labour's budget chaos sending Holyrood hopes down*

² Sausage dog walk in Paris – and other news in pictures [Электронный ресурс] // The Times. URL: <https://www.thetimes.com/uk/photography-uk/article/sausage-dog-walk-paris-news-in-pictures-s8t9fmqb6> (дата обращения: 15.10.2025).

³ Chef's table craze takes off as diners want front-row drama [Электронный ресурс] // The Times. URL: <https://www.thetimes.com/life-style/food-drink/article/chefs-table-craze-diners-front-row-drama-jslk6d87h> (дата обращения: 02.10.2025).

⁴ Foreign student tax 'threatens London's competitive edge' [Электронный ресурс] // The Times. URL: <https://www.thetimes.com/uk/london/article/foreign-student-tax-london-523mbq7pv> (дата обращения: 02.10.2025).

⁵ Blame rotten individuals, not 'systemic racism' [Электронный ресурс] // The Times. URL: <https://www.thetimes.com/comment/columnists/article/blame-rotten-individuals-police-systemic-racism-bzmcj0gk> (дата обращения: 15.10.2025).

*plughole*⁶ (использование единиц, снижающих официальную тональность описываемого, придающих тексту разговорность, способствующих воздействию на читателя).

Процесс креативной деятельности дает языку новые слова. Помимо «готовых», существующих уже в языке единиц в процессе креативного осмыслиния действительности используются новые слова, появившиеся недавно. Так, в медиа находим:

*Coronavirus challenge performed by COVIDIOTS trending on social media*⁷ (covidiot – человек, не соблюдающий предписания в период пандемии коронавируса, ведущий себя беспечно);

*The Foreman Forecast: Trumptanic!*⁸ (прием языковой игры; лингвокреатема образована от имени американского президента Д. Трампа);

Despite the prevalence of frenemies in popular culture and the significant effect these relationships can have on our lives, frenemy scholarship is limited and contradictory,” says Dr. Jenna Abetz, the lead author of the study⁹ (прием использования оксюморона; слово образовано от слов friend – друг и enemy – враг, обозначает человека, который сочетает в себе эти два качества одновременно);

*The Coffice economy is booming and four out of five Brits are part of it*¹⁰ (название для кофейни, предназначеннной для работы, учебы, а также времяпровождения).

Благодаря лингвокреативному словотворчеству в медиадискурсе широко используется метафора:

*Some of the most notorious art forgeries form the centre-piece of a new London show, which reveals a cat-and-mouse world of intrigue, deception and painstaking detective work*¹¹ (использования приема метафоры, подчеркивающую противостояние);

*Publishers' candid thoughts on video: 'We're a bunch of sheep'*¹² (метафора, обозначающая группу невежественных и невоспитанных людей).

Креативность в медиадискурсе может создаваться не только с помощью отдельных слов-неологизмов или стилистически маркированных единиц, но и

⁶ Labour's budget chaos 'sending Holyrood hopes down plughole' [Электронный ресурс] // The Times. URL: <https://www.thetimes.com/uk/scotland/article/labours-budget-chaos-sending-holyrood-hopes-down-plughole-sddz0bcgc> (дата обращения: 02.10.2025).

⁷ Coronavirus challenge performed by COVIDIOTS trending on social media [Электронный ресурс] // The Post Millennial. URL: <https://thepostmillennial.com/corona-challenge-performed-by-covidiotics-trending-on-social-media> (дата обращения: 05.10.2025).

⁸ The Foreman Forecast: Trumptanic! [Электронный ресурс] // Metro.us. URL: <https://www.metro.us/the-foreman-forecast-trumptanic/> (дата обращения: 08.10.2025).

⁹ Psychologists define what the term 'Frenemy' really means [Электронный ресурс] // Forbes.com. URL: <https://www.forbes.com/sites/traversmark/2023/04/12/psychologists-define-what-the-term-frenemy-really-means/> (дата обращения: 02.10.2025).

¹⁰ The Coffice economy is booming and four out of five Brits are part of it [Электронный ресурс] // Small business. URL: <https://smallbusiness.co.uk/coffice-economy-booming-2539382/> (дата обращения: 10.10.2025).

¹¹ Cat-and-mouse world of art fraud revealed in London show [Электронный ресурс] // France24. URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20230616-cat-and-mouse-world-of-art-fraud-revealed-in-london-show> (дата обращения: 02.10.2025).

¹² Publishers' candid thoughts on video: 'We're a bunch of sheep' [Электронный ресурс] // Digiday.com. URL: <https://digiday.com/future-of-tv/publishers-candid-thoughts-video-platforms-twitter-breath-fresh-air/> (дата обращения: 02.10.2025).

на синтаксическом уровне, когда этому служит грамматика в разнообразии своих конструкций, например:

*“It’s not true... It can’t be true...” I chuntered to myself as my friend proceeded to shove her phone under my nose, smugly flicking through pictures purporting to be “before” and “after” whatever cosmetic wizardry Stone had undergone*¹³ (использование приема повтора с целью вызвать эмоциональную реакцию); *Me, for one*¹⁴ (использование эллиптических предложений, в которых отсутствует какая-либо значимая часть для того, чтобы выделить или подчеркнуть мысль);

*Europe’s energy plan: is it enough to get through winter?*¹⁵ (прием использования риторического вопроса);

*Why the West is best*¹⁶ (использование приема рифмы);

Cristiano Ronaldo was like Michael Jordan since the age of 17 according former teammate (использование приема сравнения)¹⁷.

Обращение к медиадискурсу и анализ материала позволяет утверждать, что медиадискурс, в частности английский, обладает таким имманентным свойством как креативность, которая раскрывается в следующих функциях: обогащение содержания текста, снижение предсказуемости последнего, развитие мышления читателя, формирование его реакции, вызов определенных эмоций, а также воздействие.

Лингвокреативность в широком плане можно рассматривать как речевую стратегию, направленную на достижение целей автора.

Лингвокреативный компонент позволяет автору сделать его материал запоминающимся, использовать новые нетривиальные средства, которые обязательно обратят на себя внимание. Креативность позволяет поместить большой глубокий смысл в небольшую форму или средство.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Медиадискурс и его коммуникативно-прагматическая сущность // Медиалингвистика. 2016. № 1(11). С. 49-57. URL: <https://medialing.ru/mediadiskurs-i-ego-kommunikativno-pragmatischeeskaya-sushchnost/> (дата обращения: 11.11.2025).

¹³ If all the cool, young girls are getting new faces, what hope is there for the rest of us? [Электронный ресурс] // www.independent.co.uk. URL: <https://www.independent.co.uk/life-style/facelifts-botox-emma-stone-jennifer-lawrence-b2860966.html> (дата обращения: 10.10.2025).

¹⁴ What does the left want? A wealth tax. What will that accomplish? Very little [Электронный ресурс] // www.theguardian.com. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/nov/20/wealth-tax-left-super-rich-britain-budget-2025> (дата обращения: 11.10.2025).

¹⁵ Europe’s energy plan: is it enough to get through winter? [Электронный ресурс] // Financial times. URL: <https://www.ft.com/content/d40c434a-01db-48a2-a535-3dd502354736> (дата обращения: 05.10.2025).

¹⁶ Why the West is best [Электронный ресурс] // The spectator. URL: <https://thespectator.com/topic/west-best-praise-western-civilization/> (дата обращения: 05.10.2025).

¹⁷ Cristiano Ronaldo was like Michael Jordan since the age of 17 according former teammate [Электронный ресурс] // Republicworld.com. URL: <https://www.republicworld.com/sports/football/cristiano-ronaldo-was-like-michael-jordan-since-17-the-last-dance> (дата обращения: 02.10.2025).

2. Демьянков В.З. Языковая креативность в художественном творчестве // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 7. – М.: Институт русского языка имени В.В. Виноградова, 2016. – С. 29-33.
3. Дубровская Е.В. Теоретические аспекты развития креативности будущего учителя // Преподаватель высшей школы: традиции, проблемы, перспективы: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Тамбов, 30 октября-5 ноября 2017 / Отв. ред. Л.Н. Макарова, И.А. Шаршов; Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 70-76.
4. Ивченков В.И. Новые модели коммуникации и стилистические приоритеты современного медиадискурса // Медиалингвистика. 2019. № 6(1). С. 135-144. DOI: 10.21638/spbu22.2019.110. URL: <https://medialing.ru/novye-modeli-kommunikacii-i-stilisticheskie-priorityt-sovremennoogo-mediadiskursa/> (дата обращения: 11.11.2025).
5. Копнина Г.А., Сквородников А.П. Стилистика креатива и эко лингвистика: точки соприкосновения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 8 (38), ч. I. С. 101–104.
6. Петухова И.А. Креативность и речь: критический анализ тестов на креативность // Педагогические чтения. Вып. 3. – Волгоград: Научный издательский центр «Абсолют», 2021. – С. 99-104.

© Чиж Р.Н., 2025

УДК 81'42

В.С. Шаталова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
shtlv.violett@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ БАЙ ЛУ)

Аннотация. В статье исследуются механизмы лингвистического моделирования национальной идентичности в современном Китае на примере публичных выступлений и личных блогов актрисы Бай Лу. На основе анализа транскриптов интервью, культурных обращений и видео-блогов выявляются ключевые языковые средства и дискурсивные стратегии, конструирующие синтез традиционных ценностей, социалистической нормы и индивидуальности. Теоретической основой служат работы А.Э. Сенцова, Е.А. Панковой и В.А. Корсун, раскрывающие специфику китайской идентичности. Доказывается, что дискурс медийных персон реализует модель «гармоничного общества» на микроуровне.

Ключевые слова: национальная идентичность, китайский язык, лингвистическое моделирование, дискурс-анализ, китайская мечта, публичный дискурс.

LINGUISTIC MODELING OF NATIONAL IDENTITY IN MODERN CHINESE PUBLIC DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF BAI LU'S SPEECHES)

Abstract. The article examines the mechanisms of linguistic modeling of national identity in modern China using the example of public speeches and personal blogs of actress Bai Lu. Based on the analysis of interview transcripts, cultural addresses and video blogs, key linguistic means and discursive strategies that construct a synthesis of traditional values, socialist norms and individuality are identified. The theoretical basis is the works of A.E. Sentsov, E.A. Pankova and V.A. Korsun, revealing the specifics of Chinese identity. It is proved that the discourse of media personalities implements the model of a "harmonious society" at the micro level.

Key words: national identity, Chinese language, linguistic modeling, discourse analysis, Chinese dream, public discourse.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью публичного дискурса в конструировании и продвижении национальной идентичности в условиях глобализации. Как справедливо отмечает А.Э. Сенцов, «модели национальной идентичности, которые вырабатывались веками, дают серьезные сбои в условиях современных вызовов глобализирующемся мира» [1, с. 63], что заставляет государства искать новые, в том числе лингвистические, ресурсы для укрепления национального единства. В Китае этот процесс, по определению Е.А. Панковой, характеризуется созданием «многоуровневой сложной системы» идентичности, сочетающей глобальный, цивилизационный и национальный уровни [2, с. 348]. Целью работы является выявление и анализ лингвистических средств и стратегий, моделирующих эту сложную идентичность в современном китайском медиадискурсе на разнообразном материале выступлений актрисы Бай Лу. Эмпирический материал составили выступления актрисы Бай Лу, охватывающие официальные интервью (Sohu Entertainmen, культурные обращения (Фестиваль Лодок-драконов) и личные видео-блоги в китайской социальной сети Weibo. Методологический аппарат включает критический дискурс-анализ и лингвокультурологический анализ ключевых концептов. Анализ разнообразных выступлений Бай Лу позволил выделить несколько ключевых лингвистических стратегий, встраивающих ее личный нарратив в общенациональный.

В качестве первого ресурса для анализа было выбрано интервью актрисы о Чуньвань самом популярном телешоу Китая [4]. По-другому его также называют «гала-концерт Весеннего фестиваля». Чуньвань представляет особый культурологический интерес – ежегодно концерт транслируется в канун Нового года по китайскому календарю. Стоит также отметить важность Чуньвань его транслируют по центральному телевидению Китая на CCTV. Говоря о своём опыте выступления на гала-концерте, актриса активно использует семейную лексику, показывая поддерживающие и близкие отношения внутри семьи. Бай Лу использует в своём интервью следующую фразу: «就是跟爸妈说了...就是啊

天呐我的宝贝要上春晚了 好开心呀就是你好棒啊这种» (Перевод с китайского: «Я сказала маме с папой... Их реакция: «О боже, мой ребенок выступит на Чуньвань! Как здорово! Ты просто молодец!»)

Использование в данном контексте местоимений «爸妈» (родители) и цитирование восторженной реакции матери («我的宝贝» «мой ребенок») служит не просто личным рассказом, а лингвистическим построением микромодели нации-семьи, где достижения детей (граждан) являются предметом общей гордости, что коррелирует с конфуцианским идеалом «государства-семьи», отмеченным В.А. Корсуном [3, с. 73]. Эта стратегия дополняется моделированием скромности и самодисциплины, что соответствует конфуцианскому идеалу «благородного мужа». На вопрос о самооценке она отвечает: «现阶段六七分吧 这比及格多一点点... 就是希望自己脚踏实地的走好 每一步就行» (Перевод с китайского: «Сейчас я бы поставила себе баллов шесть-семь. Немного выше среднего... Главное для меня твёрдо стоять на ногах и уверенно проходить каждый этап этого пути»)

Самооценка на уровне «шесть-семь баллов» и акцент на выражении «твёрдо стоять на ногах» (脚踏实地) лингвистически создают образ человека, ориентированного на постоянное самосовершенствование. Это особо ярко отражает менталитет китайского человека, для которого важнейшими ценностями являются следование своим идеалам и исполнительность в работе.

Интерес для анализа представило также обращение актрисы по случаю Фестиваля Лодок-драконов – Дуаньу [5]. Праздник имеет тесную связь с историей. Считается, что Цюй Юань, древнекитайский поэт, освещал в своих произведениях коррумпированность и жадность чиновников. Как только циньские войска вторглись и захватили территорию, где он жил, поэт не выдержал позора и прыгнул в реку. Одной из важнейших традиций является поедание цзунцзы – рис, завернутый в тростниковые листья и перевязанный красной лентой. В обращении по случаю Фестиваля Лодок-драконов Бай Лу, представляя свой родной город Чанчжоу, детально описывает традиции, используя сенсорный и коллективный язык: «包粽子是常州人家最重要的一件事... 端午节家家户户门口插着的艾草仓壶驱蚊驱瘟守护一家人的快乐安康... 龙舟赛...成为节日最跃动的风景线...为了自己为了团队更为了弘扬中国传统文化的重任 (Перевод с китайского: «Заворачивание цзунцзов самое важное дело для семей Чанчжоу... На Дуаньуцзе у входа в каждый дом висят полынь и каламфус, чтобы отгонять комаров и болезни, охраняя счастье и здоровье семьи... Соревнования драконьих лодок... становятся самым динамичным пейзажем праздника... Ради себя, ради команды, и что еще важнее ради ответственности за продвижение традиционной китайской культуры» [5]

В своей речи актриса использует выражения «家家户户» (каждая семья) и перечисление ритуалов («цзунцзы», «полынь», «лодки-драконы») лингвистически актуализирует общую культурную память. Бай Лу также упоминает об «ответственности за продвижение традиционной китайской

культуры» и напрямую связывает личный опыт с национальной миссией, о которой пишет Панкова.

Было также проанализировано выступление Бай Лу в Таиланде в качестве актрисы, сотрудничающей с азиатским стриминговым сервисом iQIYI [6]. На международной арене Бай Лу демонстрирует стратегию «открытого» или «мягкого» патриотизма, основанного на уважении к другим культурам и гордости за свою страну, что напрямую коррелирует с официальным внешнеполитическим курсом КНР на «мирное возвышение» (和平崛起) и построение «сообщества с единой судьбой для человечества» (人类命运共同体).

Лингвистически это реализуется через ряд приемов. Например, Бай Лу начинает с комплимента принимающей стороне, используя сравнение, которое создает позитивную ассоциацию между природой Таиланда и его народом: «泰国还是很热 像泰国的粉丝一样 非常的热忱» (Перевод с китайского: «В Таиланде очень жарко. Точно так же горячи и полны энтузиазма тайские фанаты».) Эта метафора служит инструментом эмоционального сближения, демонстрируя не просто вежливость, а глубокое уважение и попытку установить личностный контакт.

Актриса также демонстрирует культурное уважения через язык. Ключевым лингвистическим жестом являются попытки Бай Лу говорить по-тайски, даже с ошибками: «水埋卡» (вероятно, искаженное тайское «ສ້າຍມາກ» «очень красиво»).

Этот жест, будучи скромным, является мощным дискурсивным актом. Он сигнализирует о готовности выйти из зоны комфорта и встретить другую культуру на ее территории, что моделирует образ китайского гражданина как открытого, вежливого и интернационально мыслящего. Как отмечает В.А. Корсун, традиционный китайский этноцентризм базировался на уверенности в собственном культурном превосходстве [3, с. 72]. Поведение Бай Лу лингвистически конструирует новую, более гибкую модель уверенность в своей культуре, не исключающую уважения к другим.

Более того, актрисой осуществляется интеграция личного и национального в публичную роль. Бай Лу формулирует свою цель не только как личную, но и как часть работы национального медиа-гиганта: «以后也会携手爱奇艺一起把更好的作品带给大家» (Перевод с китайского: «В будущем я вместе с iQIYI буду привозить вам лучшие работы»)

Упоминание iQIYI, как одной из ведущих платформ, осуществляющих «культурный экспорт» Китая, помещает ее личную деятельность в контекст национальной стратегии «выхода вовне» (走出去战略). Таким образом, ее речь становится лингвистическим каналом продвижения успехов китайской индустрии развлечений и укрепления нарратива о «культурной уверенности» (文化自信), о которой пишет Е.А. Панкова [2, с. 348].

Интерес для анализа представляет также личный блог актрисы в китайской социальной сети Weibo [7]. В личном видео-блоге от 6.04.2022 Бай Лу ненавязчиво интегрирует элементы официального дискурса, вплетая их в

рассказ о повседневной жизни: «大家出门都一定不得已要出门的话一定要戴好口罩注意好防护要好好生活哟» (Перевод с китайского: «Если вам совершенно необходимо выйти из дома, обязательно наденьте маску, соблюдайте меры предосторожности и берегите себя»)

Эта фраза органично встроена в контекст личных планов на выходной в период эпидемии COVID-19, лингвистически моделирует образ сознательного гражданина, следующего государственным установкам в сфере здравоохранения, и переносит нормы коллективной ответственности в сферу частной жизни.

Отдельного внимания заслуживает стратегия лингвистического моделирования идентичности через феномен «гочао» (国潮, «национальная волна») тенденцию патриотического потребления, при которой традиционные культурные коды становятся основой для современных товаров и маркетинговых кампаний. Ярким примером является сотрудничество Бай Лу с брендом косметики Florasis (花西子), название которого можно перевести как «Цветок Западного побережья» и который позиционирует себя как носитель «восточной эстетики». В рекламном ролике для этого бренда используется язык, насыщенный культурными архетипами и историческими отсылками, что служит лингвистическим мостом между древним наследием и современным потребительским выбором: «色满足了我对色彩之美的所有想象... 洛神武之数千年不曾褪色的罗衣... 宛若惊鸿宛若游龙» (Перевод с китайского: «Эта палитра воплощение моей мечты о совершенной красоте... Словно убранство самой Ло Шэн, что сияет немеркнущими красками сквозь тысячелетия... В ней мимолётность испуганной птицы и мощь извивающегося дракона») [8]

Упоминание «Ло Шэн» (洛神) богини реки Ло, центральной фигуры в китайской мифологии и поэзии сразу выстраивает связь с глубинами национальной культуры. Использование классических метафор «惊鸿» (мимолётность испуганной птицы) и «游龙» (извивающийся дракон), восходящих к знаменитой «Оде о нимфе реки Ло» Цао Чжи, служит лингвистическим маркером утонченности и исторической преемственности. Это не просто описание, а верbalное воссоздание «воображаемого музея» китайской культуры.

Концептуализация продукта как культурного наследника: Сам продукт косметика лингвистически представляется не как товар, а как прямой потомок и продолжатель традиции. Бай Лу использует следующий речевой оборот: «洛神珠流传至今... 东方印象代代相传» (Перевод с китайского: «Жемчуг Ло Шэн передается по сей день... Впечатление о Востоке передается из поколения в поколение».)

Фразы «流传至今» (передается по сей день) и «代代相传» (передается из поколения в поколение) выполняют стратегически важную функцию: они снимают с продукта коммерческую оболочку и представляют его как объект культурной трансляции. Помада или тени для век становятся современным

носителем того же «впечатления о Востоке» (东方印象), что и древние артефакты.

Актрисой также осуществляется демонстрация «культурной уверенности» через эстетический выбор: Утверждение «中国传统色满足了我...所有想象» («Эта палитра воплощение моей мечты о совершенной красоте...») является мощным лингвистическим актом. Оно транслирует идею, что национальная эстетическая система самодостаточна и способна удовлетворить самый взыскательный вкус, что напрямую перекликается с официально пропагандируемой «культурной уверенностью» (文化自信).

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что лингвистическое моделирование национальной идентичности в современном Китае носит всепроникающий и системный характер. Как мы видели, оно реализуется не через прямую пропаганду, а путем интеграции в самые разные дискурсивные практики от личных блогов и развлекательных шоу до коммерческой рекламы. По сути, формируется гибридный конструкт идентичности, где традиционные ценности, такие как семья и скромность, органично сплавляются с социалистическими нормами лояльности и вызовами глобализации.

Более того, можно выделить целую систему взаимосвязанных стратегий. На микроуровне, например, конструируется модель идеальной семьи и скромного индивида. В то же время на макроуровне происходит артикуляция «культурной уверенности» через апелляцию к общим ритуалам и историческим мифам. Не менее важна и международная арена, где продвигается стратегия «открытого патриотизма». Наконец, на экономическом уровне мы наблюдаем коммодификацию традиций, когда язык, насыщенный культурными кодами, превращает потребление в акт патриотизма.

Следовательно, язык выполняет здесь функцию мягкой силы и натурализации идеологии. Идеологические посылы, будучи вплетенными в личные истории и эстетические образы, воспринимаются как органичная часть повседневности. В результате публичная фитура становится агентом этого процесса, чей дискурс выстраивает микромодель «гармоничного общества».

Литература

1. Сенцов А. Э. Построение национальной идентичности: исторический опыт и вызовы современного мира / А. Э. Сенцов // Вестник Российской нации. – 2017. – № 5. – С. 63-74.
2. Панкова Е. А. Сохранение национальной идентичности Китая в эпоху глобализации / Е. А. Панкова // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации. – 2019. – С. 348-352.
3. Корсун В.А. «Идентичность» с китайской спецификой / В.А. Корсун // ПОЛИС. – 2008. – № 3. – С. 68-79.
4. Интервью с Бай Лу для Sohu Entertainment [Электронный ресурс]. – URL: https://vkvideo.ru/video-219705936_456248239 (дата обращения: 10.11.2025).

5. Фестиваль Лодок-драконов, 3.06.2022 [Электронный ресурс]. – URL: https://vkvideo.ru/video-211512862_456239589 (дата обращения: 07.11.2025).
6. Мероприятие iQIYI в Таиланде, 1.11.2024 [Электронный ресурс]. – URL: https://vkvideo.ru/video-211512862_456246320 (дата обращения: 05.11.2025).
7. Weibo Бай Лу, 6.04.2022 [Электронный ресурс]. – URL: https://vkvideo.ru/video-211512862_456239152 (дата обращения: 12.11.2025).
8. Weibo NYLON и Weibo Florasis, 1.09.2022 [Электронный ресурс]. – URL: https://vkvideo.ru/video-211512862_456240235 (дата обращения: 14.11.2025).

© Шаталова В.С., 2025

УДК 81.44.

С.Г. Шафиков
УУНиТ, г. Уфа, РФ
sagit.shafikov@yandex.ru

ПОЛИСЕМАНТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В работе представлены результаты изучения семантических универсалий в лексических системах ряда индоевропейских языков Европы. Материалом исследования служат соматические номинации в русском, польском, английском, немецком, французском и испанском языках. Цель исследования состоит в сравнении производных смыслов эквивалентных соматизмов и в установлении универсальных внутрисловных связей, которые характеризуют эти соматизмы в языках сравнения.

Ключевые слова: смысл, универсалия, эквивалент, эталон, язык.

POLYSEMANtic UNIVERSALS IN INDO-EUROPEAN LANGUAGES

Abstract. The paper presents the results of the study of semantic universals in the lexical systems of a number of Indo-European languages of Europe. The material of the study includes words for parts of the human body in Russian, Polish, English, German, French and Spanish. The aim of the study suggests contrasting the derived meanings of equivalent somatic lexemes and establishing universal internal ties characterizing them in the languages of contrast.

Key words: equivalent, etalon, language, meaning, universal.

Языковые универсалии относятся к наиболее актуальным проблемам языкоznания [1, с. 535]; см, например, исследования, связанные с теорией языковых универсалий и методикой соответствующих эмпирических исследований [2; 3; 4; 5; 6].

Важнейшим видом языковых универсалий по праву считаются *семантические универсалии в лексике*, которые отражают общие черты лексической семантики в мировых языках [7, с. 262]. Изучение их связано с

концептуализацией лексических категорий в языках сравнения, иначе говоря, с лексикализацией эквивалентных семантических полей.

Считается, что универсалии в сфере лексической семантики отражают общие алгоритмы мышления, что проявляется, в частности, в законах изменения значений [8, р. 102] и в структуре лексикона [9, с. 310]. Сказанное относится также к так называемым полисемантическим универсалиям, связанным с совпадением производных значений в эквивалентных многозначных лексемах разных языков.

Непосредственным объектом исследования в данной статье служит эталонное семантическое поле соматизмов, представленное рядом языков-репрезентантов данного поля, таких как русский язык (Р.), польский язык (П.), английский язык (А.), немецкий язык (Н.), французский язык (Ф.), испанский язык (И.) (всего 6 языков).

Ввиду узких рамок данной статьи в качестве иллюстративного материала используются только соматизмы, связанные с мышлением и органами чувств человека, то есть обозначающие мозговую деятельность, а также зрение, слух, обоняние и восприятие вкуса. Таким образом, структура языка-эталона, представленного языками сравнения, ограничивается инвариантными соматизмами типа [голова], [глаз], [ухо], [нос], [язык].

Способность основного значения слова продуцировать производные смыслы определенного типа можно назвать *семантической аттракцией*.

Степень семантической аттракции позволяет выделить разные типы корреляций, а именно *универсалии*, *фrekвенталии* и *маргиналии*. Если универсалии захватывают все языки сравнения (в данном исследовании 6 языков), то фrekвенталии – большинство языков сравнения (в данном исследовании ≥ 3 языков), а маргиналии меньшую часть языков сравнения (в данном исследовании < 3 языков).

Универсалии представлены следующими видами семантических корреляций: 1) «голова» ↔ «начало или верх чего-либо», 2) «голова» ↔ «разум», 3) «голова» ↔ «руководитель», 4) «глаз» ↔ «взгляд»; 5) «ухо» ↔ «внешне сходный с ухом объект»; 6) «язык» ↔ «внешне сходный с языком объект».

Фrekвенталии представлены следующими видами семантических связей (в метаязыковом описании используется более компактная форма соответствия соматического смысла производным смыслам): 1) «голова» ↔ а) «человек» (в т.ч. как единица счета), б) «наконечник мелкого механического объекта», в) «животное» (как единица счета), г) «сходный с головой объект» (например кочан капусты); 2) «глаз» ↔ «взгляд»; 3) «ухо» ↔ а) «слух», б) «ушко или проушина»; 4) «нос» ↔ а) «обоняние или нюх»; б) «носовая часть транспортного средства»; 5) «язык» ↔ а) «способность выражать свои мысли», б) «стиль речи».

Маргиналии представлены следующими видами семантических связей (в метаязыковом описании используется более компактная форма соответствия соматического смысла производным смыслам): 1) «голова» ↔ «глава книги или заглавие»; 2) «глаз» ↔ а) «зрение или зрительное восприятие», б) «присущая

человеку благодаря опыту особая способность видения», в) «блёстка жира», г) «глазок в двери для наблюдения», д) «глазок картофеля»; 3) «ухо» ↔ а) «**доносчик или сплетник**», б) «загнутый угол страницы»; 4) «нос» ↔ а) «запах или аромат», б) «острый выступ» (например мыс), в) «похожий на нос предмет»; 5) «язык» ↔ а) «система знаков для передачи информации», б) «взятый в плен для получения нужных сведений вражеский солдат».

Уникалии, в отличие от корреляций, связанных с семантической аттракцией, то есть с совпадением производных смыслов эквивалентов, характеризуют только один из языков сравнения.

Сравнение эквивалентных соматизмов, ограниченных мышлением и чувственным восприятием человека, показывает примерно равное по количеству смыслов соотношение универсалий, фреквенталий, маргиналий и уникалий. Однако в целом, учитывая значительно большую по объему выборку соматических репрезентаций в языках сравнения, уникалии **встречаются чаще, чем маргиналии, маргиналии чаще, чем фреквенталии, а фреквенталии чаще, чем универсалии**. Кроме того, наблюдается обратно пропорциональная зависимость между числом производных смыслов эквивалентных номинаций, представляющих универсалии, фреквенталии и маргиналии, и степенью семантической аттракции.

Каждый из эквивалентных номинаций характеризуется сложной семантической структурой благодаря содержательным (концептуальным) связям между номинативным и производными значениями. Можно выделить два основных типа концептуальных связей: *импликационный* и *классификационный* [10, с. 148].

Импликационная связь представляет собой когнитивный аналог связей между вещами, свойствами и отношениями реального мира. Классификационная связь может быть *инклузивной* или *симилятивной*. Инклузия выделяется по связи между широким и узким значениями слова или по паронимической связи между частью и целым, в то время как симиляция обычно связывается с метафорой.

Импликационная связь в типизируемой области соматизмов образуют 5 общих типов, каждый из которых может делиться на конкретные виды: 1) часть тела как орган чувства ↔ чувство: «глаз» ↔ «зрение или зрительное восприятие» (Р.), «ухо» ↔ «слух» (Р. = А. = Н. = Ф.); «нос» ↔ «обоняние или нюх» (П. = А. = Н. = Ф. = И.); 2) часть тела ↔ функционирование данной части тела: «язык» ↔ «стиль или манера речи» (Р. = П. = А. = Ф.), «язык» ↔ «система знаков для передачи информации» (Р. = П. = Ф.); «нос» ↔ «запах» (А. = И.); «глаз» ↔ «взгляд» (Р. = А. = Ф. = И.); 3) часть тела ↔ человек: «голова» ↔ «человек» (А. = Н. = Ф.); 4) часть тела ↔ единица измерения: «голова» ↔ «животное как единица счета скота» (Р. = П. = А. = И.), «голова» ↔ «человек» (в т.ч. как единица счета) (А. = Н. = Ф.), «язык» ↔ «способность выражать свои мысли» (Р. = П. = А. = Н.).

Таким образом, импликация (4 общих типа) включает в себя 11 конкретных видов импликационной связи. Языки сравнения можно расположить следующим образом по степени убывания полисемантической

продуктивности (в скобках отмечается число семантических реализаций): А. (9) → Р./ Ф. (7) → Н. (5) → И. / П. (4).

По типу классификационных связей рассматриваемый материал позволяет наблюдать только один вид, а именно симилятивную связь, которая включает следующие конкретные виды внутрисловной связи: 1) «голова» ↔ «ум» (Р. = П. = А. = Ф. = И.), 2) «голова» ↔ «начало или верх чего-либо» (Р. = П. = А. = Н. = Ф.), 3) «голова» ↔ «руководитель» (Р. = П. = А. = Н. = И.), 4) «голова» ↔ «глава книги», 5) «голова» ↔ «заголовок или заглавие» (А. = Н.), 6) «голова» ↔ «что-то в форме головы» (в т.ч. кочан капусты) (Р. = А. = Н. = Ф.), 7) «голова» ↔ «наконечник мелкого механического объекта» (П. = Н. = Ф. = И.), 8) «язык» ↔ «взятый в плен для информации вражеский солдат» (Р. = П.), 9) «язык» ↔ «что-то похожее на язык» (П. = А. = Н. = Ф. = И.), 10) «язык» ↔ «коса» (географическое понятие) (Н.), 11) «нос» ↔ «носовая часть транспортного средства» (Р. = А. = Н. = Ф.), 12) «глаз» ↔ «присущая человеку способность видения благодаря опыту (ср. «намётанный глаз»)» (Р. = П. = А.), 13) «глаз» ↔ «блёстка жира» (П. = Н.), 14) «глаз» ↔ «глазок» (в двери для наблюдения) (А. = Ф.), 15) «глаз» ↔ «глазок картофеля» (А. = Н.), 16) «ухо» ↔ «похожий на ухо предмет» (например ручка посуды) (Р. = П. = А. = Ф. = И.), 17) «ухо» ↔ «ушко или проушина» (П. = А. = Н. = И.), 18) «ухо» ↔ «доносчик, сплетник» (А. = И.), 19) «ухо» ↔ «загнутый угол страницы» (А. = Ф.).

Таким образом, классификационная связь состоит из 19 конкретных видов симилятивной связи. Языки сравнения можно расположить следующим образом по степени убывания полисемантической продуктивности (в скобках отмечается число семантических реализаций): А. (13) → Н. (11) → П. (10) → Ф. (9) → Р. (8) → И. (6).

Указанные типы содержательных связей обнаруживаются во всех языках сравнения, поэтому их можно считать вероятными, то есть возможными универсалиями, которые могут быть экстраполированы на иные еще не исследованные языки.

Важно отметить, что преобладание того или иного вида содержательной связи в одном языке по сравнению с другими является типологически важным признаком. В языках-репрезентантах эталона классификационные связи доминируют над импликационными ($19 > 11$), хотя в разных языках их доля разная; ср. $8 > 7$ (Р.), $10 > 4$ (П.), $13 > 9$ (А.), $11 > 5$ (Н.), $9 > 7$ (Ф.), $6 > 4$ (И.). Доминирование определенного вида семантической связи, которая характеризует все языки сравнения, также можно считать языковой универсалией.

Резюмируя, можно заключить следующее:

1. Сравнение языков-репрезентантов с языком-эталоном позволяет установить варьирование полисемантичности по языкам-репрезентантам эталона, а также по инвариантам соматических эквивалентов, нигде не достигая максимума.

2. В языках сравнения наблюдается определенная корреляция между количеством производных смыслов и степенью семантической атракции:

число производных смыслов возрастает с уменьшением степени семантической аттракции; при этом уникалии встречаются в языках сравнения гораздо чаще, чем маргиналии, маргиналии чаще, чем фреквенталии, а фреквенталии чаще, чем универсалии.

4. Число универсалий обратно пропорционально числу языков сравнения и прямо пропорционально числу инвариантных смыслов эквивалентов в репрезентантах языка-эталона.

5. Импликационный и классификационный типы содержательных связей наблюдаются во всех языках сравнения, поэтому их можно считать вероятными (возможными) универсалиями, которые можно экстраполировать на еще не исследованные языки.

6. В языках, представляющих язык-эталон, классификационные связи в целом доминируют над импликационными связями.

Литература

1. Николаева Т.М. Универсалии // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 535-536.
2. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Д. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1970. С. 31-44.
3. Успенский Б. А. Языковые универсалии и лингвистическая типология. – М., 1969. – 344 с.
4. Шафиков С.Г. Лингвистическая типология в комментариях и извлечениях: Учебное пособие. – Уфа, 2008: БашГУ. – 176 с.
5. Comrie B. Language Universals and Linguistic Typology: Syntax and Morphology. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – 264 p.
6. Goddard C., Wierzbicka A. Semantic and Lexical universals: Theory and Empirical Findings. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1994. – 510 p.
7. Мечковская Я.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 312 с.
8. Jespersen O. Mankind, Nation, and Individual from a Linguistic Point of View, Oslo: Aschehoug, 1925. – 221 p.
9. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Рус. слов., 1996. – 411 с.
10. Шафиков С.Г. Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий: Учебное пособие. – Уфа: БашГУ, 2004. – 238 с.

© Шафиков С.Г., 2025

УДК 81.44

С.Г. Шафиков
УУНиТ, г. Уфа, РФ
sagit.shafikov@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СВЕТЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛИЙ

Аннотация. В работе представлены результаты поиска семантических универсалий в тождественных фразеологических рядах определенного числа

европейских языков. Фактический материал включает фразеологизмы с соматическим компонентом в английском, немецком, французском, испанском языках, а также в татарском языке, который представляет региональный компонент материала исследования. Результатом исследования служит когнитивное моделирование «лучшего» и «худшего» человека по оценочным значениям эквивалентных фразеологизмов в языках сравнения.

Ключевые слова: внутренняя форма, значение, универсалия, фразеологизм, эквивалент, язык.

COGNITIVE MODELS OF LINGUISTIC PERSONALITY IN THE LIGHT OF PHRASEOLOGICAL UNIVERSALS

Abstract. The paper presents the results of a search for semantic universals in identical phraseological sets of a certain number of European languages. The factual material includes phraseological units with a somatic component in English, German, French and Spanish, as well as in Tatar as a regional component object of the study. The result of the study provides a cognitive mapping of the “best” and the “worst” man according to the assessed value of equivalent idioms in the contrasted languages.
Keywords: equivalent, inner form, language, meaning, phraseological unit, universal.

Фразеология составляет важную часть лексикона любого языка, поскольку именно здесь конденсируется сложная знаковая система, которая охватывает культуру, историю и психологию народа, «демонстрируя его образные представления об объективной действительности» [1].

Несмотря на очевидное варьирование этих представлений в разных языковых культурах, в них безусловно имеется нечто общее благодаря единой для всего человечества реальной действительности и универсальным принципам мышления. Именно поэтому под всеми географическими широтами человек в процессе своей познавательной деятельности проводит категоризацию внешнего мира сходным образом.

Сравнение языков независимо от их генетического родства позволяет сделать вывод о существовании языковых универсалий (универсалий языка), которые по праву составляют одну из наиболее актуальных проблем языкоznания [2, с. 535]. Не удивительно, что проблематика лингвистических универсалий охватывает огромное число публикаций; см., например, некоторые работы [3; 4; 5; 6].

Важнейшим видом языковых универсалий можно считать *семантические универсалии в лексике*, которые отражают общие черты лексической семантики в мировых языках [7, с. 262].

Весьма актуальной темой в сфере лексической семантики и, соответственно, семантических универсалий в лексике представляется исследование фразеологии в языках сравнения.

Думается, наиболее благодатным материалом для изучения могут служить фразеологические единицы с соматическим компонентом. В силу самой природы вещей метафоризация соматизма представляется наиболее прозрачной

для создания универсальных смыслов, понятных для носителей любого языка вследствие универсальной анатомии и физиологии человека.

Сказанное объясняет большой интерес, проявляемый учеными к изучению соматических универсалий на материале разных языков; см., например, некоторые работы [8; 9; 10].

В качестве иллюстративного материала используются европейские языки в виде представителей коммуникативно наиболее значимых генетических «ветвей» индоевропейской семьи, а именно 1) германской ветви: английский язык (А.Я.) + немецкий язык (Н.Я.) и 2) романской ветви: французский язык (Ф.Я.) + испанский язык (И.Я.). Кроме того, для исследования привлекается татарский язык в качестве регионального компонента, а также как представитель тюркской семьи языков.

Фундаментальное значение для понимания смысла фразеологизма имеет *внутренняя форма* как образ, который лежит в основе любой мотивированной номинации, в том числе в основе фразеологизма.

Как известно, эквивалентные фразеологизмы разных языков чаще всего различаются своей *мотивировкой*, то есть внутренней формой; ср., например, эквивалентные по смыслу выражения в английском и русском языках: Р.Я. *ехать в Тулу со своим самоваром* = А.Я. *to carry coals to Newcastle* (дословно «возить уголь в Ньюкасл», то есть в город угольных шахт).

Очевидно, что поиск фразеологических универсалий следует вести в точке пересечения денотативного значения эквивалентных фразеологизмов разных языков, совпадающих, кроме того, по своей мотивировке.

При установлении универсалий целесообразно допущение незначительного варьирования внутренней формы. Например, идея опьянения может передаваться с помощью концепта «поступление <опьяняющего напитка> в голову»; ср. следующие эквиваленты: А.Я. *to go to one's head* = Р.Я. *ударить в голову* = Ф.Я. *monter à la tête* = Н.Я. *in den Kopf steigen* = И.Я. *subirse a la cabeza*; идея бережного сохранения чего-либо ценного часто передается в языке сравнением с глазами или зрачками глаз; ср. А.Я. *to cherish as the pupil of one's eye* = Н.Я. *wie seinen Augapfel hüten* = Ф.Я. *cherir comme la prunelle de l'œil* = И.Я. *cuidar como las niñas de sus ojos* (дословно «беречь как дочерей свои глаза»); ср. также значения глаголов, которые комбинируются с соматизмом для создания эталонного (тождественного) смысла, например, «хранить молчание»: Ф.Я. *se mordre la langue* (дословно «прикусить язык»); ср. И.Я. *tener la boca cerrada* (дословно «держать язык закрытым»); ср. Н.Я. *die Zunge im Zaum halten* (дословно «держать язык в уздечке»); «быть начеку / прислушиваться»: Н.Я. *die Ohren steif halten* = Ф.Я. *tendre l'oreille* (дословно «напрягать уши»); ср. И.Я. *parar las orejas* = Т.Я. *қолақ торғызы* (дословно «держать уши торчком»).

При несовпадении мотивировки эквивалентных фразеологизмов образуется *уникалия*. Так, для передачи идеи «подчиненности» английский язык использует слово *neck* «шея» (*to bend one's neck*), а русский язык – слово *голова* (*склонить голову*); идея погружения в какой-то процесс, который занимает все внимание субъекта, передается в татарском языке через соматизм «голова»

(баш белән чуму), а во французском языке через слово «нос»: *ne pas lever le nez de quelqu'un* (дословно «не поднимать носа от чего-либо»); испытывая досаду на себя за совершенную ошибку, татарин или русский кусает себе локти (Т.Я. *терсәкне тешләгү* = Р.Я. *кусать локти*), а француз – пальцы (*s'en mordre les doigts*) и т.д.

Любой соматизм в составе фразеологизма несет в себе потенциал возможной универсалии, что, вероятно, объясняется прозрачностью метафоры в значении фразеологизма. При этом прозрачность метафоры не всегда приводит к его языковой реализации в конкретном языке.

Внутренняя форма фразеологизма может вызывать положительную или отрицательную оценку в зависимости от двух факторов: 1) функционирование данной части тела, 2) соответствие языковой личности («эго») субъекту действия глагольного фразеологизма.

Первый фактор связан с функциональным, то есть целесообразным (порой чрезмерным) использованием какой-то части тела, что вызывает «одобрение»; наоборот, его неэффективное использование вызывает «неодобрение»; ср. следующие парные фразеологизмы в английском языке с диаметрально противоположной оценочной характеристикой для каждой пары: *to open a person's eyes ↔ to close one's eyes to something, to rack one's head ↔ to lose one's head, to be somebody's right hand ↔ to fold one's arms*. Как известно, функция органа зрения состоит в визуальном восприятии реального мира; поэтому намеренная дисфункция этого органа не может оцениваться позитивно; аналогичным образом, голова служит хранилищем мозга, поэтому даже его интенсивная эксплуатация, когда человек «ломает голову» (ср. А.Я. *to rack one's brains* = Н.Я. *den Kopf zerbrechen* = Ф.Я. *se casser la tête* = И.Я. *quebrarse la cabeza*) оценивается как нечто лучшее, чем «потеря головы» (ср. А.Я. *to lose one's head* = Н.Я. *den Kopf verlieren* = Ф.Я. *perdre la tête* = И.Я. *perder la cabeza*), несмотря на деструктивное значение глагола.

Второй фактор связывает субъекта глагольного фразеологизма с субъектом реального мира, *homo loquens*, коммуниканта реальной ситуации, на место которого может поставить себя любая «языковая личность». Оценочный знак (плюс или минус) зависит от внеязыкового контекста: одно дело, если <я кого-то> беру за горло (здесь оценочное значение ФЕ «улучшается»); другое дело – если <кто-то меня> берет за горло (здесь оценочное значение ФЕ «ухудшается»).

Фразеологизмы с соматическим компонентом можно использовать для моделирования вариантов «лучшего» или «худшего» человека как субъекта когнитивного пространства «человек».

«Лучший человек» отличается **осторожностью**, сознавая, что иногда лучше держать язык (за зубами) (ср. А.Я. *to hold one's tongue* = Т.Я. *телне тыю* = Н.Я. *die Zunge im Zaum halten* = Ф.Я. *se mordre la langue* = И.Я. *tener la boca cerrada*), всегда лучше быть начеку при угрозе безопасности (А.Я. *prick up one's ears* = Н.Я. *die Ohren steif halten* = Ф.Я. *tendre l'oreille* = И.Я. *parar las orejas* = Т.Я. *қолаң торғызу*), **разумом** благодаря голове (на плечах), как у всякого «лучшего человека» (А.Я. *to have a head* = Н.Я. *den Kopf oben behalten* (*einen guten Kopf haben*) = Ф.Я. *avoir la tête sur les épaules* = И.Я. *tener la cabeza sobre*

los hombros = Т.Я. берәунең баше бар), **ответственностью**, которая позволяет «лучшему человеку» выходить (вылечить) больного (А.Я. *put smb on one's feet* = Ф.Я. *remettre qn sur pieds* = И.Я. *poner en los pies* = Т.Я. аяқقا бастыру).

Наоборот, «худший человек» отличается **невнимательностью**, не замечая того, что лежит под самым носом (А.Я. *to see what is under his very nose* = Н.Я. *vor (unter) seiner Nase* = Ф.Я. *être sous le nez* = И.Я. *estar en sus narices* = Т.Я. борын астында күрмәскә), **высокомерием**, задирая нос «выше головы» (А.Я. *to turn one's nose up* = Н.Я. *die Nase zerreißen* = Ф.Я. *mettre le nez dehors (faire de son nez)* = И.Я. = Т.Я. борын қутәрен тору), **болтливостью** благодаря слишком длинному языку (А.Я. *one's tongue is too long for one's teeth* = Н.Я. *eine lange Zunge haben* = Ф.Я. *avoir la langue trop longue* = И.Я. *tener una boca muy grande* = Т.Я. берәунең теле бик озын), **любопытством**, которое заставляет «худшего человека» совать нос в чужие дела (А.Я. *to poke one's nose into somebody's affairs* = Н.Я. *seine Nase in alles stecken* = Ф.Я. *mettre son nez* = И.Я. *meter la nariz* = Т.Я. борын тыту), **опрометчивостью**, которая приводит к тому, что «худший человек» свернет себе шею (А.Я. *to break one's neck* = Н.Я. *sich das Genick brechen* = Ф.Я. *se rompre (se casser) le cou* = И.Я. *romperse el cuello* = Т.Я. муенын сындыру), **ленью**, которая позволяет «худшему человеку» сидеть сложа руки (А.Я. *to fold one's arms* = Н.Я. *die Hände in den Schoß legen* = Ф.Я. *se croiser les bras (rester les bras croisés)* = И.Я. *estar con los brazos cruzados* = Т.Я. құл құшырып утыру), **предательством**, если можно позволить себе повернуться спиной к близкому человеку, попавшему в беду (А.Я. *to turn one's back on somebody* = Н.Я. = Ф.Я. = И.Я. *volver la espalda (dar las espaldas)* = Т.Я. арқасе белән тору), **драчливым характером**, чтобы поднимать руку на «лучшего человека» (А.Я. *to lift a hand against the best person* = Т.Я. құл қутәруды).

Легко видеть, что в подавляющем числе случаев превалирует отрицательная оценка. При этом пейоративное значение фразеологизма обычно связывается с соматическим компонентом, который указывает на менее важное понятие (в представлении среднего человека), такое как «локоть», «нос», «шея», чем орган, который играет более значительную роль в жизни человека, такой как голова, рука, нога, глаз, ухо и т.д.

Литература

1. Махмудов У.Р. О сопоставительной фразеологии // Молодой ученый. 2015. № 8 (88). С. 1141-1144. URL: <https://moluch.ru/archive/88/16612>
2. Николаева Т.М. Универсалии // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 535-536.
3. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Д. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1970. С. 31-44.
4. Успенский Б. А. Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969. 344 с.
5. Comrie B. Language Universals and Linguistic Typology: Syntax and Morphology. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. 264 р.
6. Шафиков С.Г. Лингвистическая типология в комментариях и извлечениях: Учебное пособие. Уфа, 2008: БашГУ. 176 с.

7. Мечковская Я.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. М.: Флинта: Наука, 2001. 312 с.
8. Мокиенко В.М. Методы сопоставительного исследования русской и немецкой фразеологии // Русский язык и литература в современном диалоге культур. VIII Международный конгресс МАПРЯЛ: Тезисы докладов. Регенсбург, 1994. С. 34-35.
9. Мавлонова Н.А. О сопоставительном изучении фразеологии на современном этапе //Scientific Progress. V.2 (4). 2021. P. 849-856.
10. Лаврищева Е.В. Роль физиологической метафоры в репрезентации когнитивного фрагмента «эмоциональное пространство» // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т.4, №1, 2018. С.13-21.

© Шафиков С.Г., 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Аминова Л.В., Латыпова З.А.

Этнические стереотипы феминности во французском анекдоте.....3

Арбузова Н.А.

Пространственные концепты и ландшафтные метафоры в идиостиле Лори Ли
(на материале романа «Сидр и Рози»)6

Voytsekh K.D., Gaeva V.S.

Allusion-based wordplay in the commercials with celebrities13

Voytsekh K.D.

Lexical replacements in parallel constructions as a base for meaning formation in
song discourse16

Гарьковская Т.Н.

Научный дискурс как смыслопорождающая система (на примере
интерпретации английских существительных широкой семантики).....20

Гафарова Г.В., Васюткина А.В.

Перевод научно-технических текстов: лингвистические, когнитивные
и методологические аспекты26

Гафарова Г.В., Курочкина А.Н.

Прагматическая адаптация в художественном тексте..... 31

Гукалова Н.В.

К вопросу о грамматикализации модальных глаголов в шотландском
языке..... 36

Давлетбаева А.Ф., Варуха И.В.

Интегрированное преподавание иностранных языков..... 40

Исхакова Э.В., Кажимова Д.Р.

Англицизмы в текстах СМИ 45

Исхакова Э.В., Накиева А.М.

Перевод лакун..... 48

Исхакова Э.В., Юлдашбаева А.Н.

Перевод сказок..... 53

Климова Т.А.

Синергический концепт *LIFE/DEATH* в романе Кадзуо Исигуро *Never Let Me Go* как продукт синкетизма сознания билингва..... 55

Козлова Л.А., Калинина Ю.Г.

Межъязыковая асимметрия в сфере частиц в русском и английском языках
и факторы, её обусловливающие..... 60

Комкова А.С.

Семиотическое ослабление в процессе совершения правосудия: лингво-
правовой анализ германских источников VII–XI вв..... 64

Коне Ф.

Культурная трансмиссия и местные языки в мультикультурных районах
Бамако: социокультурная динамика и сплоченность общины..... 68

Корзун Е.Е., Корзун А.В.

Лингвистические особенности формирования общественного мнения..... 73

Кошеварова Ю.А.	
Формирование речевого медийного имиджа посредством противопоставления	76
Кудряшева Ф.С., Никифоров Р.С.	
Импрессионизм как основа художественного метода М. Пруста	80
Курашкина Н.А.	
О некоторых особенностях диалектных орнитонимов.....	87
Кучер В.В.	
Семиотический резонанс в поэтической прозе Лори Ли.....	90
Лето Я-А.В.	
Машинное распознавание лингвистических маркеров коммуникативной агрессии в американском политическом дискурсе на примере использования модели XLM-RoBERTa	93
Мамаева Е.Е.	
Проблема «непереводимого» в поэзии.....	99
Матвеева А.А.	
Особенности использования иноязычных служебных слов в эргонимах города Уфы.....	104
Матвеева А.А.	
Характеристики использования форманта «S» в эргонимах города Уфы	108
Матвеева Е.В.	
Концептуальные метафоры в христианской драме War Room	112
Миниярова Д.Р.	
Экстралингвистические факторы, влияющие на формирование урбанонимических систем Вашингтона, Лондона и Канберры: обзорная статья	118
Москвина Т.Н.	
О семантических процессах в островных немецких диалектах.....	122
Муравлева В.Р.	
Язык, культура и динамика смыслов: лингвистический взгляд на социальные практики.....	126
Нуриахметова А.С., Шакирова Э.Р.	
ИИ-переводчики как «великие уравнители»: убьют ли технологии мотивацию изучать английский язык?.....	129
Одинокая М.А., Дюкова Т.А.	
Роль тюркских языков в формировании русской лексики.....	132
Паршина О.Д.	
Рекурсивный характер инвертирования бинарных оппозиций в экспликации провинции.....	136
Пешкова Н.П.	
«Смысловые скважины» текста как инструмент его понимания в современной коммуникации.....	140

Погорелко А.М., Герасина Т.Н.	
О лингвистической интерпретации коммуникативной модели Шеннона-Увера.....	144
Поздерова Г.Ф.	
Немецкий язык глазами немцев.....	150
Полякова А.А.	
Особенности речевого воздействия в социальных сетях (на примере аккаунта Д. Трампа в сети “Truth Social”).....	153
Рябцова Н.И.	
Русские названия улиц на карте Парижа.....	158
Самигуллигна А.С., Бодулева А.Р., Корзун А.В.	
Междисциплинарный подход в области языкознания.....	163
Таюпова О.И.	
Прагматика перевода рекламных медиатекстов (на материале реклам безрецептурных препаратов)	166
Терентьев О.С., Зорина С.Л.	
Перевод интерфейса в видеоигре.....	169
Фатах Мардан Таха Фатах	
Когнитивные признаки концепта <i>FRIENDSHIP</i> в сказочном дискурсе на примере романа «The Girl in the Tower» Кэтрин Арден.....	174
Фёдорова А.Л.	
Прозаический цикл в литературе на простом языке (на материале рассказов Ю. Шох).....	176
Хакимова Р.Б.	
Лингвистический потенциал доменных имён как основа цифровой номинации.....	181
Чиж Р.Н.	
Креативный потенциал медиадискурса.....	185
Шаталова В.С.	
Лингвистическое моделирование национальной идентичности в современном китайском публичном дискурсе (на примере выступлений Бай Лу).....	190
Шафиков С.Г.	
Полисемантические универсалии в индоевропейских языках.....	196
Шафиков С.Г.	
Когнитивные модели языковой личности в свете фразеологических универсалий	200

При подготовке электронного издания использовались следующие программные средства:

- Adobe Acrobat – текстовый редактор;
- Microsoft Word – текстовый редактор.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научное издание

ЯЗЫКИ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР: ПРОБЛЕМЫ МНОГОЯЗЫЧИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Материалы
VII Всероссийской научно-практической конференции
(г. Уфа, 28 ноября 2025 г.)*

Электронное издание сетевого доступа

*За достоверность информации, изложенной в статьях,
ответственность несут авторы.
Статьи публикуются в авторской редакции*

Подписано к использованию 23.12.2025 г.
Гарнитура «Times New Roman». Объем 5,15 Мб.
Заказ 379.

*ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
450008, Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 12.*

Тел.: +7-908-35-05-007
e-mail: ric-bdu@yandex.ru